

В.Е. Еременко

«КЕЛЬТСКАЯ
ВУАЛЬ»
И
ЗАРУБИНЕЦКАЯ
КУЛЬТУРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. Е. ЕРЕМЕНКО

«КЕЛЬТСКАЯ ВУАЛЬ» И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

Опыт реконструкции
этнополитических процессов III—I вв. до н. э.
в Центральной и Восточной Европе

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1997

ББК. 63.4
Е70

Рецензенты:

д-р ист. наук М.Б. Шукин (Гос. Эрмитаж)
д-р ист. наук Г. С. Лебедев (Санкт-Петербургский ун-т)
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского университета

Еременко В. Е.

Е70 "Кельтская вуаль" и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III—I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. — СПб.: — Издательство Санкт-Петербургского университета. 1997. — 232 с.
ISBN 5-288-00917-1

В монографии рассматриваются проблемы, связанные с происхождением зарубинецкой культуры и родственных ей археологических культур конца III в. до н. э., начала I в. н. э., расположенных между Эльбой, Одером, Дунаем и Днепром и подвергшихся кельтскому влиянию. В книге анализируются гипотезы происхождения славян, показывается роль "кельтизированных культур" в европейском культурогенезе.

Для историков, археологов, преподавателей исторических факультетов.

Научное издание
Еременко Владимир Евгеньевич

**"КЕЛЬТСКАЯ ВУАЛЬ" И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
III—I вв. до н. э. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Редактор *И. М. Рай*
Обложка художника *С. В. Алексеева*
Технический редактор *Г. М. Матвеева*
Корректор *Г. А. Янковская*

ИБ № 3798

Сдано в набор 01.02.97. Подписано в печать 05.06.97. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печл. 13,48. Усл. кр.-отт. 13,6. Уч.-издд. 15,26.

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/8.

Картографическая фабрика ВСЕГЕИ 199178, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 72.

ISBN 5-288-00917-1

ББК 63.4

© В. Е. Еременко, 1997

ВВЕДЕНИЕ

Зарубинецкая культура расположена в Поднепровье, на самой восточной окраине ареала культур «кельтской вуали» II—I вв. до н. э., и наиболее слабо связана с его центрами. Тем не менее ее сходство с кельтской культурой эпохи латена было отмечено еще А. А. Спицыным [303, с. 56]. Современные исследователи считают зарубинецкую культуру наряду с родственными ей оксывской и пшеворской (а также рядом менее значительных культурных образований позднего предримского времени, расположенных между Эльбой, Днепром и Дунаем) одной из культур «некельтского латена», или «кельтской вуали». [122; 405; 429; 440; 574 и др.]. За всеми этими культурами и культурными группами закрепился термин «латенизированные».

Понятие «латенизированная культура» подразумевает не только то, что она подверглась сильному кельтскому влиянию, но и то, что благодаря этому произошла структурная перестройка всех ее звеньев. Так, для латенизированных культур характерен ряд общих признаков: наличие фибул, преобладание неукрепленных поселений и грунтовых могильников с урновыми и ямными трупосожжениями, близость форм украшений, оружия, орудий труда и в меньшей степени керамики. Немаловажным признаком общности латенизированных культур является и относительное единство культурных изменений, приводящее к частичным совпадениям их хронологических периодов как друг с другом, так и с собственно латенской системой относительной хронологии.

Со времени открытия новой культуры и близких ей пшеворской и оксывской культур, памятники которых обнаружены в

основном на территории Польши и Восточной Германии, исследователей не перестает интересовать судьба их носителей. При этом археологические материалы изучаются, как правило, в этногенетическом плане, в русле одной из двух основных гипотез о происхождении славян — поморской и верхнеднепровской [361]. Значительно меньше распространено мнение о балтской их принадлежности [284, с. 53-78]. В немецкой историографии преобладает мнение о восточногерманской принадлежности латенизированных культур [440].

Нельзя не отметить, что существенное, а подчас и определяющее влияние на этническую интерпретацию латенизированных культур оказывали и в значительной степени продолжают оказывать вненаучные, геополитические факторы, связанные с долгим спором о восточных границах Германии. Влияние этих факторов можно проследить на примере эволюции взглядов виднейшего польского ученого Я. Костшевского, долгое время считавшего культуру позднего предримского времени, памятники которых обнаружены на территории Польши, восточногерманскими [466], а в послевоенные годы предложившего обоснование славянской их принадлежности [467; 470; 471], развитое и дополненное его учениками — археологами познанской школы. Влияние «большой политики» отчетливо видно, таким образом, не только в обосновании территориальных притязаний Германии, но и в большинстве автохтонных гипотез о происхождении культур и народов, расположенных к востоку от нее: игнорирование роли миграционных процессов в древности приводит к большим натяжкам и чрезмерно вольному обращению с исследуемыми материалами. В стремлении доказать, что современные народы Восточной Европы всегда жили там же, где и сегодня, нетрудно увидеть скорее политическую цель, нежели научную задачу. Но современные политические реалии позволяют считать эту цель устаревшей и исходить из того, что древние племена не признавали современных государственных границ, а древняя история человечества представляет собой непрерывную цепь войн и переселений, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено.

После открытия В. В. Хвойко могильника у с. Зарубинцы, давшего название новой культуре [333], прошло более 90 лет. За это время в результате систематических раскопок и разведок накоплен значительный фактический материал: открыто более 500 поселений и могильников, на которых исследовано около 1000 погребений и 150 жилищ [368, с. 10]. Этот материал опубликован и обобщен в работах П. Н. Третьякова, Ю. В. Кухаренко, К. В. Каспаровой, Е. В. Максимова, Л. Д. Побочя и др. [114—118; 146; 149; 151—152; 172; 174—175; 253—

258]. В послевоенные годы в Молдове и Молдавии открыты близкие зарубинецким памятники типа Поянешти-Лукашевка [239; 327—328; 377; 566]. На археологических картах появились новые культуры — милоградская на восточном Полесье, Волини и Среднем Днестре [73—74; 195; 249; 282] и позднескифская на Нижнем Днестре и в Крыму [65; 260; 352]. За счет открытия новых памятников на Волини и западном Полесье расширилась на восток территория, занятая поморской культурой [214—216; 216а; 240]. Обнаружены новые кельтские памятники, отдельные находки и импорты к востоку от Карпат, сделаны попытки их обобщения и интерпретации [148; 186—188; 551; 580, с. 139—165].

Наряду со скифской версией происхождения зарубинецкой культуры, выдвинутой В. В. Хвойко [334], развитой и дополненной И. М. Самойловским, Е. В. Максимовым и Б. А. Рыбаковым [174, с. 116-128; 175, с. 155-158; 279, с. 198-203; 280], были предложены милоградско-подгорцевская [73; 258, с. 21-23], поморская, получившая в отечественной историографии наибольшее распространение [15; 118, с. 56-59; 150; 184; 284, с. 74-76], а также ясторфская [528; 554] версии.

Взаимодействие кельтской, латенской культуры с другими воспринимается сегодня как два импульса: новая волна (кельтская) находится на подъеме, в то время как сила старой (местные культуры) постепенно затухает. Такое понимание взаимодействия латенской и местных культур предполагает статичное состояние и пассивную роль последних в процессе латенизации. Из него следует, что местные культуры, расположенные на огромной территории от Эльбы и Одера до Вислы, Дуная и Днестра в конце III в. до н. э. вдруг одновременно приходят в упадок и без всякого сопротивления подвергаются сильнейшему инокультурному, иноэтничному, т. е. чужеродному для них, влиянию. И это влияние оказывается настолько сильно, что на абсолютно разном исходном материале выкристаллизовываются порой неотличимые друг от друга культурные традиции. Но эта, казалось бы, правильная конструкция, подкупающая своей стройностью и простотой, требует проверки.

Дело в том, что связь происхождения зарубинецкой культуры с общеевропейским процессом латенизации, т. е. с широким распространением кельтского культурного влияния, до сих пор не служила темой специального исследования, за исключением цикла статей К. В. Каспаровой, посвященных роли юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры [120—122; 127]. В достаточной степени абстрактное понимание процесса латенизации некельтского населения и преувеличение

роли латенской культуры привели исследователей, как это ни парадоксально, к обоснованию гипотез о происхождении всех латенизированных культур из местных культур предшествующего времени: пшеворской и оксывской — из поморской, поянешти-лукашевской — из гетской, зарубинецкой — из скифской, милоградской или поморской. Общим местом этих гипотез стал отказ от рассмотрения важнейших для понимания культурогенеза вопросов о том, каков был механизм и формы процесса латенизации, когда, где и в каких исторических условиях он происходил, какие причины побудили население Поднепровья, Поднестровья и Повисленья воспринять кельтскую культуру, пусть и в значительно трансформированном виде. Взамен постановки этих вопросов предлагается гипотеза о существовании «дофибульной», т. е. нелатенизированной, стадии зарубинецкой культуры, генетически связанной с местными культурами предшествующего времени [171, с. 18, 23; 173; 257, с. 42-47]. Искусственность выделения этой стадии вызвала достаточно резкую и аргументированную критику [128].

Вместе с тем близость латенизированных культур друг другу настолько велика, что объяснить ее только нивелирующим кельтским влиянием вряд ли возможно. Это привело к попытке выведения всех этих культур из одной — поморской [470; 471]. Но, как справедливо отметил П. Н. Третьяков, остается неясным, почему на одной и той же основе одновременно сформировалось несколько разных культур [318, с. 215], поскольку различия между ними вряд ли могут быть сведены только к различию их местного субстрата.

Часть сторонников пришлого, поморского происхождения зарубинецкой культуры полагают, что процесс латенизации мог происходить не только в Повисленье, но и на территории западных областей Украины и Белоруссии, где в предшествующее время существовало немногочисленное позднепоморское население [321, с. 37]. Но для этих предположений нет достаточных оснований: латенские импорты исчезают здесь еще в конце IV в. до н. э., а какие-либо другие следы кельтского влияния выявить не удается [582]. Надежды на обнаружение памятников, переходных от позднепоморских к раннезарубинецким, после 30-летних полевых исследований не оправдались.

Таким образом, создается впечатление, что в известных нам археологических источниках процесс латенизации не оставил никаких следов. Мы оказываемся перед выбором: или считать зарубинецкую культуру результатом практически мгновенной в историческом масштабе латенизации местной культуры (местных культур), или допустить ее появление в Поднепровье в уже

сложившемся виде. Но в обоих случаях вопрос о причинах и сущности процесса латенизации не может быть решен простой локализацией его результата в том или ином географическом районе.

Были предложены и компромиссные пути решения проблемы происхождения зарубиной культуры. Первое направление представлено работами Б. А. Рыбакова, объединившего миграционные и автохтонные гипотезы [279, с. 198-203]. Но их механическое соединение лишь усилило внутренние противоречия каждой, на что и обратили внимание М. Б. Щукин и В. В. Седов [285, с. 7; 361, с. 105].

Второе направление не отрицает участия в сложении зарубиной культуры пришлого населения, но основным компонентом, определяющим культурное и в особенности этническое своеобразие, считает именно местное население [175, с. 155-158; 176; 177; 246; 248; 318, с. 217; 319]. Работы сторонников этого направления выгодно отличаются полнотой учета зарубиной культуры и материалов местных культур предшествующего времени, но к сожалению, исследование роли пришлого населения в сложении новой культуры ограничивается констатацией ее сходства с другими латенизированными и ссылками на юго-западные связи, подробно исследованные К. В. Каспаровой [120-122].

Вместе с тем проявление кельтского влияния на местные культуры Поднепровья во второй половине III в. до н. э., т. е. в период средневропейской консолидации кельтов, оставивших в это время одну завоеванную территорию за другой [329, с. 58-60], не может быть отнесено за счет случайных, нерегулярных торговых или каких-либо иных контактов. Слишком глубоко воздействие кельтской культуры на все без исключения стороны жизни не-кельтского населения, включая наиболее консервативные сферы традиционной культуры — погребальный обряд [127] и керамическое производство. Следует отметить, что даже и регулярные контакты с более развитыми культурами не всегда приводят к существенным изменениям облика варварских культур. Так, например, связи центральных кельтских земель в позднем гальштате и раннем латене с античным миром отнюдь не привели к эллинизации кельтского населения: дорогие и престижные импорты распределялись исключительно в среде знати и не затрагивали «массовую культуру» рядовых общинников [571].

Приходится констатировать, что классическая форма «местная культура + кельтское влияние = латенизированная культура» во многом остается схемой без реального исторического содержания, и постановка проблемы латенизации в качестве темы спе-

циального исследования становится все более актуальной для выяснения причин, которые привели к сложению восточного цикла латенизированных культур в целом и зарубинецкой культуры в частности.

Исследование процесса латенизации включает ряд основных аспектов. Первый — это изучение его внутренних предпосылок с точки зрения собственно кельтской истории и хронологии латенской культуры. Второй — это выявление внешних предпосылок, т. е. принципиальной возможности участия в нем носителей местных культур — скифской, милоградской, поморской. Третий — это определение того импульса, «исходного пункта», который мог положить начало сложению цикла латенизированных культур. И, наконец, четвертый — это взгляд «изнутри» зарубинецкой культуры, т. е. выявление ранних этапов ее сложения и культурологическое исследование ранних комплексов.

Все аспекты предполагают анализ в первую очередь хронологического плана, единство которого обусловлено существованием общепринятой системы хронологии восточного латена и применением единого корреляционного метода для изучения хронологии могильников. Материалы поселений и случайные находки, имеющие большое значение для исследования соотношения местных и пришлых элементов в культурах, как правило, не поддаются четкому хронологическому определению (за исключением типов вещей, обнаруженных на поселениях с хорошо прослеженной стратиграфией или узко датированных по аналогам) и поэтому менее существенны для хронологических разработок.

Итак, узловым моментом исследования процесса латенизации может стать рассмотрение среза секвенций археологических культур между Эльбой и Одером на западе, Вислой и Днестром на востоке и Дунаем на юге III—II вв. до н. э. Начало этому положено Т. Домбровской [405] и М. Б. Шукиным [544]. Посильным вкладом в изучение столь сложного вопроса является и настоящая монография. Ее структура определяется последовательным рассмотрением перечисленных выше аспектов процесса латенизации, слабая исследованность которых обусловила во многом полемический, дискуссионный характер предлагаемых здесь гипотез и их доказательств, проявившийся еще в процессе их обсуждения. Автор выражает глубокую признательность всем исследователям, принявшим участие в обсуждении и сделавшим ряд критических замечаний принципиального характера, многие из которых были учтены в процессе подготовки рукописи к изданию.

ГЛАВА

Период исторической экспансии кельтов и восточное пограничье латенской культуры в IV—III вв. до н. э.

Прежде чем обратиться к материалам местных культур Восточной Европы IV—III вв. до н. э. для выяснения возможности участия их носителей в процессе латенизации, необходимо рассмотреть современное состояние хронологии латена в целом и по отношению к самым восточным кельтским памятникам и находкам, обнаруженным на Закарпатской Украине и к востоку от Карпат. Такой экскурс в кельтскую археологию не только даст единую хронологическую схему, применимую для всех частей работы, но, возможно, позволит выявить какие-либо внутренние, с позиций латенской культуры, предпосылки процесса латенизации. Он необходим еще и для того, чтобы выяснить, имеют ли латенские памятники Закарпатской Украины и кельтские импорты к востоку от Карпат непосредственное отношение к процессу латенизации, приведшему к сложению памятников типа Поянешти-Лукашевка, или же эти археологические источники свидетельствуют о процессах иного рода.

1. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ЛАТЕНА¹

Существует несколько общепринятых систем хронологии латена. Первая основана на хронологических разработках О. Тышлера, разделившего в 1885 г. латенскую эпоху на раннюю, среднюю

¹ Настоящий параграф строится на основе двух статей, написанных в соавторстве с М. Б. Щукиным [365; 545].

и позднюю [558]. Это деление принял за основу Й. Дешелетт, обозначив ранний латен цифрой «1», средний — «2», поздний — «3» и несколько удревнив по сравнению со своим предшественником ступень 1 [408]. К. Шумахер разделил ранний латен на две ступени — 1 и 2, а Д. Виолье на три подфазы — Ia, Ib, Ic [541; 563; 564]. Хронологическая система, разработанная последователями О. Тышлера с помощью типологического и корреляционного методов, применяется в основном для изучения западных латенских памятников, т. е. находящихся к западу от Рейна и Верхнего Дуная. В настоящее время она используется для достаточно узкой (в пределах 25-50 лет) их датировки [417, с. 48; 445]. Вследствие несовпадения темпов развития «континентального» и «островного» латена хронология кельтских памятников Англии, Ирландии и Нормандии существенно отличается от западнокельтской, хотя и организована подобным образом и базируется на тех же методах. То же следует сказать и о хронологии кельто-иберийских памятников, открытых на территории Испании [425; 429, с. 76, 88-93; 446].

В 1902 г. П. Рейнеке предложил хронологическую схему восточного латена, т. е. кельтских памятников, расположенных между Рейном и Дунаем на территории Средней, Юго-Восточной, Северной и Восточной Европы, причем Бавария, Австрия и Тюрингия тяготеют к восточнокельтской группе [527]. Были выделены четыре хронологические ступени — А, В, С и D. Впоследствии оказалось возможным более дробное членение ступеней восточного латена. В работе Х. Кремера, посвященной материалам опидума Манхинг, расположенного на Верхнем Дунае, ступень D (поздний латен) была разделена на D₁ и D₂ [473]. Ф. Р. Ходсон, исследовавший хронологию могильника Мюнзинген (Швейцария), выделил ступени Ia и Ib раннего латена (B₁ и B₂ в системе восточноевропейской хронологии) [447]. Х. Поленцу удалось разделить среднелатенские погребения могильника Дитценбах на ступени C₁ и C₂ [522, с. 32-37, рис. 58-59]. В 1982 г. Й. Буйна, исследовавший с помощью корреляционных методов кельтские погребения Карпатской котловины, расчленил ступени B₂ и C₁ на B_{2a}, B_{2b}, B₂/C₁, C_{1a} и C_{1b} [390, рис. 1-5].

В рамках хронологической системы восточного латена, разработанной П. Рейнеке и его последователями, предпочтение отдается исследованию относительной хронологии, и лишь после выясняются абсолютные датировки периодов. Такой подход дал возможность не соотносить периоды существования и развития памятников и культурных групп по абсолютным датам, которые порой весьма трудно или вовсе невозможно определить с достаточной точностью, а синхронизировать их по одинаковым или

типологически близким вещам [391, с. 288]. В результате подобных сопоставлений стало реальным построение общепринятой европейской относительной хронологии восточного латена. Поскольку в нее удалось включить практически все материалы не только латенской, но и латенизированных культур, количество «выходов» этой системы на хронологию абсолютную оказывается достаточно велико. Определить даты ступеней латена помогают и узко датированные античные импорты, и изображения кельтского оружия, и детали декора архитектурных сооружений, время постройки которых известно, и дендрохронология, и находки монет, и синхронизация развития кельтской культуры с данными письменных источников о кельтских племенах и их передвижениях.

Помимо систем хронологии западного и восточного латена были предложены основывающиеся на принципиально иных посылах хронологические схемы. Наибольшее признание получила периодизация кельтского искусства П. Якобсталя, основанная на стилистическом анализе бронзовых сосудов, украшений и оружия [453; 501, с. 21-23; 502]. Существуют и периодизации латена, построенные в основном на анализе данных письменных источников. Наибольшее распространение получила схема, предложенная Я. Филипом [422], который выделил периоды доисторической и исторической экспансии кельтов, средневропейской консолидации, расцвета и упадка оппидумов. Для археологической иллюстрации этих периодов были предложены «горизонты» духцовских фибул, фибул с шаром, расчлененных фибул, гладких фибул. В принципе эти горизонты сопоставимы с хронологией восточного латена: первые два соответствуют раннему латену (B_1 и B_2), третий — среднему латену (C_1 и C_2), четвертый — позднему (D_1 и D_2). Но у Я. Филипа они соотнесены с периодизацией кельтской истории, что привело к возникновению ряда противоречий между датами в исторической и археологической частях его книги [365].

Вслед за Я. Филипом З. Марич и М. Домарадзкий выделили фазы кельтского влияния во Фракии, Боснии и Герцеговине [415; 493]. Наиболее последовательно хронологический метод Я. Филипа применил Я. Тодорович для изучения памятников скордисков Подунавья: им выделены предкельтский период, периоды кельтской экспансии, расцвета и упадка культуры скордисков [561, с. 112-115].

Попытку Я. Филипа и его последователей создать смешанную историко-археологическую периодизацию восточнокельтской культуры, вряд ли можно признать удачной, поскольку выявлению границ относительной хронологии на базе собственно археоло-

гических источников было противопоставлено выделение периодов абсолютной хронологии по данным письменных источников с последующим подбором археологического материала для их иллюстрации, проводимого с помощью типологического метода. Я. Филип при исследовании археологической хронологии, очевидно, не составлял корреляционных таблиц, во всяком случае, ссылки на них отсутствуют в его монографии. Поэтому учесть частоту встречаемости вещей оказалось трудным делом, и внимание исследователя невольно заострялось на случаях их переживания, т. е. сочетания с вещами более поздних хронологических ступеней. Использование принципа датировки комплексов «по самой поздней вещи», обусловленное, возможно, и желанием выявить могильники, синхронные горизонту оппидумов, привело к значительному сдвигу вверх абсолютных датировок по сравнению с системой П. Рейнке и его последователей.

Работа Я. Филипа оказала сильное влияние на разработку хронологических колонок отдельных групп памятников латенского времени Восточной Европы. Не избежал этого влияния и А. К. Амброз, исследовавший хронологию фибул юга европейской части СССР [8]: датировки тех из них, которые изготовлены по латенским прототипам, оказались явно завышенными. На хронологию Я. Филипа опирался Ю. В. Кухаренко, исследовавший хронологию зарубинецкой культуры [152], а также Р. Хахман, автор до сих пор, к сожалению, единственной книги, специально посвященной хронологии латенизированных культур. Р. Хахман соотнес начало позднего предримского времени и соответственно сложение цикла латенизированных культур с горизонтом расчлененных фибул, по Я. Филипу, т. е. со временем около 120-х годов до н. э., отметив, впрочем, недостаточную обоснованность этой даты [440, с. 255].

Благодаря работам Ю. В. Кухаренко и А. К. Амброза хронологическая система Я. Филипа и его метод получили широкое распространение в советской археологической литературе, в которой предпочтение типологического метода корреляционному и абсолютных датировок относительным довольно распространено. Одна из причин этого, по-видимому, заключается в том, что исследователи стремятся как можно скорее «историзировать» археологические источники. Поэтому они предпочитают оперировать выборочными аналогиями, позволяющими определять абсолютную дату, как правило, достаточно широкую, и не уделяют должного внимания синхронизации полученной хронологии с другими. В результате взаимопроверка таких периодизаций и построение общей хронологической системы железного века

Восточной Европы оказываются чрезвычайно затруднены [391, с. 288-289].

Можно назвать и вторую причину хронологических затруднений. Она заключается в постулировании преемственности развития культур восточноевропейской равнины от эпохи бронзы до раннего средневековья в рамках гипотез о происхождении современных народов, что приводит к необходимости искусственного расширения хронологических рамок культур. Поскольку вопрос о соотношении археологических культур и этносов, со времен Г. Коссины решавшийся однозначно, все более усложняется с течением времени [38], при исследовании археологической хронологии целесообразно абстрагироваться от этнического фактора [191, с. 106-107]. Основой хронологических исследований должны стать собственно археологические источники и методы, а не общенсторические концепции. Эпоха привлечения археологического материала в качестве иллюстрации подобных концепций, дискредитированная Г. Коссиной и его последователями, уходит в прошлое [427, с. 95]. Археологические источники могут быть сопоставлены с письменными только после их исследования независимыми от последних методами.

«Сопrotивление» фактического материала абсолютным датировкам Я. Филипа стало ощущаться довольно скоро. Это показали как хронологические исследования отдельных групп собственно кельтских памятников в различных частях Европы [390; 394—396; 399; 429; 442—448; 473; 475; 477—479; 486; 500; 507; 522; 524; 546; 568; 569; 579; 580; 585 и др.], так и возникавшая проблема определения ранней даты датированных культур — зарубинецкой и памятников типа Пояншти-Лукашевка. Дело в том, что на поселениях этих культур обнаружены амфорные ручки с клеймами, датированными 220-180-ми годами до н. э., а наиболее ранние фибулы из погребений были датированы временем существования горизонта расчлененных фибул, по Я. Филипу, т. е. не ранее 120-х годов до н. э. Обоснованию этой датировки были посвящены работы Ю. В. Кухаренко, А. К. Амброза, Д. А. Мачинского, ее придерживались П. Н. Третьяков и в ранних статьях — К. В. Каспарова [7; 8; 114; 115; 151; 152; 183; 319; 320 и др.]. Возникло амфорно-фибульное противоречие, наиболее подробно рассмотренное Е. В. Максимовым [170; 171; 173; 174, с. 106-116], которое не могло быть разрешено выдвижением гипотезы о существовании «дофибульной» стадии зарубинецкой культуры, поскольку наиболее ранние комплексы с фибулами практически не отличались по материалу от комплексов, выделявшихся в «дофибульную» стадию [128]. Выявились

также противоречие абсолютных дат Я. Филипа скифской хронологии: латенские браслеты с рубчиками ступени B_1 — B_{2a} оказались в скифских комплексах более ранними (IV в. до н. э.), чем в самой латенской культуре (III в. до н. э.) [148, с. 36,40; 582, с. 133]. Начался постепенный пересмотр датировок Я. Филипа и А. К. Амброза, итоги которого для собственно латенских памятников подвел К. Годловский, а для зарубинецкой культуры — К. В. Каспарова [120; 122—125; 429].

Нами за основу принята система относительной хронологии, предложенная Й. Буйной [390, рис. 2-5], так как она является наиболее подробной. Но абсолютные датировки Й. Буйны, опиравшегося на статью Х. Поленца 1971 г. [522], в настоящее время во многом устарели. К. Годловским были предложены другие [429, с. 23-66], к которым позднее пришел и Х. Поленц [524, с. 116-128]. Поэтому мы будем опираться на абсолютные датировки К. Годловского и Х. Поленца с определенными коррективами (рис. 1).

В V — начале IV в. до н. э. кельты со своих исконных территорий в Восточной Франции и на Верхнем Дунае начали продвигаться на север, запад, юг и юго-восток: начался период экспансии, охватывающий два столетия [329, с. 58-60]. Видимо, именно с расселением кельтов и следует связывать переход от позднего гальштатта к латену А. Этот переход диагностируется двумя комплексами. Первый — погребение в Виксе, содержащее как позднегальштаттские, так и раннелатенские вещи, датирующиеся по античным импортам 530-520-ми годами до н. э. [429, с. 30; 456—457]. Второй — погребение в Кляйн Аспергль, содержащее вещи, характерные исключительно для латена А, датирующиеся античными импортами временем около 450-х годов до н. э. [429, с. 30; 514]. Этим промежутком и может быть обозначен переход от гальштатта к латену, или ступень латена A_1 , который, по-видимому, совершался неодновременно на разных территориях, и кое-где остаточные гальштаттские традиции существовали до конца V в. до н. э. [409; 515; 587].

Ступень A_2 начинается, соответственно, около 450-х годов до н. э., а ее конец диагностируется началом ступени B_1 и синхронизируется с возникновением горизонта Духцов-Мюнзинген (рис. 1). Этот горизонт выделен В. Крутой на основании сопоставления североиталийских материалов с находками из Чехии, Швейцарии и Шампани. По мнению исследователя, культурная общность, существовавшая на этих территориях, соответствует союзу кельтских племен, имевших тесные связи друг с другом [475]. По-видимому, именно с этой группировкой кельтов связана экспансия в Северную Италию, которая началась раз-

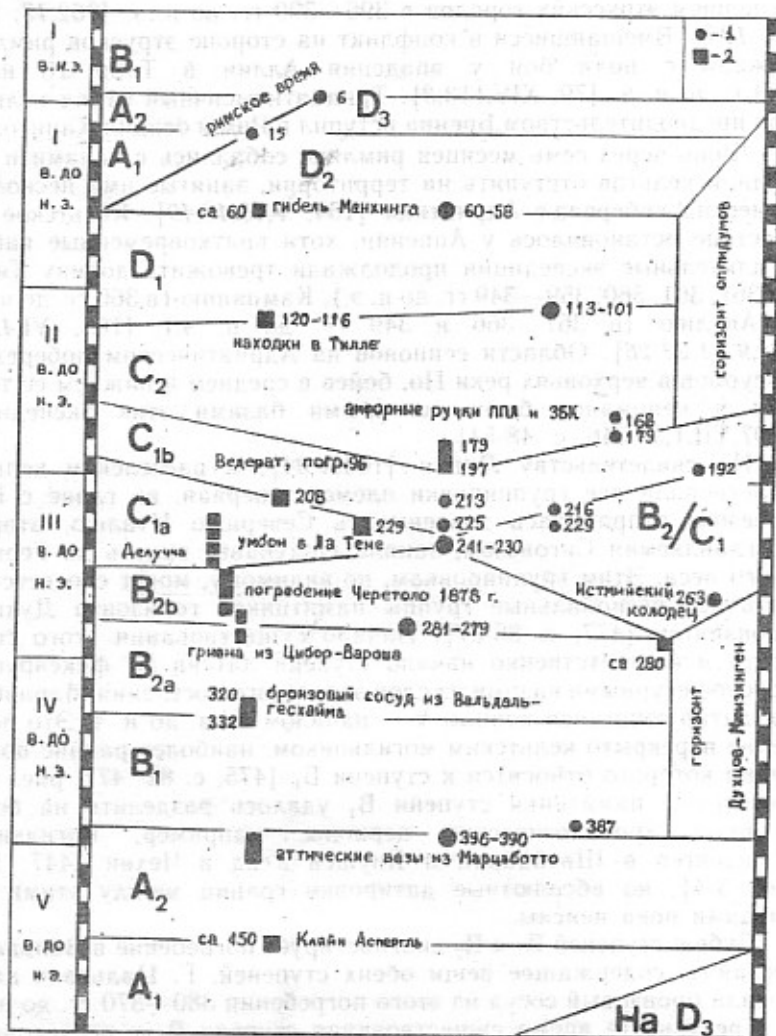

Рис. 1. Современное состояние хронологии латена (по К. Годловскому, П. Буйне, Х. Поленцу с поправками М. Б. Шукина и автора).

1. Исторические события, 2. Археологические даты, 396-390 гг. до н. э. - разрушение кельтских городов, 387 г. - осада Рима кельтами, 281-279 гг. - кельты в Греции и Малой Азии, 263 г. - основание колонии Аримни, 241-230 гг. - войны Аттала I Пергамского, 229 г. - битва при Фракия, 225 г. - битва у Таламона, 216 г. - победы фракийские в Малой Азии, 213 г. - оставление кельтами Фракия, 192 г. - изгнание бойев из Северной Италии, 179-168 гг. - победы бастарнов на Балканах, 113-101 гг. - кимвры и тевтоны в Галлии, 60-58 гг. - падение бойев и тавриков даками.

рушением этрусских городов в 396—390 гг. до н. э. [262, 17; 251, III, 125]. Вмешавшиеся в конфликт на стороне этрусков римляне бежали с поля боя у впадения Аллии в Тибр 18 июля 390 г. до н. э. [79, XIV, 113, 3]. Тридцатитысячный отряд кельтов под предводительством Бренна вступил в Рим и осадил Капитолий.

Лишь через семь месяцев римляне собрались с силами и вынудили кельтов отступить на территории, занятые ими несколько ранее на побережье Адриатики [164, V, 45, 48, 49]. Кельтское нашествие остановилось у Аппенин, хотя кратковременные набеги и длительные экспедиции продолжали тревожить долину Тибра (в 367, 361, 360, 359—349 гг. до н. э.), Кампанию (в 360 гг. до н. э.) и Апулию (в 367—366 и 349 гг. до н. э.) [164, VI, 42 и VII, 9-11, 23-26]. Области сеннонов на Адриатическом побережье, инсурбов в верховьях реки По, бойев в среднем и нижнем ее течении и ценоманов были основными базами этих экспедиций [307, VII, 1, 3; 346, с. 48-51].

По свидетельству Ливия [164, V, 34], в расселении кельтов участвовали две группировки племен: первая, во главе с Белловезом, отправилась завоевывать Северную Италию, вторая, возглавляемая Сиговезом, заняла Подунавье вплоть до Геркинского леса. Этим группировкам, по-видимому, могут соответствовать две региональные группы памятников горизонта Духцов-Мюнзинген [477, с. 86-87]. Начало существования этого горизонта и соответственно начало ступени латена B_1 фиксируется краснофигурными вазами из слоя этрусского поселения Марцаботто, датирующимися концом V — началом IV в. до н. э. Это поселение перекрыто кельтским могильником, наиболее ранние погребения которого относятся к ступени B_1 [475, с. 82; 477, рис. 12]. Некоторые памятники ступени B_1 удалось разделить на более дробные хронологические периоды, например, могильники Мюнзинген в Швейцарии и Янушев Уезд в Чехии [447; 569, рис. 3-4], но абсолютные датировки границ между этими периодами пока неясны.

Рубеж ступеней B_1 и B_2 диагностирует погребение в Вальдальгесхайме, содержащее вещи обеих ступеней. Г. Цальхаас датировала бронзовый сосуд из этого погребения 380—370 гг. до н. э., и в результате время существования ступени B_1 у исследователей, опирающихся на ее датировку, в том числе и у К. Годловского, оказалось исчезающе мало [429, с. 31; 583, с. 115], что не согласуется с огромным количеством памятников этой ступени. В. Ширингу удалось уточнить дату сосуда: 340—320 гг. до н. э., «вряд ли ранее 332 года» [539, с. 90]. Соответственно этим временем и может быть датирован переход от ступени B_1 к B_2 (рис. 1).

Переход от V_{20} к V_{21} косвенно может быть датирован концом существования горизонта Духцов-Мюнзинген, в котором вещи ступени V_{21} не представлены. В. Крута считает, что этот горизонт не переживает самого начала III в. до н. э. [475, с. 84]. Эта дата для западных кельтских территорий, на наш взгляд, достаточно условна. В Шампани, например, стиль Духцов-Мюнзинген остается жизнеспособным и позднее, дает новые линии развития [445, рис. 11]. Исторические события, с которыми можно связать исчезновение горизонта Духцов-Мюнзинген, охватывают довольно большой промежуток времени: от побед римлян при Сентине в 296 г. до н. э. и Арреции в 285 г. с последующей оккупацией территории сеннонов, до битв у Таламона в 225 г. до н. э., Плаценции в 223 г. и Кремоны в 200 г., после которых циркумпаданские бои, инсурбы и ценоманы частью покинули Северную Италию, частью подчинились Риму [107, с. 79-80].

На территории Юго-Восточной Европы, подвергшейся кельтской экспансии, обнаружена единственная вещь, которая может быть отнесена к изделиям, характерным для горизонта Духцов-Мюнзинген. Это шейная гривна из Цыбор-Вароша во Фракии, завоеванной кельтами в 281 г. до н. э. [233, X, 19, 546], исполненная в вальдальгесхаймском стиле [433, № 217]. Остальные вещи, обнаруженные на Балканах и свидетельствующие о кельтской экспансии, несут в себе черты, характерные для ступеней V_{21} — S_1 [472; 477; 523; 552; 586]. Можно считать, что на восточнокельтских территориях стиль Духцов-Мюнзинген перестал существовать в 280-х годах до н. э., в то время как на западнокельтских территориях он долго еще оставался жизнеспособен. До конца существования горизонта Духцов-Мюнзинген кельтская культура, таким образом, сохраняла относительное единство. Во всяком случае, темп культурного развития и смены периодов на западе и востоке был примерно одинаков. Но после балканских походов это единство нарушается: стиль латена V_{21} возникает в восточнокельтской среде при сохранении на западе старой культурной традиции, хотя в восточных походах и принимали участие не только дунайские, но и центрально-европейские кельты — например, в походе Бренна на Дельфы в 280/279 г. до н. э. участвовали тектосаги, а в колонизации верховьев Тиссы — тевриски [307, IV, 1, 13; 369, XXIV, 6].

К определению даты перехода от ступени V_{20} к V_{21} может иметь отношение и находка в колоде на Истмийском перешейке браслета из полых полушарий [472]. Такие браслеты не характерны для горизонта Духцов-Мюнзинген: их появление в могильнике Янушев Уезд в Чехии относится к фазам, следующим позже [475, рис. 1]. В системе относительной хронологии

И. Буйны наиболее ранние экземпляры подобных браслетов отнесены к ступени V_{2b} , а массовое их использование зафиксировано на ступенях V_2/C_1 и C_{1a} , причем находки, наиболее близкие истмийской, ложатся именно на ступень V_2/C_1 [390, с. 334, рис. 4,21,26,28]. Если считать, что браслет попал в колодец во время похода Бренна на Дельфы в 280/279 г. до н. э. [164, XXXVIII], то именно к этому времени приходится опускать и начало ступени V_2/C_1 . Она оказывается параллельной ступени V_{2b} (рис. 1).

Ко времени окончания балканских походов кельтские племена заселили все Подунавье. Вольки-текстосаги заняли Верхний Дунай, тавриски — Австрийские и Штирийские Альпы, в междуречье Савы и Моравы осели скордиски, основавшие «царство» с центром в Сингидунуме (современный Белград). Другая часть скордисков, не участвовавшая в походе Бренна, основала «царство» с центром в Тиле во Фракии [369, XXXII,3,8]. Венгерское течение Дуная заселили эрависки, геркуниаты, осы, котины, верховья Тиссы — анартии и тавриски. В 277 г. до н. э. племена гетов и трибаллов были подчинены кельтами, центрами которых, по-видимому, были Дуростор (современная Силистра) на Дунае и Новиодунум в Добрудже [346, с. 51-52].

Переход от ступени V_{2b} к C_{1a} был, по-видимому, достаточно длительным. Самое его начало К. Годловский отнес к середине III в. до н. э., хотя и не подтвердил это фактическими материалами [429, с. 45]. Такие материалы оказались в распоряжении Л. Крута-Поппи в опубликованном в 1979 г. комплексе вещей из богатого погребения, открытого в 1878 г. в Черетоло близ Болоньи (рис. 2,1,3-4,6,10,11) [479]. Погребение датировано по бронзовой ойнохойе второй третью III в. до н. э. В нем была обнаружена пара фибул с шариком на ножке: одна из них со свободным концом ножки, а у второй он прикреплен к спинке (рис. 2,6,10). Это, вероятно, один из самых ранних случаев появления новой, среднелатенской скрепленной конструкции.

В следующей хронологической группе погребений в окрестностях Болоньи, датированной временем около середины III в. до н. э., обнаружены уже типично среднелатенские фибулы, близкие варианту А-Костшевский (рис. 2,12), который в Центральной Европе и в Карпатской котловине появится значительно позже, на ступени C_{1b} [390, рис. 4,31]. Если в Северной Италии ступень C_{1a} начинается в середине III в. до н. э., то на востоке, в Карпатской котловине, переход от раннего латена к среднему был длительным и постепенным, что и фиксируется наличием переходной стадии V_2/C_1 , выделенной И. Буйной (рис. 1)

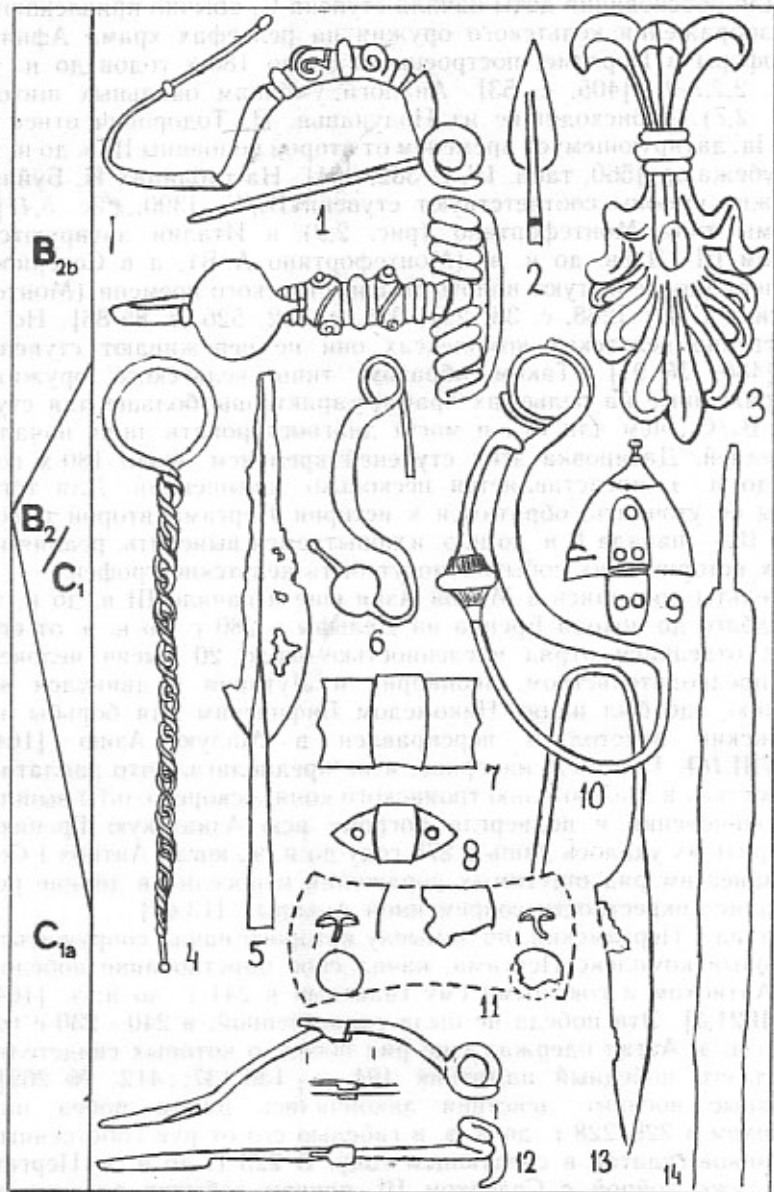

Рис. 2. Датированные комплексы ступени латена B_2/C_1 .

1, 3-4, 6, 10-11 Черетоло, в. 1878 г., 5, 13 - Делучча, в. 105, 2, 7-9 рельефы храма Афины в Пергаме, 12 - Марцаботто.

Для обоснования даты начала ступени C_1 обычно привлекаются изображения кельтского оружия на рельефах храма Афины Никопоры в Пергаме, построенного около 180-х годов до н. э. (рис. 2,2,7-9) [405, с. 53]. Аналоги умбонам овальных щитов (рис. 2,7), происходящие из Подунавья, Й. Тодорович отнес к типу Ia, датирующемуся временем от второй половины III в. до н. э. до рубежа эр [560, табл. IV, с. 362, 364]. На таблицах Й. Буйны похожие умбоны соответствуют ступени B_2/C_1 [390, рис. 5,41]. Шлемы типа Монтефортино (рис. 2,9) в Италии датируются концом III—II вв. до н. э. (Монтефортино A/B), а в Северном Причерноморье бытуют вплоть до августовского времени (Монтефортино C/D) [268, с. 38; 291; 345, с. 112; 526, с. 85-86]. Но в собственно кельтских комплексах они не переживают ступени C_1 [480, № 91]. Таким образом, типы кельтского оружия, изображенные на рельефах храма, характерны больше для ступени B_2/C_1 , чем для C_1 , и могут диагностировать лишь начало последней. Датировка этих ступеней временем около 180-х годов до н. э. представляется несколько завышенной. Для того чтобы ее уточнить, обратимся к истории Пергама второй половины III — начала II в. до н. э. и попытаемся выяснить, реалиями каких исторических событий могут быть кельтские трофеи.

Кельты появились в Малой Азии еще в начале III в. до н. э. Незадолго до похода Бренна на Дельфы в 280 г. до н. э. от его войск отделился отряд численностью около 20 тысяч человек под предводительством Леоннория и Лутария и двинулся во Фракию, где был нанят Никомедом Вифинским для борьбы за вифинский престол и переправлен в Малую Азию [164, XXXVIII,16]. Никомед, наверное, и не предполагал, что заплатил за доставку в Малую Азию троянского коня; вскоре кельты вышли из повиновения и подвергли погрому всю Азиатскую Грецию. Усмирить их удалось лишь в 275 году до н. э., когда Антиох I Сотер нанес им ряд ошутимых поражений и поселил в долине реки Галис (окрестности современной Анкары) [13,65].

Аттал I Пергамский, по замыслу которого начал сооружаться храмовый комплекс Пергама, начал свое царствование победой над Антиохом и союзными ему галатами в 241 г. до н. э. [164, XXXIII,21,3]. Эта победа не была единственной: в 240—230-е годы до н. э. Аттал одержал еще ряд побед, о которых свидетельствует его победный памятник [94, с. 136-137; 412, № 269]. Активные военные действия закончились рядом побед над Антиохом в 229/228 г. до н. э. и гибелью его от рук собственных наемников-галатов в следующем году. В 223 г. до н. э. Пергам занят уже войной с Селевком III, причем события разворачиваются на этот раз явно неудачно для Аттала: преемник Се-

левка Ахей завоевал «всю Азию по эту сторону Тавра» и подошел к самому Пергаму [324, 27]. Одним из следствий этих событий, возможно, стала война Пергама и Вифинии 218—216 гг. до н. э., в которой на стороне Аттала сражались кельтские наемники — айгосаги фракийские [476, с. 9]. Трудно предположить, что на рельефах храма Афины Никофоры изображено оружие союзников-айгосагов. Это скорее оружие толистоагиев и текстосагов — именно тех галатов, о победах над которыми свидетельствует победный памятник Аттала и письменные источники [94, с. 136].

Вполне вероятно, что трофеи галатов, захваченные Атталом в 241—227 гг. до н. э., сохранились до начала II в. до н. э. и послужили образцами для рельефов храма [46, с. 291]. Изображения именно этих, а не каких-либо других трофеев в 180-х годах до н. э., через 40 лет после блистательных побед Аттала, могло иметь причиной повышение интереса к победам прошлого в условиях упадка могущества Пергама. В 201 г. до н. э. Пергам в войне с Филиппом V Македонским вынужден был обратиться за помощью к Риму, а в 190 г. до н. э. уже не пергамские войска, а римские отряды маршируют по дорогам Галатии [29, с. 267-268]. Таким образом, кельтские трофеи на пергамских фризах около 180-х годов до н. э. — скорее не современная реальность, а воспоминание о славном боевом прошлом, своего рода пропагандистский акт пергамских правителей. Тогда прототипы кельтских трофеев ступеней B_2/C_1 и C_{1a} , изображенных на фризах, следует датировать временем около 240—220-х годов до н. э. (рис. 1).

Некоторые привязки ступени C_{1a} к абсолютным датам позволяют сделать и дендрохронологические исследования А. Хаффнера: под одним из умбонов, найденных в Ла Тене, сохранились обломки дубового щита. Умбон относится к типам, переходным от ступени B_2/C_1 к C_{1a} [390, рис. 3,47 и 5,47]. Если считать достоверными результаты дендрохронологических определений не по целому щиту, щит был изготовлен из дерева, срубленного в 229 г. до н. э. [444, с. 405].

Итак, мы сталкиваемся с довольно сложным явлением постепенного и достаточно длительного перехода от латена B_2 к C_1 , охватывавшего почти всю вторую половину III в. до н. э. (рис. 1). Именован ли этот период ступенью C_{1a} , что было бы вполне справедливо для западных кельтских территорий и особенно для Италии, а также для мужской субкультуры всего латена, или именовать ступенью B_2/C_1 , что было бы верно для Карпатской котловины и женской субкультуры, — вопрос терминологии. Можно эти ступени рассматривать и как два параллельных явления для Запада и для Востока. Ясно одно: сложение нового,

среднелатенского стиля на всей кельтской территории отчетливо видно, лишь начиная со ступени C_{1b} , что и демонстрируют корреляционные таблицы И. Буйны [390, рис. 2-5].

Абсолютная дата перехода от ступени C_{1a} к C_{1b} определяется с помощью дендрохронологического анализа обуглившегося дерева из погребения 96, раскопанного в 1979 г. на могильнике Ведерат, в котором обнаружены фибулы с шариками на спинке и фибула с восьмерками. Анализ дал 208 г. до н. э. [444, с. 405-409, рис. 2]. Сложение нового среднелатенского стиля могло происходить в Средней Европе за счет притока населения с юга, и тогда дендрохронологическую дату подкрепляет ряд исторических событий. В 225 г. до н. э. североиталийские кельты и союзные им белги терпят крупное поражение от римлян при Таламоне, в 213/212 г. кельты оставляют Фракию, в 192 г. бои были изгнаны из Италии [262, IV,46]. События 225—192 гг. до н. э. и привели, вероятно, к тому явлению, которое Я. Филип назвал периодом «среднеевропейской консолидации кельтов», сопоставимым со ступенью C_{1b} .

Данные для определения начала ступени C_2 в самой латенской культуре отсутствуют. К. Годловский отнес его примерно к середине II в. до н. э. [429, с. 44]. Но в таком случае длительность этой ступени составит всего около 30 лет, что не совсем согласуется с огромным количеством памятников этого времени латенской и латенизированных культур. Х. Поленц, основываясь на расчетах средней продолжительности периодов латена и сравнивая их со временем активной жизнедеятельности одного или нескольких поколений, предложил более раннюю дату — 185-175 гг. до н. э. [524, с. 123-125]. Клейменные амфорные ручки 220—180-х годов до н. э., обнаруженные на селищах типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры (рис. 3), могут помочь в уточнении перехода от ступени C_{1b} к C_2 . Но их дата слишком широка для латенской хронологии, и поэтому надо попытаться сузить ее путем исследования обстоятельств, при которых античная амфорная тара вместе с ее содержимым могла попасть в варварскую среду, а точнее к бастарнам, связь которых с памятниками типа Поянешти-Лукашевка уже не вызывает сомнений [239, с. 87-88].

Хронология родосских амфорных клейм разработана на основании исследования стратиграфии Пергама, Сицилии, Карфагена, Ольвии, Делоса, Афин и других крупных античных центров. В. Грейс выделила шесть хронологических групп клейм [435; 436]. Ю. С. Бадалянц уточнил хронологию парных клейм с именами эпонима и астинома [20—23]. Из этих разработок следует, что 220—180-е гг. до н. э. являются временем наибольше-

го расцвета родосской торговли [ср. 342а, с. 26]. Малое количество родосских амфорных клейм этого времени, обнаруженных в городах Западного Понта и Гетике, в том числе на пояншти-лукашевских памятниках [20, с. 15; 30, с. 163; 239, табл. I; 426, табл. I, план I; 438, с. 137, 148], требует объяснения.

Попытаемся несколько уточнить хронологические позиции тех клейм, которые найдены на интересующей нас территории — вдоль торгового пути по Серету [426, с. 62]. Для этого необходимо рассмотреть отношения между Родосом, городами Западного Понта, в особенности Истрией, и населением прилегающих территорий — кельтами, бастарнами и фракийцами.

Около 220 г. до н. э. Родос, недовольный тем, что Византий взимал дань за проход судов через проливы, заключил союз с Пруссией Вифинским. Войска Пруссия и фракийцев осадили Византий, но в конфликт вмешался «царь» галатов Кавар, и вскоре был заключен мир [262, IX, 45, 9 — IX, 46, 6; 211, с. 135-145]. В 219 г. до н. э. завязался узел противоречий между Родосом и Понтийской державой. Митридат III Понтийский попытался захватить Синопу, но та устояла, благодаря поддержке Родоса [262, IV, 56]. В 202 г. до н. э. Родос начинает войну с Македонией. Филипп V Македонский, опираясь на поддержку Антиоха III Селевкида, захватил часть земельных владений Родоса в Азиатской Греции. Родос заключил союз с Пергамом и Римом; началась II Македонская война (200—197 гг. до н. э.), в которой Филипп потерпел поражение, потерял флот и вынужден был уплатить контрибуцию. Азиатские владения были возвращены Родосу [29, с. 267]. Так возник второй узел противоречий — между Македонией, с одной стороны, Римом и Родосом — с другой.

В 183 г. до н. э. Синопа была захвачена царем Понта Фарнаком и стала столицей Понтийского царства [262, XXV, 2, 12]. Война Фарнака с Пергамом, Вифинией и Каппадокией, вспыхнувшая после этого, продолжалась до 179 г. и закончилась заключением мирных договоров. В одном из них, с Херсонесом, участвовал Рим [451, № 402]. Города Западного Понта в сложившейся ситуации поддерживали понтийских царей и Македонию [30, с. 147, 149], в то время как Рим поддерживал противников последних, в том числе и Родос. Особенно ярко антиримская направленность политики западнопонтийских городов проявилась в событиях III Македонской войны (179—168 гг. до н. э.).

В 179 г. Филипп V Македонский решил взять реванш за поражение во II Македонской войне, но неожиданно умер. Войну продолжил его сын Персей. Не рассчитывая на собственные силы в борьбе с Римом, Филипп заключил союз с бастарнами [164,

XL,5,10], 30 тысяч которых перешли Дунай и под предводительством Клондика направились через Фракию в земли дарданов. Получив известие о смерти Филиппа, бастарны вместо того, чтобы сражаться с римлянами, занялись грабежом фракийцев. Лишь часть их благополучно добралась до земель дарданов [164, XL—XLII]. Вторая попытка бастарнов переправиться через Дунай в 175 г. до н. э. закончилась неудачно: лед проломился под их тяжестью [230, IV, 20, 34]. В 168 г. до н. э. 20 тысяч бастарнов под предводительством Клондика перешли Дунай и добрались до Иллирии, но, не получив от Персея обещанной платы, ушли обратно, попутно вновь опустошив земли фракийцев. В том же году Персей был разбит в битве при Пидне, и Македония как самостоятельное государство перестала существовать [164, XLI, 19—27].

Родос со времен II Македонской войны оставался верным союзником Рима. Бастарны же по отношению к Риму и западно-понтийским городам, подпавшим под римское влияние, еще долго сохраняли враждебное отношение. Лишь в начале I в. до н. э. они начинают склоняться к союзу с греческими городами, видимо, вследствие усиления даков [129, XXVIII, 10]. Таким образом, Западное Причерноморье на протяжении долгих лет являлось ареной столкновения интересов Рима и двух противостоящих ему группировок — македонской и понтийской. Греческое население и варварские племена поддерживали разные группировки: бастарны — македонскую, а греческие города — понтийскую. Но обе эти группировки были антиримскими. Следовательно, Родос, союзник Рима, враждебный как Понту, так и Македонии, имел ограниченные возможности для торговли в Западном Причерноморье в 220—180-х годах до н. э.: синопская продукция здесь решительно преобладает [30, с. 138; 34, с. 139; 438, с. 148]. Бастарны во всех случаях поддерживали противников Рима, а, следовательно, отчасти противостояли и Родосу. В таких условиях непосредственная торговля родосских купцов с бастарнами в Поднестровье вряд ли была возможна после открытого выступления последних на стороне Филиппа в 179 г. до н. э., тем более что транзитная торговля по Серету контролировалась Истрией, подпавшей под римское влияние в 177 г. до н. э. [29, с. 267].

Вернемся к амфорным клеймам (рис. 3). Их хронология принципиально отлична от хронологии латена, так как основания датировок неясны. Одно косское клеймо (рис. 3, 11) отнесено Б. Н. Граковым к 230—220-м годам до н. э., а второе (рис. 3, 12) датировано по «особенностям начертания букв альфы и ипсилона» [175, с. 22, 40, 45]. Поскольку парных клейм,

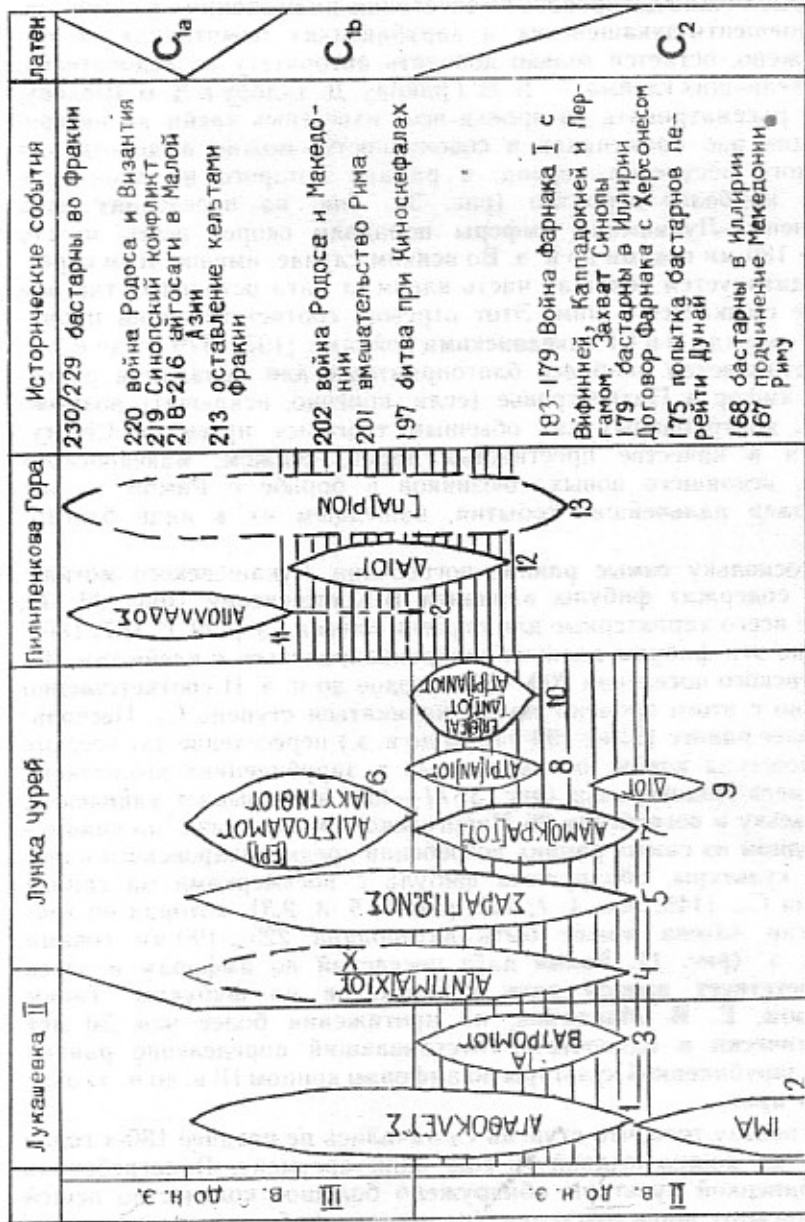

Рис. 3. Хронология амфорных клеев, обнаруженных на полисити-лукашеских и зарубинских поселениях (по Д. Тудору, Д. Б. Шелову и Б. Н. Гракову).

которые можно датировать по сочетанию имен эпонима и астинома, на пояшенти-лукашевских и зарубинецких памятниках не обнаружено, остается только доверять авторитету исследователей, определявших клейма, — Б. Н. Гракову, Д. Тудору и Д. Б. Шелову. Если рассматривать датировки всех известных клейм на интересующих нас памятниках в совокупности, можно выделить для каждого поселения период, в рамках которого их попадание сюда наиболее вероятно (рис. 3). Так, на поселениях типа Поянешти-Лукашевка амфоры попадали скорее всего между 200 и 180-ми годами до н. э. Во всяком случае, именно этим отрезком датируется большая часть клейм, а дата остальных так или иначе смыкается с ним. Этот отрезок, соответствующий промежутку между II и III македонскими войнами (197—179 гг. до н. э.), представляется наиболее благоприятным для попадания родосских амфор в Поднепровье (если, конечно, исключить возможность контрабанды) как обычным торговым путем по Серету, так и в качестве престижных даров, скажем, македонского царя, искавшего новых союзников в борьбе с Римом и, как показали дальнейшие события, нашедшем их в лице бастарнов.

Поскольку самые ранние погребения Лукашевского могильника содержат фибулы варианта В-Костшевский (рис. 32, 3), более всего характерные для ступени латена C₂ [429, с. 167, 186], именно эти фибулы должны синхронизироваться с клеймами Лукашевского поселения 200—180-х годов до н. э. И соответственно именно с этого времени может начинаться ступень C₂. Несколько более раннее (210—190-е годы до н. э.) пересечение дат косских и фасосских клейм, обнаруженных в зарубинецких комплексах Среднего Поднепровья (рис. 3, 11—13), не вызывает удивления, поскольку в погребении 26 Пироговского могильника, по-видимому, одном из самых ранних погребений среднеднепровского варианта культуры, обнаружена фибула с восьмерками на спинке латена C_{2b} [146; рис. 4, 1; 125, рис. 2, 5, 3, 2, 3], которая по хронологии латена может быть датирована 225—190-ми годами до н. э. (рис. 1). Ранняя дата поселений по амфорам и здесь соответствует ранней дате могильников по фибулам. Таким образом, Е. В. Максимов, на протяжении более чем 20 лет практически в одиночестве отстаивавший определение ранней даты зарубинецкой культуры по амфорам концом III в. до н. э., оказался прав.

В пользу того, что ступень C₂ началась не позднее 180-х годов до н. э., можно выдвинуть еще один аргумент. В погребениях зарубинецкой культуры обнаружено большое количество вещей балканского происхождения (например, фибулы с треугольным

щитком); попадание которых в Поднепровье может быть связано только с деятельностью бастарнов, участвовавших в балканских походах, поскольку прототипы таких вещей найдены в Иллирии, где и разворачивались военные действия 179 и 168 гг. до н. э. [120, с. 76; 121; 122, с. 75; 388]. На территориях, расположенных между Иллирией и Поднепровьем, находки таких вещей единичны, и вряд ли будет правильным считать их появление на Днепре результатом торговых контактов. Исследователи, занимающиеся хронологией фибул с треугольным щитком, единодушны в том, что в зарубинецкой культуре они появляются не ранее латена C₂ [120—122; 228; 238]. Следовательно, ко времени начала войн 179—168 гг. до н. э. изделия ступени латена C_{1b} уже вышли из употребления. Переход от C_{1b} к C₂, таким образом, происходил в 200—180 гг. до н. э. (рис. 1).

Переход от среднего латена к позднему диагностирует дендрохронологический анализ бревен моста в Тилле (Швейцария), где все сопровождающие находки относятся к ступени D₁: деревья для моста были срублены между 120 и 116 гг. до н. э. [448, с. 127—129]. Исторические события, приведшие к смене среднего латена поздним, к массовой постройке оппидумов и исчезновению археологически уловимых следов кельтского погребального обряда, возможно, могут быть связаны с появлением кимвров в Карпатской котловине, а затем и в Галлии [307, VII, 2] — самые поздние кельтские могильники приурочиваются именно к этим событиям [416, с. 163]. В Нормандии, Англии и Ирландии не испытавших сильного влияния германской, а затем и провинциально-римской культур, среднелатенские традиции сохраняются значительно дольше [501, с. 36].

Хронология позднего латена в отличие от предшествующих ступеней опирается не на комплексы погребений, а на стратиграфию оппидумов, так как погребения этого времени неизвестны [92а, с. 86]. Оппидумы появились несколько ранее, на ступени C₂, о чем свидетельствуют находки в слоях некоторых из них фибул варианта В-Костшевский [568, рис. 3], но их расцвет приходится на поздний латен. Историческим аргументом в пользу определения верхней даты латена D₁ являются войны Цезаря в Галлии [458], а также изгнание бойев и теврисков Бурбистой [510, с. 210]. Эту дату подтверждают и материалы оппидума Манхинг на Верхнем Дунае, дата разрушения которого связывается в последних работах не с римской оккупацией Реции и Норика в 15 г. до н. э., а со значительно более ранними событиями 60-х гг. до н. э. Дело в том, что на оппидуме многочисленны находки наухаймских фибул, характерных для ступени D₁, а на оппидумах, разрушенных позднее Манхинга, таких фибул уже нет [473; 572].

Достаточно сложному соотношению ступеней позднего латена, позднего предримского и раннего римского времени посвящена специальная работа М. Б. Шукина [364]. Он считает, что те археологические явления, которые наблюдала С. Рикхоф на левобережье Рейна [530], по сути являются уже началом римского времени. Выделенные ею два периода можно обозначить как ступени A_1 и A_2 римского времени, синхронные ступеням латена D_2 и D_3 (рис. 1). Переход от A_1 к A_2 и от D_2 к D_3 соответственно связан с оккупацией римлянами Норика и Реции и постройкой там августовских лагерей в 15—12 гг. до н. э. После этого латенские традиции продолжали существовать лишь на очень небольшой территории вдоль верхнего Дуная (ступень латена D_1), где римские лагеря начали основываться позже, в 6 г. н. э. (рис. 1). Позднее эти традиции некоторое время сохранялись в латенизированных культурах, и, наконец, последние их отголоски заметны в еще более поздних древностях римского и раннесредневекового времени [355; 534, с. 215-241; 525, с. 196-208].

Ступени римского времени, начиная с V_{1a} , выделены с помощью корреляционных методов и датированы римскими импортами. Ступень V_{1a} соответствует началу новой эры — 25—30-м годам, V_{1b} — 25—30—50—55-м годам, V_{1c} — 50—55—75—80 годам, V_{2a} — 80—120-м годам [428; 431, с. 41-42, 67-68].

Таково в общих чертах современное состояние хронологии восточного латена. Опираясь на эту хронологию, попытаемся выяснить, могли ли кельтские памятники Закарпатской Украины быть связаны с процессом сложения латенизированных культур, или же это явление совсем иного порядка.

2. ХРОНОЛОГИЯ ЛАТЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЫ²

В середине 60-х годов, в дискуссии В. И. Бидзили и М. Ю. Брайчевского, с одной стороны, и З. Возняк — с другой, выявились две точки зрения на хронологию латенских древностей Закарпатской Украины. Советские авторы отнесли их появление к рубежу III—II вв. до н. э. и выделили местный, куштановицкий, и латенский компоненты культуры Закарпатья, причем было отмечено, что «наличие собственно кельтского населения на территории большей части Словакии, северо-восточной Венгрии, северной Румынии и Советского Закарпатья является весьма проблематичным»

² Параграф 2 представляет собой часть статьи, написанной в соавторстве с М. Б. Шукиным [545], в переработанном виде.

[33, с. 59]. Развитие латенских традиций в Закарпатье, по мнению В. И. Бидзили и М. Ю. Брайчевского, осуществлялось носителями куштановицкой культуры. З. Возняк полагал, что кельты достигли Карпат уже в IV в. до н. э. и не брались ответить на вопрос, было ли переселение бастарнов последним переселением кельтов или первым — германцев [578, с. 69]. Идея о том, что основными носителями культурных традиций восточного латена в Прикарпатье являлись носители местных культур, была подвергнута сомнению. Высказанные точки зрения впоследствии были развиты В. И. Бидзилей и З. Возняком [27; 579; 580].

За прошедшее время хронология восточного латена существенно изменилась, и датировки Я. Филипа, на которые опирался В. И. Бидзиля при исследовании хронологии латенских памятников Закарпатской Украины, во многом устарели. Ни у кого уже не вызывает сомнения то, что кельтское население присутствовало и в Словакии, и в Венгрии, и в Румынии. Латенские древности Закарпатской Украины не привлекались при пересмотре хронологии и вывали из общей картины развития восточнолатенской культуры. Включение их в эту картину путем исследования хронологии по уточненной шкале позволит ответить на вопрос о возможной связи закарпатских памятников с процессом латенизации.

Самой ранней кельтской вещью Закарпатской Украины может быть короткий меч с антропоморфным иксовидным навершием, найденный в Галиш-Ловачке (рис. 4, 1). Такие мечи, зачастую украшенные бронзовой человеческой фигуркой, известны в латене А и В [429, табл. 1, 6, 11]. Впрочем, спорадически они встречаются вплоть до позднего латена, но поздние экземпляры, для которых характерна более скрупулезная проработка деталей антропоморфного изображения, вероятно, имели уже не боевое, а культовое значение [418, рис. 187-188, с. 182; 520]. Второй меч из Галиш-Ловачки, типа I, по классификации З. Возняка (рис. 4, 27), имеет слабо изогнутую подтреугольную гарду, клинок без сложной профилировки с плавно сужающимся острием и относится к ступеням В₂ и С [390, рис. 5, 44, 49; 580, с. 87, рис. 7, 1].

Среди многочисленных наконечников копий и дротиков [27, рис. 29] нет характерных для латена В широких листовидных [390, рис. 5, 41]. Все они относятся к среднему латену. Исключение

³ Карта и каталог латенских памятников Закарпатской Украины опубликованы в 1982 г. [17, рис. 6], а большинство рассматриваемых нами датированных вещей собрано в монографии В. И. Бидзили [27].

составляет лишь дротик с длинной втулкой (рис. 4, 2), аналогичный которому найден в погребении могильника Карича Гура около Вроцлава и датирован ступенью В₁ [579, табл. 1,1, с. 57].

Трудно с достаточной определенностью датировать псалии из Галиш-Ловачки (рис. 4, 22). С одной стороны, они по форме повторяют скифские архаического периода, а с другой — в южных областях латенской культуры дуговидные псалии с шишечками на концах и двумя отверстиями на восьмерковидном расширении в середине встречаются на памятниках ступеней С₂ и D: они известны на оппидумах Манхинг и Страдоницы, на поселениях в Румынии и Болгарии [122, с. 73, рис. 9].

Кельты широко пользовались колесницами, использовали их и в военном деле. Различные детали колесниц, в том числе и чеки, удерживавшие колеса на оси, довольно часто встречаются в латенской культуре. Обнаружены они и в Галиш-Ловачке (рис. 4, 12—13). Подобные чеки из Трансильвании и Венгрии, выполненные в вальдальгесхаймском и пластическом стиле. З. Возняк датировал ступенями В₂ и С₁ [580, с. 55, рис. 4, 5, 6].

Бронзовые и железные «рубчатые» браслеты, представленные в Галиш-Ловачке (рис. 4, 3-4), характерны для всего горизонта Духцов-Мюнзинген [475, рис. 1, 4, 14, 104], правда, на западных кельтских территориях они чаще полые, а не литые. В Карпатской котловине они появляются на ступени В₁, широко распространены в В₂, и изредка сочетаются с вещами переходной ступени В₂/С₁ [390, рис. 4, 8, 9, 11].

Браслеты с тройными выступами-шишечками (рис. 4, 15) появляются на ступени В₁ [475, рис. 1, 81, 105], но существуют очень долго, вплоть до первых веков н. э. [103, с. 95-96]. Чрезвычайно характерным элементом юго-восточного ареала латенской культуры являются бронзовые браслеты из полых полусфер, скрепленных шарнирами: это типологическое звено, следующее за полыми браслетами с рубчиками. Один такой браслет происходит из Галиш-Ловачки (рис. 4, 11), деталь второго — из клада в Малой Бигани. Оба представляют собой поздние варианты этого типа украшений — из трех-четырёх крупных звеньев. По Й. Буйнс, они появляются в конце ступени В_{2b} и существуют на ступенях В₂/С₁ и С_{1a} [390, рис. 4, 21, 26, 28]. О существовании их вплоть до начала ступени С₂ свидетельствует сочетание обломка такого браслета с гладким стеклянным в кладе из Малой Бигани [299, с. 136-137].

Важным хронологическим индикатором являются и браслеты из сапропелита (рис. 4, 5). Фрагменты их происходят из Галиш-Ловачки и поселения Ративцы. В Карпатской котловине самые ранние экземпляры обнаружены в комплексах ступени В_{2a},

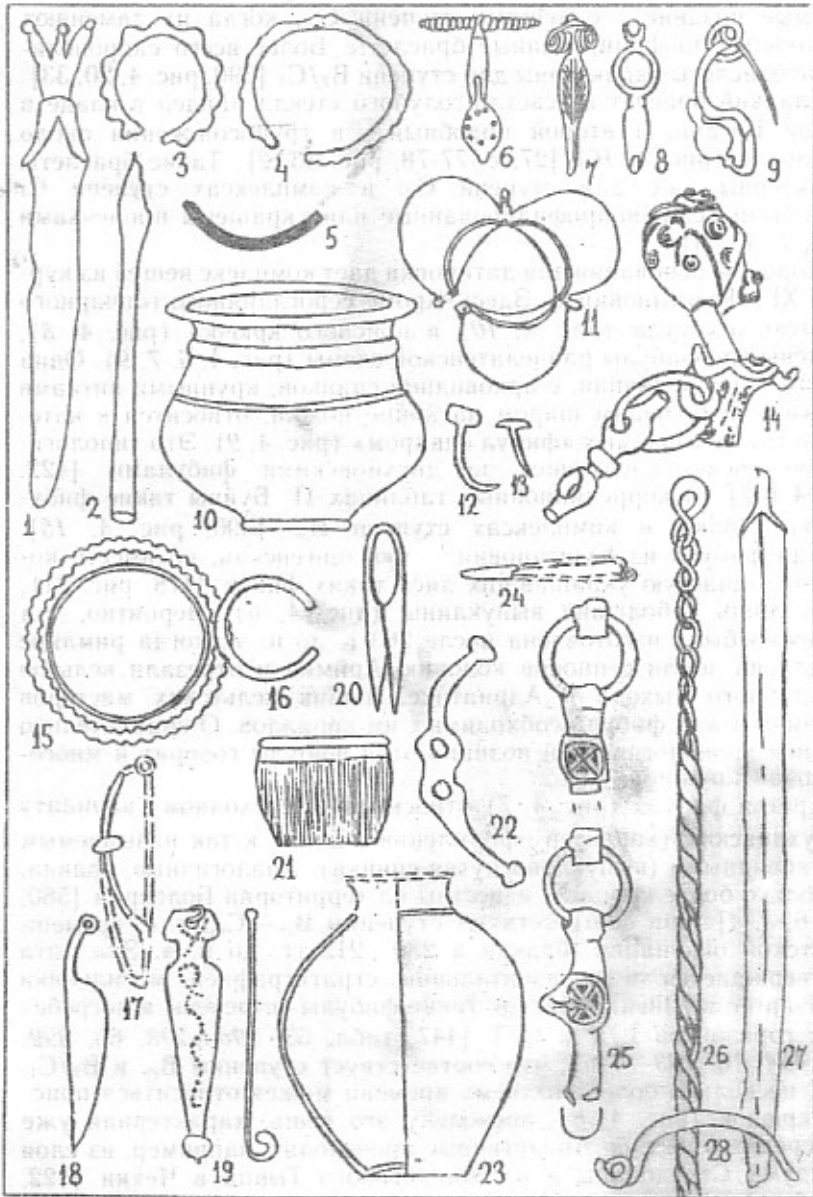

Рис. 4. Датированные латенские вещи Закарпатской Украины.

1-5, 11-13, 15, 17-28 Галич, Добляка, 11 Мукачево, 16 Малая Биташ, 6-10 Кухташовица, к XI.

а самые поздние — с вещами ступени C_{1b} , когда их заменяют стеклянные профилированные браслеты. Более всего сапропелитовые браслеты характерны для ступени B_2/C_1 [390, рис. 4, 20, 33].

Гладкий браслет из светло-голубого стекла найден в кладе в Малой Бигани, а второй подобный — в трупосожжении около с. Мачола (рис. 4, 16) [27, с. 77-78, рис. 33, 2]. Такие браслеты характерны уже для ступени C_2 : в комплексах ступени C_1 они обычно сложнопрофилированные или украшены шишечками [429, с. 43-44].

Хорошие основания для датировки дает комплекс вещей из кургана XI в Куштановицах. Здесь, кроме сероглиняного гончарного кельтского сосуда (рис. 4, 10) и поясного крючка (рис. 4, 8), найдены три фибулы раннелатенской схемы (рис. 4, 6, 7, 9). Одна из них — проволочная, с арковидной спишкой, крупными витками пружины и большим шаром на конце ножки, относится к категории так называемых «фибул с шаром» (рис. 4, 9). Это типологическое звено, следующее за двумювскими фибулами [422, с. 104-107]. В корреляционных таблицах Й. Буйны такие фибулы выступают в комплексах ступени B_{2b} [390, рис. 4, 15]. Вторая фибула из Куштановиц — мюнзингенская, но вместо кораллов, зачастую украшавших диск таких фибул [418, рис. 81], здесь лишь небольшие выпуклости (рис. 4, 6). Вероятно, эта застежка была изготовлена после 263 г. до н. э., когда римляне вывели на земли сеннонов колонию Ариминь и отрезали кельтов от удобного выхода к Адриатике, лишив кельтских мастеров мюнзингенских фибул необходимых им кораллов. О сравнительно поздней хронологической позиции этой фибулы говорит и многовитковая пружина.

Третья фибула (рис. 4, 7) относится к переходному варианту от духцовских (характер оформления ножки) к так называемым «пауковидным» (выпукловогнутая спишка). Аналогичные, правда, несколько более крупные, известны на территории Болгарии [580, рис. 6, 3, 4]: они соответствуют ступеням $B_{2b}-C_{1a}$, т. е. времени кельтской оккупации Фракии в 280—212 гг. до н. э. Эта дата подтверждается и горизонтальной стратиграфией могильника Мюнзинген в Швейцарии, где такие фибулы встречены в погребениях горизонтов L/P и Q/T [447, табл. 63, 296—298, 65, 399, 101, 404, 78, 143—146], что соответствует ступеням B_{2b} и B_2/C_1 .

К несколько более позднему времени может относиться поясной крючок (рис. 4, 8), поскольку это вещь, характерная уже для среднего латена. Аналогичные происходят, например, из слоя оппидума Страдовицы и из Мниховского Тынца в Чехии [122, рис. 6, 14; 422, рис. 51, 2]. Но появляются такие крючки еще на ступени B_{2b} : о сравнительно раннем возрасте крючка из Куштано-

виц свидетельствует и наличие коста под коралловую, вероятно, вставку [386, табл. XIV, 1, с. 54]. Думается, мы не ошибемся если скажем, что погребение в Куштановицах в кургане XI было совершено на ступени B_{2b} (рис. 5), т. е. около 280—250-х годов до н. э. (рис. 1).

На поселении Галиш-Ловачка найдены и обломки среднелатенских скрепленных проволочных фибул (рис. 4, 17, 28). Две из них украшены шариками на месте соединения ножки и спинки, что характерно преимущественно для ступени C_1 [390, рис. 4, 24, 30, 31]. Простые проволочные фибулы без декоративных элементов характеризуют уже ступень C_2 (рис. 4, 28), но сохранность их такова, что уточнить вариант и хронологическую позицию не представляется возможным. Это относится и к обломку фибулы из кургана у с. Бобовое [27, рис. 35, 2].

Что касается железных цепей с крючком на конце, служивших у кельтов боевыми поясами или портупьями (рис. 4, 26), то их находки знаменуют наступление ступени C_{1a} . В Италии они известны в комплексах, датирующихся второй третью — серединой III в. до н. э. [478, рис. 8, 4; 479, рис. 7, 4]. В Карпатской котловине железные пояса-цепи известны в комплексах той же ступени [390, рис. 5, 45]. Поздний этап их хронологического развития представляет собой сравнительно короткий поясной крючок с «выбитым» точечным орнаментом (рис. 4, 19). Такие изделия характерны для ступени C_1 и начала C_2 [390, рис. 5, 54].

Кельтские женщины тоже носили пояса-цепи, но бронзовые; звенья их сложнопрофилированные и иногда украшены вставками из красной эмали. Такая цепь обнаружена на Галиш-Ловачке (рис. 4, 25). Датируется она ступенью C_{1b} [390, рис. 4, 36].

Прекрасный экземпляр бронзового поясного крючка в виде головки бычка, происходящий из Мукачева (рис. 4, 14), хранится в музее Сибиу в Румынии [418, рис. 329, с. 134]. Он выполнен в пластическом стиле ступеней B_{2b} — C_1 и по проработке деталей очень близок изображению головы быка на рельефе храма Афины Никофоры в Пергаме [525, с. 129, рис. 88].

Типично среднелатенскими являются большие, до 35 см в длину, ножи-секачи с изогнутой рукоятью (рис. 4, 18), иногда заканчивающейся шариком или колечком [585, рис. 1, 16, 18]. Хронологическое значение имеют и находки некоторых типов керамики. Так, графитированная керамика с вертикальными расчесами (рис. 4, 21) получает широкое распространение на ступени C_2 и существует в позднем латене, а расписная (рис. 4, 23) характерна только для позднего латена [429, с. 44, 49]. Сочетание в кургане у с. Бобовое расписного сосуда со среднелатенской фибулой [27, с. 44] делает наиболее реальной датой совер-

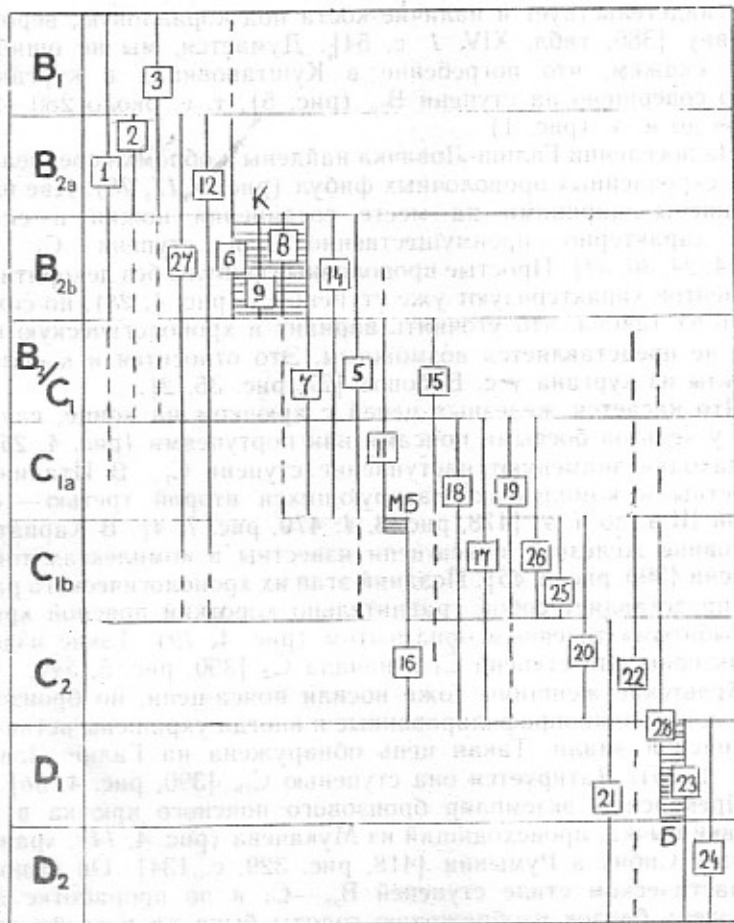

Рис. 5. Хронология латенских вещей Закарпатской Украины (номера вещей соответствуют номерам на рис. 4).

К — Кущашиовина, К — М, МБ — Малай битань, Б — Бобовце.

шения захоронения рубеж среднего и позднего латена, хотя не исключает и возможности датировки ступенью D₁ (рис. 5).

Суммируя исследование датирующих вещей (рис. 5), можно заключить, что первые контакты населения Закарпатской Украины с кельтами, видимо, могли иметь место еще в V—IV вв. до н. э. — об этом свидетельствуют меч с антропоморфной рукоятью и наконечник дротика из Галиш-Ловачки (рис. 5, 1, 2). Однако большая

часть находок относится к ступеням В₂—С₁, т. е. к 320—190-м годам до н. э. (рис. 1). Менее репрезентативен набор вещей ступени С₂, т. е. 200/180—120-х годов до н. э., и совсем слабо представлен поздний латен (120—15-е годы до н. э.), хотя сам характер таких производственных центров, как Галиш-Ловачка и Новоклиново, лучше всего соответствует именно горизонту оппидумов в остальном кельтском мире, охватывавшему ступени С₂ и D [568, рис. 3]. Существование поселения Галиш-Ловачка в позднем латене могли бы подтвердить находки позднелатенских фибул со сплошным приемником (рис. 4, 24), но найдены лишь обломки, форма застежек неясна, а такие приемники имеют и фибулы римского времени. О наличии же на Галиш-Ловачке напластований более поздних свидетельствует находка массивной якоревидной литой фибулы III в. н. э. [27, рис. 35,8]. Аналогичные фибулы известны в древностях римского времени Венгрии [513, табл. XLV,1], а одна такая же обнаружена в кладе из с. Долинное в Крыму с монетами от Каракаллы (211—217 гг.) до Деция Младшего (251 г.) [250].

Таким образом, проникновение отдельных групп кельтов в Закарпатье началось скорее всего в IV в. до н. э., а наиболее интенсивно этот процесс шел перед началом и во время кельтской экспансии на Балканы, в 320—280-х годах до н. э., о чем свидетельствует массовое появление новых типов вещей на ступени В₂ (рис. 5). Процесс исчезновения кельтских памятников, происходивший в латене С₂ на огромной территории от Южной Польши до Карпатской котловины, Трансильвании и Фракии [579, с. 230; 580, с. 64; 585, рис. 23; 390, рис. 4-5, и др.], практически не затронул закарпатские памятники: без непосредственного участия кельтов вряд ли были бы возможны организация и эксплуатация таких крупных производственных центров, как Галиш-Ловачка и Новоклиново. Кроме того, в среднем латене продолжается поступление на территорию Закарпатье новых типов кельтских изделий (рис. 5). В позднем латене поступление новых типов резко сокращается, а на ступени D₁ прекращается вовсе. Это может быть связано с теми же событиями, благодаря которым перестало существовать большинство протогородских промышленных центров-оппидумов в остальной Кельтике. На северном участке Карпатской котловины в это время активно действовали даки Бурбисты (60—50-е годы до н. э.), что фиксируется на соседних территориях Венгрии и Словакии сложением особого культурного явления — кельто-дакийского горизонта памятников [356; 398, с. 313-316; 559], а в Закарпатье — основанием дакийской крепости на Тиссе у с. Малая Копань [137, с. 91].

Достаточных оснований говорить о том, что на Закарпатской Украине имел место процесс латенизации куштановицкой культуры [138], скорее всего нет. Против этого, во-первых, свидетельствует то, что так называемая «кельтская» керамика, обнаруженная в ранних куштановицких курганах, оказалась севернофракийской [295, с. 53]. Во-вторых, куштановицкая культура, по-видимому, прекращает свое существование вскоре после появления на ее территории кельтов [297, с. 104, 106], и речь идет скорее о смене культур при сохранении в новой, латенской культуре ряда элементов предшествующей, куштановицкой, что наиболее ярко проявляется в формах керамики и в меньшей степени — в погребальном обряде. В-третьих, кельтские элементы представлены в Закарпатье значительно обильнее, чем в кругу латенизированных культур, которые действительно подвергались лишь кельтскому влиянию: например, ни в одной из них нет ничего подобного кельтским оппидумам или производственным центрам. И, наконец, в-четвертых, памятники Закарпатья отличны от памятников восточного круга латенизированных культур по структуре: здесь нет «полей погребений» и обилия фибул.

По-видимому, в Закарпатье имел место процесс иного рода, нежели процесс латенизации. Он сопоставим с теми процессами, которые происходили и на других территориях, подвергшихся непосредственной кельтской экспансии — на Балканах, Пиренейском полуострове, где складывались смешанные кельто-иллирийские, кельто-иберийские культуры и где не всегда можно отличить местные элементы от пришлых [429, с. 88-93, 98-104]. Измерить же реальную роль и численность местного и пришлого населения в таком случае не представляется возможным.

Итак, в дискуссии, возникшей более 20 лет назад, прав оказался З. Возняк. Отнесение развития латенских традиций на восточнокельтских территориях за счет местного населения вряд ли оправдано, а переселение бастронов на юг, независимо от того, было ли оно первым переселением германцев, или последним — кельтов, произошло более чем на столетие позже появления латенских древностей и кельтского населения в Закарпатье.

Таким образом, латенские древности Закарпатской Украины не связаны напрямую с латенизированными культурами. Но к востоку от Карпат обнаружено большое количество латенских импортов, которые с этими культурами могут быть связаны, как и с самим процессом латенизации. Поэтому необходимо рассмотреть эту категорию находок более подробно.

3. ХРОНОЛОГИЯ РАНИХ ЛАТЕНСКИХ ИМПОРТОВ К ВОСТОКУ ОТ КАРПАТ (IV—III вв. до н. э.)

Работы, посвященные кельтскому проникновению к востоку от Карпат, можно разделить на три группы. Первая исследует взаимоотношения кельтской и восточной (в данном случае — скифской) культурных традиций в искусствоведческом аспекте [271; 533; 536; 537; 570]. Вторая посвящена публикации и изучению отдельных латенских памятников и находок. Третья, самая малочисленная группа работ, представляет собой сводки латенских древностей и импортов.

Первая попытка обобщения латенских древностей, обнаруженных к востоку от Карпат, была предпринята А. А. Спицыным в 1904 г. [302]. Хотя все приведенные в его статье памятники и находки, за исключением погребения у с. Залесье, оказались относящимися к позднему предримскому и раннему римскому времени, эта небольшая заметка «поставила русских археологов лицом к лицу с новым разрядом древностей» [303, с. 85]. А. А. Спицын связал собранные им древности с бастарнами и отметил их западное происхождение [303, с. 85]. Это оказалось верным для находок позднего предримского времени [122], но не для более ранних.

В 1947 г. Я. Розен-Пшеворская в работе, посвященной кельтским древностям, обнаруженным на территории Польши, привела и ряд вещей, обнаруженных на территории СССР [532]. Но первой полной сводкой этих вещей стала статья Ю. В. Кухаренко «Распространение латенских вещей в Восточной Европе», опубликованная в 1959 г. [148], в которой были собраны как собственно латенские, так и относящиеся к культурам позднего предримского времени находки. Начало проникновения латенских вещей на территорию Восточной Европы было отнесено к IV в. до н. э. на основании датировок скифских погребений с латенскими импортами [148, с. 36, 40].

В 1966 г. А. К. Амброз опубликовал все известные к тому времени фибулы, обнаруженные на юге европейской части СССР [8]. Датировка латенских фибул была произведена на основании типологической схемы Я. Филиппа [422]. В 1973—1974 гг. Д. А. Мачинский, также основывавшийся на датировках Я. Филиппа, опубликовал серию статей, в которых связывал попадание латенских импортов к востоку от Карпат с деятельностью галатов декрета Протогена и бастарнов [186—188]. В 1974 г. была опубликована монография З. Возняка, посвященная восточному пограничью латенской культуры. З. Возняк собрал те латенские импорты, которые считал заимствованными непосредственно

у кельтов; и разделил их на раннюю (ранний латен) и позднюю (средний латен) группы. Всего им было учтено 63 пункта латенских находок к востоку от Карпат: 26 в Молдове и 37 на территории СССР [580, с. 191—195].

С выходом монографии З. Возьняка, а также ряда работ других авторов по хронологии отдельных групп восточнолатенских памятников [390; 395; 396; 523; 561; 585 и др.] появилась возможность дифференцированного в хронологическом и географическом плане изучения латенских древностей к востоку от Карпат. Попытаемся реализовать эту возможность по отношению к ранним латенским (IV—III вв. до н. э.) импортам, обнаруженным в Гетике, Скифии и на южной оконечности лесной зоны Восточной Европы и выяснить, является ли появление латенских импортов одной из причин начала процесса латенизации местных культур Поднестровья и Поднепровья.

Всего удалось собрать латенские находки из 74 пунктов: 28 из них расположены в Гетике, 31 — в Скифии и 15 — в лесной зоне (рис. 6—10, Прилож. I)⁴. В исследовании хронологии этих находок мы будем опираться на датировки, предложенные З. Возьняком для широкого круга памятников [580, с. 139—144] и В. Зиррой для Молдовы и Олтении [585, рис. 23], но большая часть вещей, в особенности те из них, которые не были ранее включены в научный оборот или хронология которых может быть существенно уточнена, нуждается в детальном рассмотрении.

Фибулы, обнаруженные к востоку от Карпат, могут быть разделены на несколько типов [8, с. 24 сл.; 580, с. 141—142]. Наиболее ранними являются духцовские фибулы с «гусеничной спинкой» (рис. 6, I, 2; 7, 4; Прилож. I, № 3, 5, 9, 12, 19, 36). Ножка у них зачастую обломана, но на некоторых экземплярах

⁴ Латенские фибулы, обнаруженные на памятниках поморской культуры, не рассматриваются здесь по той причине, что они достаточно убедительно связаны З. Возьняком по происхождению с кельтскими памятниками Южной Польши [582], причем распространение изделий южнопольского производства была явлением кратковременным и локальным: на памятниках поморской культуры эти изделия исчезают в конце латена В, т. е. до 320-х годов до н. э. [582, с. 28], а на памятниках культуры западнобалтийских курганов не появляются вовсе. Подробнее эта категория находок будет нами рассмотрена в главе II.

Уже после написания этой части работы обнаружилось, что предлагаемые нами каталоги ранних и поздних латенских импортов неполны: в них могут быть включены как уже опубликованные находки из Асаревичей, Бравичей, Чаплина, Церковища и др., так и недавно открытые (например, на городище Чайка). Пользуемся случаем поблагодарить М. Б. Шукина, В. В. Кропоткина, С. Е. Рассадина, Е. С. Нефедову, указавших эти комплексы. Вместе с тем необходимо отметить, что они укладываются в предлагаемую ниже историко-археологическую схему.

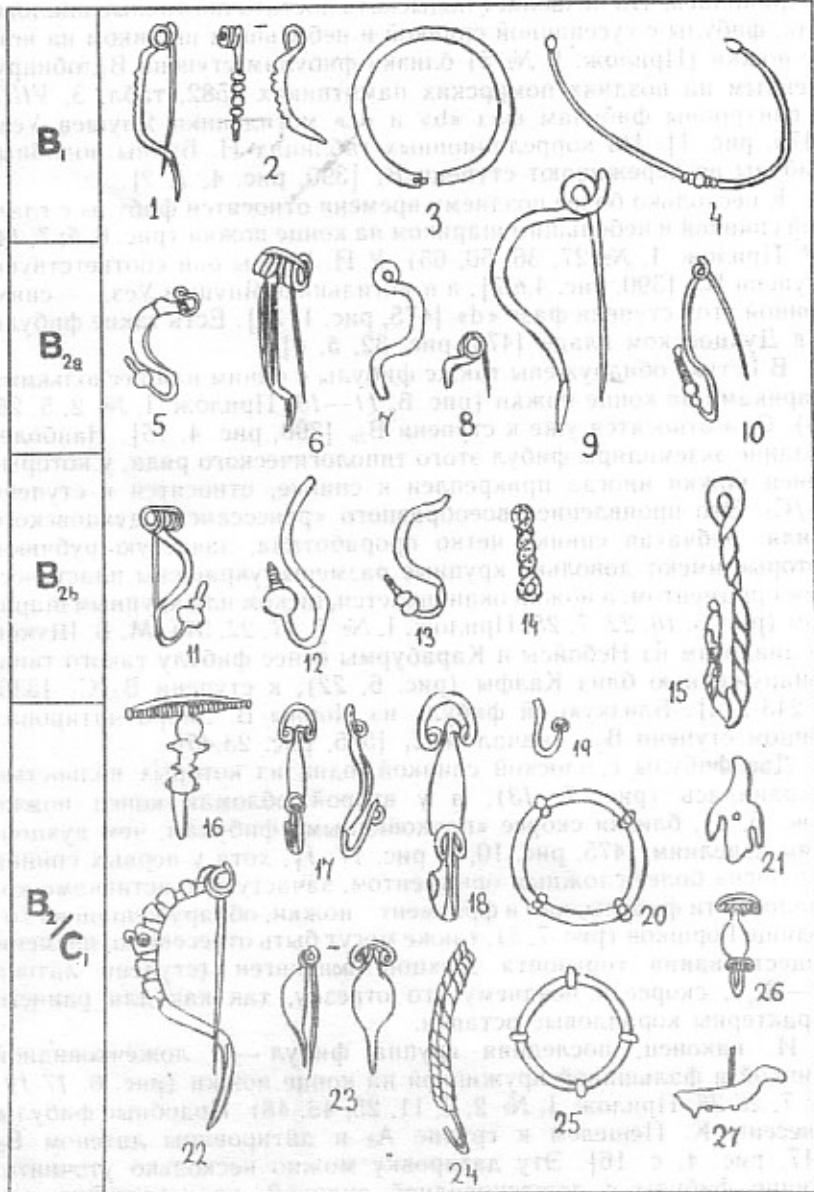

Рис. 6. Хронология ранних латенских импортов Геттики.

1, 4 — Серата Монтеору, 2 — Трушешти, 3 — Глежелешти Веле, 5 — Малай Сахаря, 6, 9 — Григорювка, 10 — Поша, 7 — Маташару, 8 — Галач, 11 — Кукешти, 12, 26 — Зиница, 13 — Рудь, 14 — Нетря, 15, 18 — Томи, 16 — Гордишца, 17 — Тариверде, 19 — Парханы, 20, 21, 24 — 25, 27 — Бережлага, 22 — Калфа, 23 — Нетрин.

сохранилась, что позволяет подыскивать достаточно точные аналоги. Так, фибулы с гусеничной спинкой и небольшим шариком на конце ножки (Прилож. I, № 5) близки фибулам ступени B_1 , обнаруженным на поздних поморских памятниках [582, табл. 3, VIII], и синхронны фибулам фаз «b» и «с» могильника Янушев Уезд [475, рис. 1]. На корреляционных таблицах И. Буйны подобные фибулы не переживают ступени B_1 [390, рис. 4, 1, 2].

К несколько более позднему времени относятся фибулы с гладкой спинкой и небольшим шариком на конце ножки (рис. 6, 5; 7, 14; 18; Прилож. I, № 27, 36, 50, 65). У И. Буйны они соответствуют ступени B_{2a} [390, рис. 4, 6, 7], а в могильнике Янушев Уезд — синхронной этой ступени фазе «d» [475, рис. 1, 72]. Есть такие фибулы и в Духцовском кладе [474, рис. 32, 5, 6].

В Гетике обнаружены также фибулы с одним или несколькими шариками на конце ножки (рис. 6, 11—13; Прилож. I, № 2, 5, 26, 48). Они относятся уже к ступени B_{2b} [390, рис. 4, 15]. Наиболее поздние экземпляры фибул этого типологического ряда, у которых конец ножки иногда прикреплен к спинке, относятся к ступени B_2/C_1 . Это проявление своеобразного «ренессанса» духцовского стиля: рубчатая спинка четко проработана, зачастую рубчики, которые имеют довольно крупные размеры, украшены пластическим орнаментом, а ножка оканчивается диском или крупным шариком (рис. 6, 16, 22; 7, 25; Прилож. I, № 7, 17, 22, 51). М. Б. Щукин по аналогам из Небойсы и Карабурмы отнес фибулу такого типа, обнаруженную близ Калфы (рис. 6, 22), к ступени B_2/C_1 [336, с. 243-244]. Близкую ей фибулу из Пояны В. Зирра датировал концом ступени B_2 — началом C_1 [585, рис. 23, 45].

Две фибулы с плоской спинкой, одна из которых полностью сохранилась (рис. 7, 13), а у второй обломан конец ножки (рис. 6, 6), близки скорее «пауковидным» фибулам, чем духцовским изделиям [475, рис. 10, 1, рис. 17, 1], хотя у первых спинка украшена более сложным орнаментом, зачастую со вставками кораллов. Эти фибулы, как и фрагмент ножки, обнаруженной на городище Горшков (рис. 7, 5), также могут быть отнесены ко времени существования горизонта Духцов-Мюнзинген (ступени латена B_1 — B_{2a}), скорее к позднему его отрезку, так как для раннего характерны коралловые вставки.

И, наконец, последняя группа фибул — с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой на конце ножки (рис. 6, 17-19, 23; 7, 26-28; Прилож. I, № 2, 3, 11, 25, 43, 48). Подобные фибулы отнесены К. Пешелем к группе A_2 и датированы латеном B_2 [517, рис. 4, с. 16]. Эту датировку можно несколько уточнить. Ранние фибулы с ложечковидной спинкой, происходящие, вероятно, от «пауковидных», обнаружены в Говора Сат и Каревце

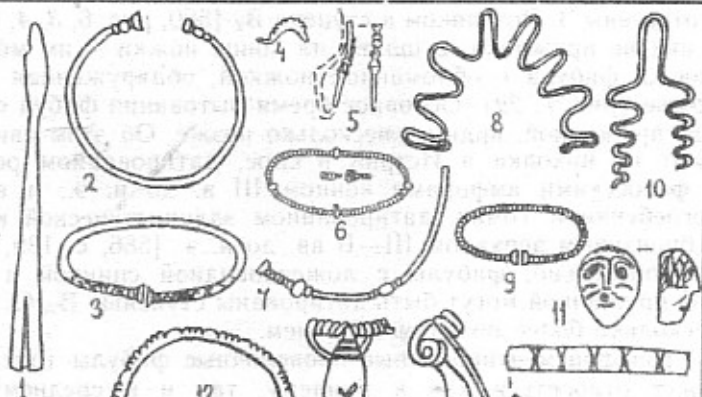
и отнесены З. Возняком к ступени В₂ [580, рис. 6, 3, 4, с. 70]. Но у них не пружинка, а шарик на конце ножки — им может быть близка фибула с обломанной ножкой, обнаруженная в Надпорожье (рис. 7, 29). Основное время бытования фибул с фальшивой пружинкой, видимо, несколько позже. Об этом свидетельствуют их находки в Истрии в слое, датированном родосскими и фасосскими амфорами концом III в. до н. э., и в богатом погребении в Томах, датированном эллинистической керамикой и бронзовым зеркалом III—II вв. до н. э. [586, с. 189, 191-192]. Следовательно, фибулы с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой могут быть датированы ступенью В₂/С₁ или даже несколько более поздним временем.

Три фрагментированные проволочные фибулы (рис. 6, 7—9) могут относиться как к раннему, так и к среднему латену, хотя изгиб спинки у них, пожалуй, более характерен для изделий ступени В.

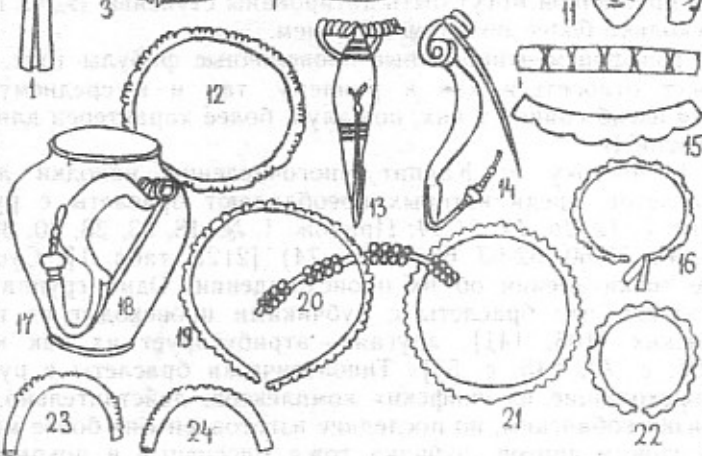
К востоку от Карпат многочисленны находки латенских браслетов, среди которых преобладают браслеты с рубчиками (рис. 7, 12, 16, 19, 21-24; Прилож. I, № 18, 23, 28, 30, 33, 38, 41, 44, 46, 58-60, 62-63, 66, 69-71, 74) [212а, табл. I]. Существуют две точки зрения об их происхождении. Одна группа авторов полагает, что браслеты с рубчиками происходят от позднекобанских [105; 141], другая — атрибутирует их как кельтские [195, с. 70; 245, с. 55]. Типологически браслеты с рубчиками, происходящие из скифских комплексов, действительно, отчасти близки кобанским, но последние изготовлены из более массивных бронзовых дров, рубчики тоже массивные и покрывают всю поверхность без промежутков. На скифских браслетах рубчики более мелкие и, как правило, сгруппированы по несколько штук, между которыми оставлена гладкая поверхность, что сближает эти изделия с кельтскими. «Скифские» браслеты, кроме того, изготовлены из западного сырья [25, с. 74] и отделены от кобанских хронологической лакуной: ни одного экземпляра рубчатого браслета в ранних степных скифских комплексах не найдено [210]. Поэтому рубчатые браслеты, обнаруженные в скифских комплексах, логичнее связывать по происхождению не с кобанской культурой, а с латенской.

В латенской культуре браслеты и гривны с рубчиками, как и «рубчатый», или «гусеничный», стиль украшений в целом, характерны более всего для горизонта Духцов-Мюнзинген. Ранние варианты этих изделий ступеней В₁ и В_{2а} (рис. 7, 12, 19, 21-24) украшены слабо выраженными рубчиками небольшого размера [475, рис. 1, 4, 14, 104]. В Чертомлыкском кургане, датирующемся по амфорным материалам 350—320-ми годами до н. э. [3, с. 82],

B₁

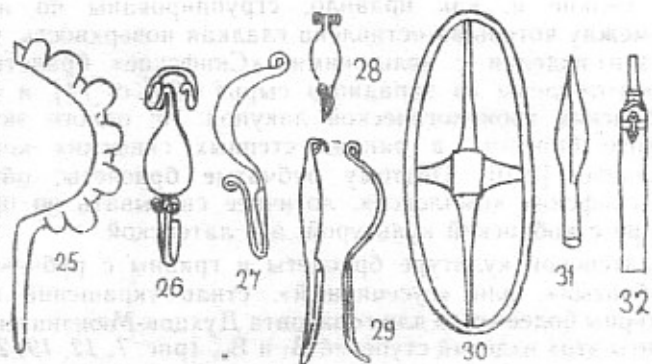
B_{2a}

B_{2b}

B_{2/C}

обнаружен именно такой браслет, что свидетельствует об их появлении в Скифии еще на ступени B_1 . Поздние экземпляры, для которых характерны крупные, четко профилированные рубчики, покрывающие всю поверхность (рис. 7, 15; Прилож. I, № 20, 21), относятся к ступени B_{21} . [584, рис. 5. XI]. Они, как это ни парадоксально, типологически наиболее близки кобанским.

К востоку от Карпат существовали и центры местного производства латенских браслетов. Литейные формы для их изготовления обнаружены на милоградских городищах Мохов I, Чаплин и Горошково, а форма для отливки браслетов с рубчиками и браслетов с тройными выступами-шишечками — в Ольвии (Прилож. I, № 46, 62, 68). Можно предположить, что Ольвия обслуживала степную Скифию, а милоградские городища снабжали браслетами лесостепь и южную часть лесной зоны. С меньшей степенью уверенности выделяется третий центр местного производства латенских изделий — это городища днепродвинской культуры, на которых засвидетельствован высокий уровень бронзолитейного производства [322]. Эти браслеты далее всего отстоят от исходного кельтского прототипа и являются скорее всего дериватами изделий, изготовлявшихся на территории Скифии и милоградской культуры (рис. 7, 23, 24).

Начало попадания к востоку от Карпат браслетов с шишечками (рис. 6, 20, 25; 7, 20; Прилож. I, № 9, 13, 15, 24, 38, 50, 52, 58, 61, 62, 69, 70, 72), судя по находке в кургане Огуз (рис. 7, 20), дата которого вряд ли позже начала III в. до н. э., относится к ступени B_{21} . З. Марич отнес такие браслеты к I фазе кельтского влияния в Боснии и Герцеговине [493, табл. II, 20], что соответствует ступеням B_1 — B_{21} . Началом III в. до н. э. датируется по античным материалам комплекс кургана 9 в Пруссах [229, № 782], содержащий браслет с шишечками (Прилож. I, № 52). В Дакии такие браслеты известны в комплексах рубежа III—II вв. до н. э. [384, табл. 108,3], а самые поздние экземпляры доживают до римского времени [70, рис. 3, 1, 3] — для них характерны группировка шишечек по три и малое количество групп.

Железный браслет из Глевенешти-Вехе (рис. 6,3) представляет собой изделие, характерное для ступени B_1 [390, рис. 4, 3]. По форме застежки ему близок браслет, обнаруженный на Кубани

Рис. 7. Хронология ранних латенских импортов Скифии и лесной зоны Восточной Европы.

1, 3, 12, 13, 19, 21 — Горошково, 2 — Мельняковское, 3 — Голтеево, 4, 11 — Чаплин, 6 — Кубань, неясно местность, 7 — Махоров Остров, 8, 11 — Пекери, 9 — Орджоникидзе, 10 — Дроздовичино, 13 — Бислиця, 16 — Чертошкин, 17—18 — Залесье, 20 — Огуз, 22 — Часть кургана, 23 — Ахатово, 24 — Делютинка, 25 — Придербка, 26—27, 30 — Пантикапей, 28—29 — Паллорожье, неясно местность, 31—32 — Вериния Тарасовка.

(рис. 7, 6), рубчатое оформление, которого находит аналоги в фазе «а» могильника Янушев Уезд [475, рис. 1, а]. Браслет из Сера-тата Монтеору (рис. 6, 4) близок браслетам ступени В₁ [475, рис. 1, а]. Гривны с печатевидными окончаниями (рис. 7, 2, 3, 7) характерны для ступени В₁: их аналоги найдены в комплексах с мюнзингенскими фибулами [475, рис. 16а, 10, 14, 22, 3, 25, 3-5; 390, рис. 4, 4, 5]. Гривна из Орждоникидзе (рис. 7, 9), вероятно, несколько позднее: аналог ей происходит из погребения с фибулой ступени В_{2а} [475, рис. 23, 3, 2]. Эту дату подтверждают и корреляционные таблицы Й. Буйны [390, рис. 4, 8].

Волнистая проволоочная гривна (рис. 7, 8), близкая обнаруженной в Духцовском кладе [474, рис. 24, 69], по аналогам из кельтских погребений горизонта Духцов-Мюнзинген [475, рис. 3d, 14, 5, 27, 7] может быть отнесена к ступеням В₁—В_{2а}. Возможно, дериватом такой гривны является «подвеска», обнаруженная на городище Дравентцито II (рис. 7, 10). Такие гривны известны и в более позднее время, в комплексах первых веков н. э. [355].

Судя по аналогам, к ступени В₂ следует отнести золотую гривну с печатевидными окончаниями из Бережанского клада [504, рис. 7]. Наличие в кладе позднего варианта браслета с шишечками (рис. 6, 20) позволяет предположить, что клад мог быть укрыт и на ступени В₂/С₁.

Фигурки кабанов (Прилож. I, № 49, 57) достаточно широко распространены в кельтской культуре ступеней В₁ и В₂ [580, рис. 2, 10], но, поскольку к востоку от Карпат они найдены в скифских комплексах, вряд ли их поздняя дата выходит за пределы ступени В_{2а}.

К востоку от Карпат обнаружены и некоторые типы кельтского воинского снаряжения. Наконечник дротика из слоя милоградского городища Горошков (рис. 7, 1) близок дротику ступени В₁ из Галиш-Ловачки (рис. 4, 2). Наконечник копья из Верхней Тарасовки (рис. 7, 31) подобен типам, характерным для ступени В₂/С. [390, рис. 5, 48]. К этой же ступени следует отнести фрагменты боевых цепей-поясов с крючком на конце (рис. 6, 14, 15; Прилож. I, № 6, 11) [390, рис. 5, 45; 561, рис. 19, с. 80]. Меч из Верхней Тарасовки (рис. 7, 32) отнесен З. Возняком к типу III и датирован поздним латеном [580, рис. 14, 2, с. 153]. Но по сложному оформлению рукояти, отсутствию шарика на вершини его скорее следует отнести к типу I, датируемому средним латеном [580, с. 87, рис. 7, 1]. Такие мечи более всего характерны для времени существования горизонта боевых поясов с выбитым орнаментом, т. е. для ступеней В₂/С₁ и С_{1а} [584, рис. 13, М.12/11].

■ Немногочисленные находки «кельтской» керамики в скифских

погребениях [532, с. 289; 148, № 28, 53] вряд ли могут считаться достоверными: в курганах куштановицкой культуры аналогичная керамика при внимательном рассмотрении оказалась севернофракийской [295].

Необходимо несколько подробнее остановиться на датировке комплексов латенских импортов и находок к востоку от Карпат. Самым ранним из них, вероятно, является кельтское погребение у с. Залесье в устье Припяти, датирующееся по фибуле ступенью V_{2a} (рис. 7, 18). К ранней группе относятся и клады латенских браслетов: два из них опубликованы О. Н. Мельниковской и датированы IV—III вв. до н. э. [192; 193; 195, с. 80], а третий, происходящий из Киселевского торфяника, хранится в фондах Сосницкого краеведческого музея (рис. 8)⁵. Поскольку большинство браслетов с рубчиками из этих кладов находит аналоги в латенских древностях ступени V_{2a} , их дата может быть сужена до 320—280-х годов до н. э. (рис. 1), хотя они и могли быть укрыты несколько позднее, так как зафиксировано их местное производство на городищах милоградской культуры.

Здесь нельзя не остановиться на точке зрения А. М. Обломского, полагающего, что клады браслетов на основании содержащихся в них бус могут быть датированы II в. до н. э. [225, с. 17]. Е. С. Нефедовой высказана более осторожная точка зрения: поскольку «маленький клад» 1957 г. содержит одноцветные гладкие стеклянные бусы, «распространенные в Северном Причерноморье только с I в. н.э.», он не может считаться закрытым комплексом и быть точно датирован [212, с. 119]. С этим вряд ли можно согласиться.

Речь идет об «укороченных бочонковидных бусах из глухого грязно-синего стекла» 29 типа, по Е. М. Алексеевой, и об «уплощенных пронизях сине-зеленого цвета» типа 32 [195, рис. 40, 3, 6, 8; табл. 33, 4, 7, с. 65-66], датируемых по античным комплексам I—IV вв. н. э. и второй половиной III в. н. э. соответственно. Схожие типы бус (30, 32, 36, 42, 43, по М. Темпельманн-Манчиньской) широко известны в комплексах римского времени варварской Европы [555, табл. 2, рис. 1, 30, 32, 36, 42, 43]. Но этим не исчерпываются хронологические рамки интересующих нас разновидностей гладких стеклянных бус: есть они и в комплексах скифского времени. Например, набор бус из кургана 35/33 в Мاستюгино содержит весьма близкие горошковским одноцветные гладкие стеклянные [163, табл. 36, 1], а в могиле

⁵ Пользуемся случаем поблагодарить сотрудников Отдела археологии Черниговского исторического музея А. В. Шекуна и В. П. Коваленко, любезно представивших нам его материалы.

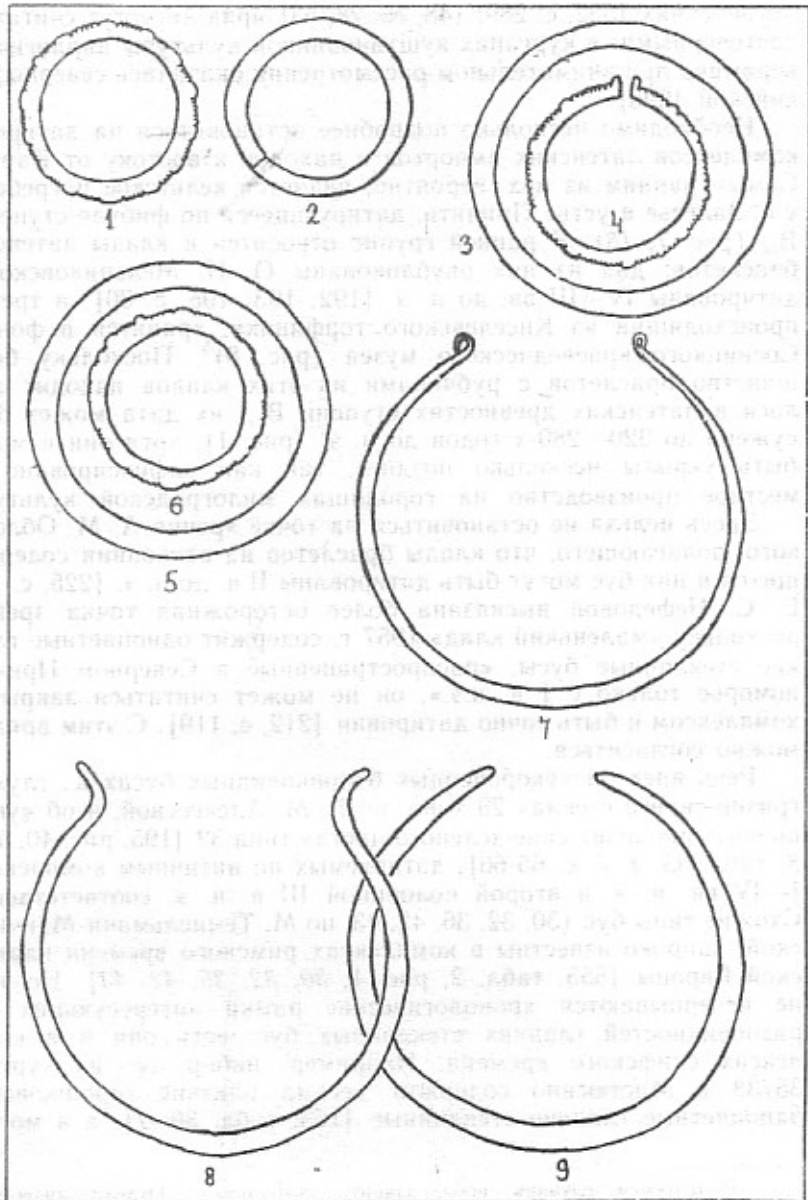

Рис. 8. Клад браслетов из Киселевского торфяника.

2 кургана 447 в Пастерском обнаружена «кольцевидная синяя бусина из непрозрачного стекла» [54, с. 29, табл. 14, 13]. Круг этих аналогов может быть значительно расширен. Таким образом, гладкие стеклянные бусы известны уже в скифское время, и достаточных оснований говорить о «незакрытости» комплекса «маленького клада» 1957 г. на Горошковском городище нет. Если использовать метод узких датировок [357], единственно возможной датой кладов латенских браслетов окажется ступень латена В₂₆, т. е. 320—280-е годы до н. э. [97].

Все три клада близки по составу: в них однотипны не только латенские, но и скифские изделия. Наличие последних в кладах позволяет сделать предположение о южном, скифском пути проникновения латенских импортов в милоградскую культуру и южную часть лесной зоны Восточной Европы в целом. Это предположение косвенно подтверждается и тем, что практически весь металлический инвентарь милоградской культуры происходит от скифских прототипов [89]. Близость кладов по составу, их одновременность и небольшой территориальный разброс позволяют предположить существование общей причины их сокрытия. Такой причиной могли послужить события, приведшие к падению Скифии под ударами сармат на рубеже IV—III вв. до н. э. [185]. Начавшиеся передвижки степного населения не могли не отразиться и на их соседях, заселявших южную оконечность лесной зоны. Вероятно, именно со «смутными временами», начавшимися с появления сармат у Сиваша, в центре Скифии, около 310 г. до н. э., и следует связывать сокрытие кладов [97, с. 60].

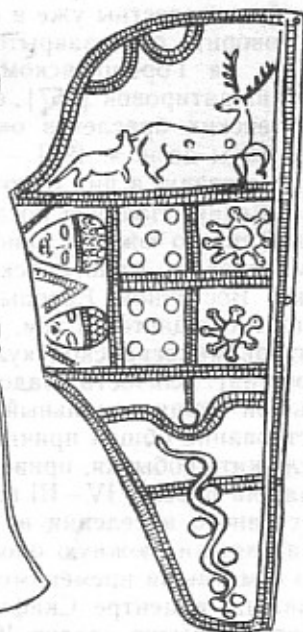
Что же касается клада орудий труда, также обнаруженного на городище Горошков (рис. 11, 30-34) [195, с. 73], содержащего цепь, определенную О. Н. Мельниковской как деталь уздечного набора, здесь можно отметить, что цепь могла служить и боевым поясом. Звенья таких поясов, правда, более короткие и, вероятно, более поздние, известны в кельтских комплексах III в. до н. э.—в Галлии [480, № 105]. Перевитое кольцо, которое О. Н. Мельниковская считает скифским (рис. 11, 32) [195, с. 73], вполне может быть сопоставлено с деталями кельтских витых боевых поясов-цепей ступеней В₂₆—С_{1а} [390, рис. 5, 45, 54].

Трудно точно датировать и комплекс находок из Бобуечи (рис. 9). По сочетанию шлема «фракийского» типа (рис. 9, б) и конского налобника (рис. 9, 2) он отнесен М. Б. Шукиным ко времени около рубежа IV—III вв. до н. э. [544]. Но изображения на пластинках (рис. 9, 3, 4) ближе всего гюндеструпскому стилю эпохи позднего латена [449]: об этом прежде всего свидетельствует иконография изображений оленей и собаки [ср. 534, рис. 22_а, 28_а]. Характер деления изобразительного поля на зоны

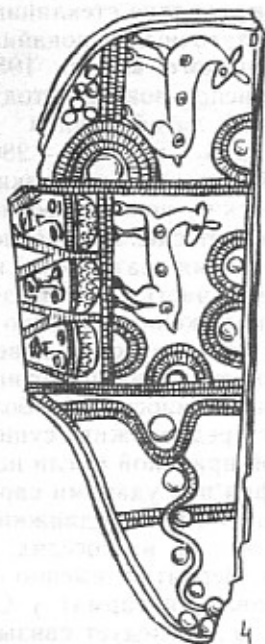

1

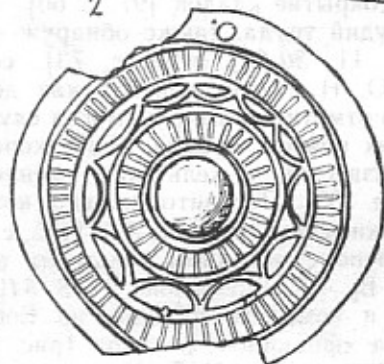
3

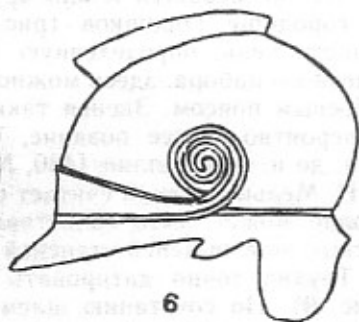
4

2

5

6

Рис. 9. Находки из Бобуечи.

близок композиции изображений на среднелатенском пояском крючке из Попешти [534, рис. 25b]. Трудно сказать, свидетельствуют ли эти параллели о более поздней датировке комплекса из Бобуечи или о более раннем времени зарождения гюндеструпского стиля, расцветшего в позднем латене. Впрочем, есть и еще один вариант объяснения сходства пластины из Бобуечи и гюндеструпских изображений. В Бобуечи уже сам набор вещей свидетельствует о фракийском влиянии, которое было не чуждо и для гюндеструпского стиля [511]. Может быть, это сходство и объясняется неким общим фракийским элементом?

Клад из Бережанки, по сочетанию золотой гривны с печатевидными окончаниями и позднего варианта браслета с шишечками, может быть отнесен к ступени V_2/C_1 , во всяком случае, его сокрытие раньше ступени V_2 , мало вероятно.

Ранние латенские импорты к востоку от Карпат могут быть разделены на несколько территориальных групп (рис. 10), отчасти различающихся и хронологически. Первая из них представлена на территории Гетики, где обнаружены импорты ступеней $V_1—V_2/C_1$, вторая — в Среднем и Верхнем Поднепровье, содержащая импорты ступеней $V_1—V_2$, третья — это античные города Причерноморья, для которых характерны импорты ступени V_2/C_1 . Отдельно расплосжены несколько находок на Кавказе и в Прикавказье, датирующиеся, как и в Поднепровье, ступенями $V_1—V_2$.

Начало попадания латенских импортов к востоку от Карпат относится к ступени V_1 , т. е. к 400—330-м годам до н. э., а массовый их наплыв — к ступени V_2 , т. е. к 330—280-м годам до н. э. Второй всплеск обнаруживается на ступени V_2/C_1 : его следы мы отчетливо видим на территории Гетики и особенно в античных городах. Вопреки точке зрения З. Возняка, полагавшего, что к востоку от Карпат очень мало находок ступени V_2 , мы можем констатировать, что большая их часть относится именно к ступеням $V_2—V_2/C_1$ (рис. 6—8). Латенские типы украшений Гетики и Скифии оказываются по количеству на третьем месте после гетских (скифских) и античных изделий. В каких же исторических условиях стали возможны оживленные кельто-гетские и кельто-скифские контакты? Для выяснения этого вопроса необходимо совершить краткий экскурс в «историю внешней политики» кельтов, скифов и гетов второй половины IV—начала III в. до н. э. [93].

Около середины IV в. до н. э. активные военные действия с участием кельтов в Северной Италии прекращаются, и центр их активности переносится на восток. Под 358 г. до н. э. Помпей Трог упоминает о кельто-иллирийских столкновениях. К этому

времени дальнейшее продвижение кельтов на Балканы было приостановлено усилившейся Македонией. Наступил период консолидации кельтской культуры к северу от македонской сферы влияния [329, с. 58-63]. В 342 г. до н. э. кельты и скифы нападают на Фракию [521, с. 48]. Можно предположить, что в борьбе с могущественной империей Филиппа и Александра, наряду с южной антимакедонской коалицией, в которую входили Спарта и фракийские племена [349], складывается менее явная северная коалиция в составе гетских, кельтских и скифских племен. Основания для этого предположения следующие.

В середине IV в. до н. э. скифы усиливаются в Добрудже [199, с. 238-243]. Но в 339 г. до н. э. скифский царь Атей «ссорится» с Филиппом Македонским и погибает в битве [369, IX, 1, 2-16]. В 335 г. до н. э. Александр Македонский осуществляет поход за Дунай против трибаллов и гетов, напавших на войско Филиппа после его победы над Атеем [369, IX, 3, 1-4, 6-10]. В 331 г. до н. э. полководец Александра Зопирион осаждает дружественную скифам Ольвию, а на обратном пути его войско разбивают геты [369, XII, 2, 16]. В 313 г. Лисимах наносит поражение скифам [307, VII, 6, 1], а в 292 г. войско гетов под предводительством Дромихета уничтожает войско Лисимаха в Гетской пустыне [307, VII, 3, 8, 14], отождествляемой с Буджакской степью [341]. Итак, серия военных кампаний македония направлена не только против скифов, но и против гетов, причем действия и тех, и других выглядят согласованными: например, в 339 г. Филиппа, воевавшего со скифами, атакуют трибаллы, в 331 г. цель похода Зопириона — устрашение скифов, а разбивают его войско геты. Уже сама периодичность военных кампаний свидетельствует о силе противников и постоянной опасности, угрожавшей Македонии со стороны северных варварских племен. Напряженность в низовьях Дуная на рубеже IV—III вв. до н. э., связанная с ними, может иллюстрироваться и археологическими данными, — например, находками псалей античных типов [382, рис. 5], монетных и вещевых кладов [5, рис. 1; 36; 287; 373]. Эти же события отражают, по-видимому, укрепление стен Ольвии, которое может быть связано с осадой ее Зопирионом [77, с. 101], и разрушение Никония [113, с. 63].

Данные, донесенные до нас письменными источниками, позволяют реконструировать возможное развитие кельто-скифских отношений следующим образом. До середины IV в. до н. э. непосредственные контакты двух групп племен, вопреки мнению Г. Сулицмирского [550; 551], вряд ли были возможны ввиду того, что их территории не соприкасались: скифские памятники Тран-

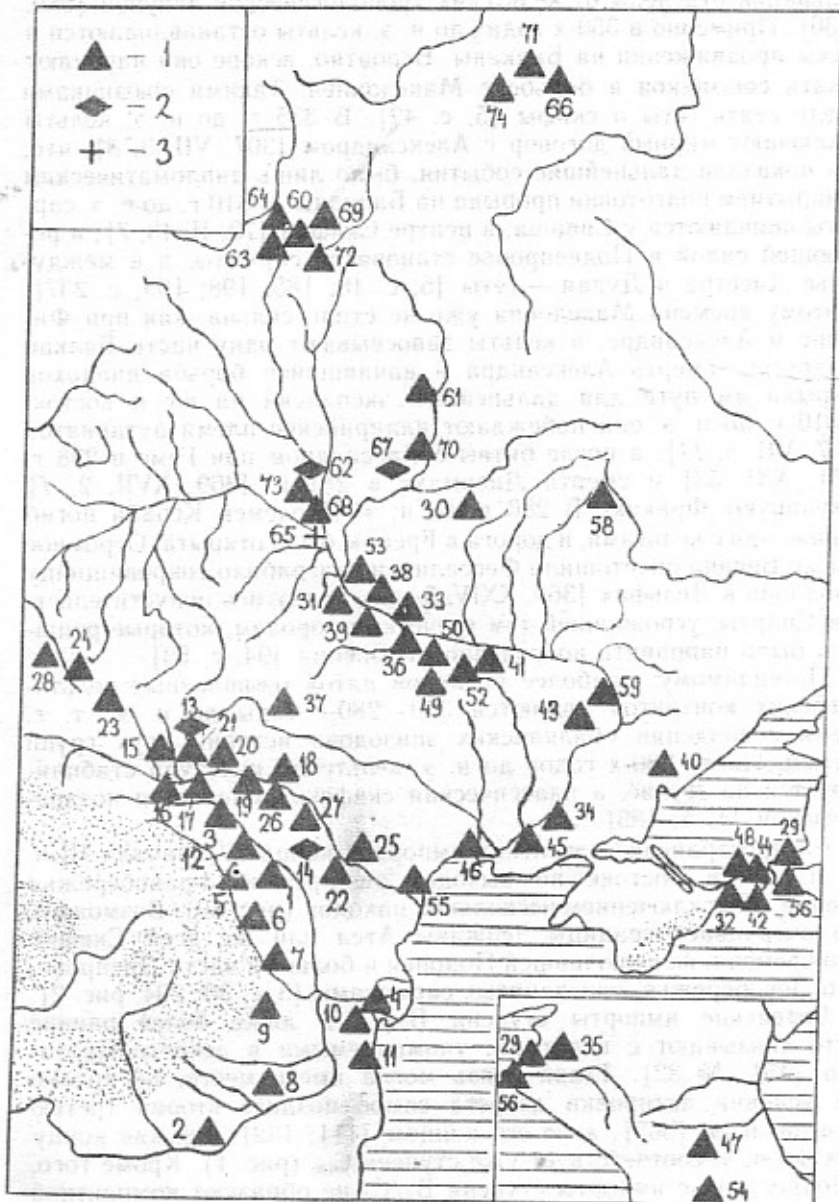

Рис. 10. Районы латенские импорты к востоку от Карпат (номера памятников соответствуют номерам в Прилож. 1).

1 — медь, 2 — золото, 3 — серебро

сильвании отделены от кельтских хронологической лакуной [580, с. 36]. Примерно в 350-х годах до н. э. кельты останавливаются в своем продвижении на Балканы. Вероятно, вскоре они начинают искать союзников в борьбе с Македонией. Такими союзниками могли стать геты и скифы [5, с. 42]. В 335 г. до н. э. кельты заключают мирный договор с Александром [307, VII, 3, 8], что, как показали дальнейшие события, было лишь дипломатическим прикрытием подготовки прорыва на Балканы. В 310 г. до н. э. сарматы появляются у Сиваша, в центре Скифии [79, II, 43, 7], и решающей силой в Поднепровье становятся сарматы, а в междуречье Днестра и Дуная — геты [5, с. 46; 185; 198; 199; с. 237]. К этому времени Македония уже не столь сильна, как при Филиппе и Александре, и кельты завоевывают одну часть Балкан за другой: смерть Александра и начавшаяся борьба диадохов открыли им пути для дальнейшей экспансии на юг и восток. В 310 г. до н. э. они побеждают иллирийское племя аутариатов [307, VII, 5, 11], а после битвы с Кассандром при Геме в 298 г. [251, XXI, 53] и смерти Лисимаха в 281 г. [369, XVII, 2, 1] оккупируют Фракию. В 280 г. до н. э. Птолемей Керавн погиб в сражении с кельтами, и дорога в Грецию была открыта. Огромное войско Бренна опустошило Фессалию и разграбило сокровищницу Аполлона в Дельфах [369, XXIV, 5—6], пользуясь попустительством Спарты, угрожавшей тем греческим городам, которые решились было направить войска против Бренна [94, с. 63].

По-видимому, наиболее реальной датой оживленных кельтоскифских контактов являются 340—280-е годы до н. э., т. е. время совпадения «балканских эпизодов» истории двух групп племен. После 280-х годов до н. э. кельтская культура стабилизируется на Дунае, а классическая скифская сменяется позднескифской [4; 5; 185].

Распространение латенских импортов конца IV—начала III в. до н. э. на востоке не выходит за пределы правобережья Днестра, за исключением нескольких находок (рис. 10). Возможно, оно очерчивает границы державы Атея или же всей Скифии того времени, не включавшей Подонья и большей части Днепровского Левобережья, уже занятых сарматами [5, с. 39; 294, рис. 2].

Латенские импорты ступени B_2/C_1 и даже более ранние часто связывают с галатами, упоминаемыми в декрете Протогена [451, № 32]. Такая связь могла иметь место, но только при условии датировки декрета самое позднее второй третью III в. до н. э. [363], а не его концом [111; 132], так как концу III в. до н. э. соответствует уже ступень C_{1b} (рис. 1). Кроме того, в Поднепровье импорты ступени B_2/C_1 не образуют компактной группы, не расположены вдоль какого-либо водного или сухо-

путного пути, которые достаточно хорошо известны [232; 343]. Они распространены по территории достаточно равномерно (рис. 10) и в большинстве своем представлены случайными находками и подъемным материалом. Все это не позволяет считать их следами постоянного пребывания здесь кельтского населения, способного угрожать Ольвии.

Большая часть импортов ступени B_2/C_1 найдена в античных городах и может быть интерпретирована как следы пребывания здесь кельтских наемников. Это прежде всего изображения овальных кельтских щитов, известные по рельефам храма Афины Никофоры в Пергаме и изображению корабля «Изис» в Нимфее [67], боспорским терракотовым статуэткам и монетам боспорского царя Левкона II, время правления которого охватывало примерно 240—220-е годы до н. э. (рис. 7, 30; Прилож. I, № 29, 32, 42, 48, 55, 56) [29, с. 198; 300; 314; 265]. Монеты, по мнению ряда исследователей, чеканились для расплаты с наемниками [102, с. 83; 339; 340, с. 65]. С ними же связывали происхождение боспорских овальных щитов П. Кузин и Н. И. Сокольский [301; 400]. Принадлежность кельтским наемникам аналогичных щитов, найденных в Египте, не вызывает сомнений [461], а корабль «Изис», прибывший на Боспор во время правления Перисада II во второй четверти III в. до н. э., на борту которого изображены воины со щитами, держал путь именно из Египта [67, с. 86, рис. 10]. Датировка терракот, изображающих воинов с овальными щитами, несколько шире, чем дата ступени B_2/C_1 . Самая ранняя статуэтка, изображающая кельтского воина с овальным щитом, которого топчет слон, происходит из Мирины в Малой Азии [523, рис. 10]. События, с которыми можно соотнести эту находку, происходили в 275 г. до н. э., когда Антиох I Сирийский нанес поражение галатам, в течение нескольких лет подвергавших погрому Азиатскую Грецию [13, 65]. В его войске были слоны, полученные из Бактрии для войны с Египтом [116, Зевс, 8, 11]. Поздняя дата статуэток, по-видимому, захватывает I в. до н. э. [314]. Достаточно узкую дату щитов дают лишь монеты Левкона II и изображения в Пергаме и Нимфее.

По-видимому, свидетельства о присутствии кельтских наемников в Северном и Западном Причерноморье не исчерпываются изображениями кельтских щитов: в Истрии, Пантикапее и Томах обнаружены фибулы с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой на конце ножки (рис. 6, 17-18, 23; 7, 26, 27), а в Сеутополисе, кроме фибул, — еще и графитированная кельтская керамика [282а, рис. 2, 76, 81, 24, с. 49, 52-53]. Латенские импорты ступени B_2/C_1 обнаруживают сходство в разных частях Причерно-

морья: шиты, известные в Пегаме и Египте, широко распространены на Боспоре, а боспорские фибулы аналогичны фибулам из западнопонтийских городов. Вероятно, этот набор вещей в какой-то мере отражает детали повседневного одевания и вооружения кельтского воина-наемника тех лет.

Падение Скифии под ударами сармат совпало по времени с окончанием активных кельто-скифских культурных контактов. Процесс «латенизации» скифской культуры был прерван, не достигнув сколько-нибудь значительного размаха, и дальше заимствования отдельных типов украшений дело не пошло. То же можно сказать и о Гетике, хотя там, на первый взгляд, никаких серьезных потрясений, способных помешать активному течению этого процесса, не происходило. Распространение отдельных типов латенских вещей в Гетике, Скифии и южной части лесной зоны оказывается локальным и малозначительным, хотя и интересным эпизодом истории культуры восточноевропейского населения. Никакой структурной перестройки местных культур здесь не происходит: процесс латенизации в его классическом понимании не имеет места. Вряд ли имели к нему отношение галаты декрета Протогена и кельтские наемники, присутствие которых мы вправе предполагать на Боспоре и в некоторых городах Западного Понта.

Итак, исследование хронологии кельтских памятников Закарпатской Украины и ранних латенских импортов к востоку от Карпат позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что ни появление кельтов в Закарпатье в качестве постоянного населения, ни проникновение их отдельных групп к востоку от Карпат, ни распространение в Гетике и Скифии ряда кельтских вещей, ни присутствие кельтских наемников в античных городах Северного и Западного Причерноморья не могли послужить причиной начала процесса латенизации местных культур IV—III вв. до н. э. Но ряд исследователей настаивает на том, что именно эти культуры были основным «генофондом» сложения латенизированных культур — зарубинецкой и памятников типа Поянешти-Лукашевка. Поэтому необходимо подробно проанализировать аргументацию сторонников этой точки зрения.

Культуры лесной и лесостепной зон Восточной Европы и местная подоснова латенизированных культур (хронологический анализ)

На территории Поднепровья и Поднестровья в предшествующее сложению латенизированных культур время существовали местные культуры: милоградско-подгорцевская на Волинии и Восточном Полесье, скифская на правом берегу Среднего Днепра, поморская (иногда называемая также подклошевая или вейхеровско-котошинская) на западном Полесье и Волинии. С этими культурами, как считает большинство исследователей, так или иначе связано происхождение зарубинецкой культуры, а с гетской культурой — генезис памятников типа Поянешти-Лукашевка. Различна лишь расстановка акцентов: от признания местной культуры единственным корнем культуры латенизированной до сведения роли местного населения к субстрату процесса латенизации.

Ссылки на авторитетные мнения и существующую в историографии традицию до последнего времени делали ненужным подробное типологическое и хронологическое сопоставление материалов латенизированных культур и местных культур предшествующего времени [285, с. 7]. Основаниями для постулирования того или иного варианта участия местного населения в сложении латенизированных культур долгое время служили общесоциальные концепции. В результате сложилась парадоксальная ситуация. Несмотря на то, что гипотезы о местном происхождении этих культур практически не были подкреплены конкретными вещеведческими разработками, именно сторонники пришлого их происхождения, которыми в поддержку своей точки зрения приведены многочисленные факты, типологические параллели и хронологические разработки, оказались в положении «оборо-

нящихся» и вынуждены вновь и вновь возвращаться к критике выведения латенизированных культур исключительно из местных. Видимо, настало время выяснить, на каких же конкретных материалах основаны «автохтонные» гипотезы о происхождении памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры и каково их соответствие современному состоянию хронологии раннего железного века.

1. ПОЗДНИЙ ЭТАП МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗАРУБИНЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

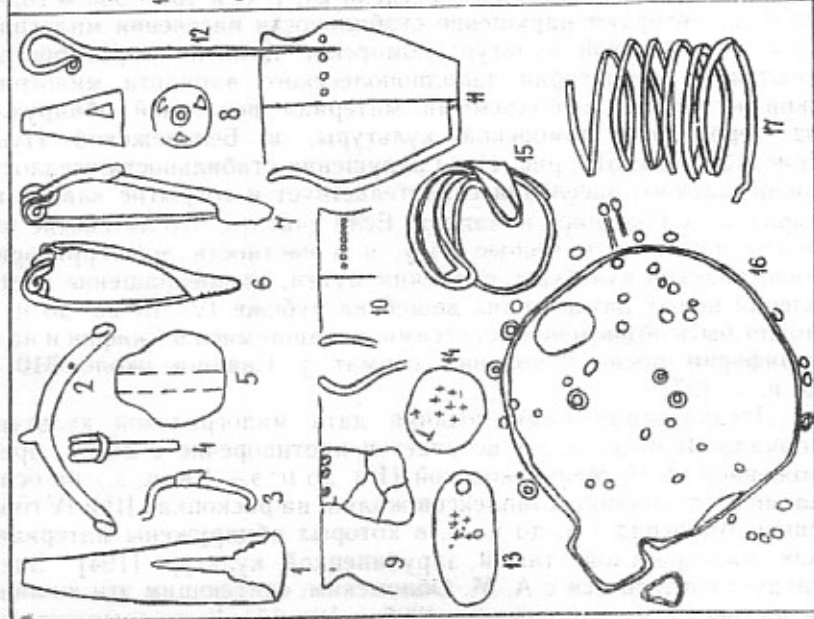
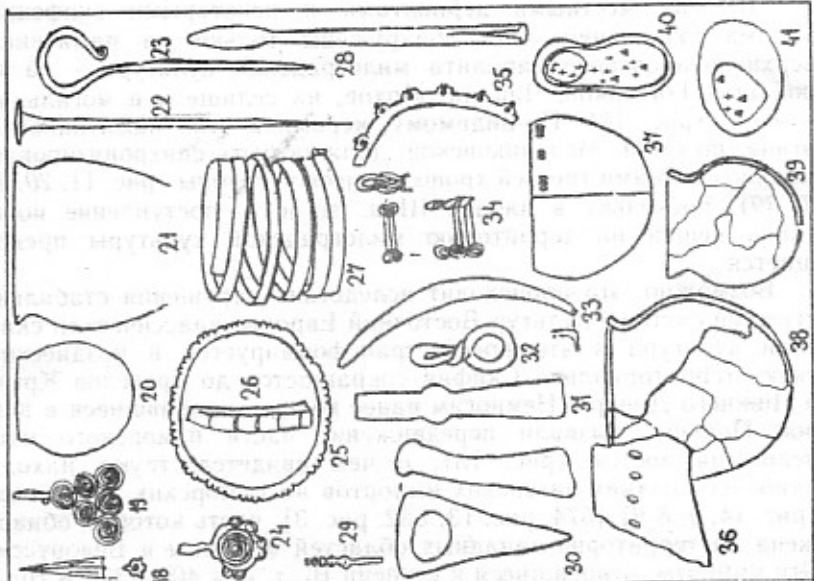
Начало изучению хронологии милоградской культуры положено О. Н. Мельниковской [195, с. 161-168]. Накопление новых датированных материалов, уточнение датировок вещей скифского [197; 245] и латенского происхождения позволило существенно уточнить как предложенную О. Н. Мельниковской хронологическую схему развития милоградской культуры, так и вопросы ее происхождения и исторических судеб ее носителей. Автором выделены три хронологические группы вещей милоградской культуры. Самая поздняя из них, третья, датирующаяся IV—началом III в. до н. э., имеет непосредственное отношение к проблеме соотношения милоградской и зарубинецкой культур [89].

Эта хронологическая группа вещей милоградской культуры представлена в основном латенскими типами, относящимися ко времени существования горизонта Духцов-Мюнзинген. Именно этим временем датируются наконецник дротика, фрагмент духцовской фибулы, клады латенских браслетов с рубчиками и их отдельные находки (рис. 8; 11, 25, 26, 28, 29). Поздняя дата этих изделий вряд ли выходит за пределы ступени V_{2a} , т. е. 320-280-е гг. до н. э. (рис. 1; 7, 1, 5, 12, 15, 19, 21), поскольку предположения о более поздней датировке браслетов с рубчиками, основанные на факте их местного производства, не удастся подтвердить конкретными комплексами или стратиграфическими наблюдениями. В IV—начале III в. до н. э. на территорию милоградской культуры продолжают попадать и некоторые скифские типы вещей, обнаруживаемые зачастую в комплексах с латенскими. Это неорнаментированные браслеты II варианта 4 типа, по В. Г. Петренко, многооборотные браслеты VII типа (рис. 11, 27). Продолжают существовать и многие типы, появившиеся раньше, — например, гвоздевидные и посоховидные булавки (рис. 11, 22, 23). Таким образом, вещи третьей хронологической группы представлены латенскими импортами ступеней

В₁—В₂ их местными дериватами и некоторыми скифскими типами украшений. Они обнаружены только на памятниках верхнеднепровского варианта милоградской культуры — на городищах Горошков, Чаплин, Мохов, на селище и в могильнике Чаплин (рис. 11). По-видимому, керамика этих памятников III этапа, по О. Н. Мельниковской, должна быть синхронизирована именно с вещами третьей хронологической группы (рис. 11, 20, 21, 36-39), поскольку в начале III в. до н. э. поступление новых типов вещей на территорию милоградской культуры прекращается.

Возможно, это происходит вследствие нарушения стабильности всей системы культур Восточной Европы: классическая скифская культура в это время трансформируется в позднескифскую, территориально Скифия сокращается до пределов Крыма и Нижнего Днестра. Немногим ранее кельты, появившиеся в Южной Польше, вызвали передвижение части поморского населения на восток (рис. 13), о чем свидетельствуют находки наиболее поздних латенских импортов на поморских памятниках (рис. 14, 5, 8-9) [574, рис. 13; 582, рис. 3], часть которых обнаружена на территории западных областей Украины и Белоруссии. Эти импорты, относящиеся к ступени В₁, т. е. к 400—330-м годам до н. э., датируют нарушение стабильности населения милоградской и поморской культур: поморские памятники распространяются на территории западнополесского варианта милоградской культуры, а подъемный материал последней обнаружен на территории поморской культуры, в Беловежской Пуще (рис. 13) [434; 512, рис. 1]. О нарушении стабильности оседлости милоградского населения свидетельствует и сокрытие кладов на городищах Горошков и Чаплин. Если считать, что латенские импорты попадали в лесную зону, и в частности на территорию милоградской культуры, скифским путем, то прекращение поступления новых датирующих вещей на рубеже IV—III вв. до н. э. может быть объяснено процессами, начавшимися в Скифии и на ее периферии после появления сармат у Сиваша около 310 г. до н. э. [97].

Предлагаемая нами поздняя дата милоградской культуры (начало III в. до н. э.) вступает в противоречие с датой, предложенной О. Н. Мельниковской (I в. до н. э.—I в. н. э.) на основании исследования комплексов жилищ на раскопках III и IV городища Милоград I в. до н. э., в которых обнаружены материалы как милоградской, так и зарубинецкой культуры [194]. Здесь следует согласиться с А. М. Обломским, считающим эти жилища недостоверными комплексами [225, с. 16—17]. К его аргументации можно добавить следующее.

Обнаруженные в жилище на раскопе IV позднелатенские фибулы с пластинчатыми приемниками (рис. 11, 6-7) датируются временем не ранее второй половины I в. до н. э. [125, рис. 5], а литые бронзовые бляхи со спиралевидными украшениями из того же жилища (рис. 11, 19) вряд ли переживают V в. до н. э. [89, с. 85]. Таким образом, разрыв датировок зарубинецких и милоградских материалов в этом жилище, погибшем от пожара, достигает по меньшей мере четырех столетий. Кстати, все обнаруженные в нем реконструируемые целые формы керамики — зарубинецкие, хотя численное соотношение зарубинецких и милоградских венчиков, примерно одинаковое [194, рис. 5, с. 38]. Что же касается жилища на раскопе III, то там наблюдается обратная картина: милоградские формы легко реконструируются, а вот зарубинецкие представлены мелкими фрагментами. Видимо, и в том, и в другом случаях попадание в заполнение жилищ мелких фрагментов, из которых не реконструируются целые формы, случайно. В жилище на раскопе IV это могло произойти в результате осыпания стенок во время или после пожара, на раскопе III — вследствие использования углубления, образовавшегося после запыла милоградского жилища, для свалки мусора уже в зарубинецкое время.

Единственным комплексом милоградской культуры, который может оказаться позднее начала III в. до н. э., является клад орудий труда, обнаруженный на городище Горошков (рис. 11, 30-34) и опубликованный О. Н. Мельниковской [195, рис. 20—21]. Цель из этого клада может быть отнесена к III в. до н. э., но в нем есть также железный топор, мотыжка с боковыми выступами и серпы с крючками, т. е. изделия, характерные для более раннего времени [89, с. 81]. О. Н. Мельниковской опубликована также фрагментированная бритва из Асаревичей, близкая латенским изделиям, но и ее датировка вряд ли выходит за пределы начала III в. до н. э. [195, рис. 23, 3, с. 62].

Таким образом, в милоградской культуре нет комплексов, которые можно было бы с уверенностью отнести к более позднему времени, чем начало III в. до н. э. В то же время самые ранние зарубинецкие погребения могильника Чаплин датируются ступенью латена C₂, причем скорее ее концом, т. е. около

Рис. 11. Поздние комплексы милоградской культуры и ранние комплексы зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья.

1, 2, 8, 12, 18, 24, 35 — городище Чаплин, 3, 22, 23, 28, 29 — городище Горошков, 4 — городище Горошков, жилище, 5-9, 15-16, 19 — городище Милоград, жилище на раскопе IV, 10-11, 37 — селение Чаплин, 13 — могильник Чаплин, в 188, 14 — могильник Чаплин, в 181, 17 — Отвержицы, в 80, 20-21 — городище Милоград, 25 — городище Горошков, клад 1957 г., 26 — могильник Горошков, 27 — городище Горошков, клад 1951 г., 30-34 — городище Горошков, клад орудий труда, 36 — селение Чаплин, жилище на раскопе III, 40 — Горошков, в квадрате 166, 41 — Горошков, в квадрате 169.

середины II в. до н. э. [91]. Ранняя дата верхнеднепровских городищ и селищ зарубинецкой культуры вряд ли старше ранних комплексов Чаплина [225, с. 14-15]. Об этом свидетельствуют находки датирующих вещей — позднелатенского дротика на городище Чаплин (рис. 11, 1), фибул с пластинчатым приемником того же времени на городище Милоград (рис. 11, 6, 7). Латенская шпора, обнаруженная на городище Чаплин (рис. 11, 2) и фрагменты среднелатенских фибул из жилища на городище Горошков также не старше ранних погребений Чаплика. Таким образом, хронологическая лакуна между милоградской и зарубинецкой культурами в Поднепровье достигает по меньшей мере столетия, и для того чтобы говорить о доживании милоградской культуры до зарубинецкого времени, нет достаточных оснований. Основой аргументации участия милоградского населения в сложении зарубинецкой культуры остается лишь типологическое сопоставление материалов двух культур. Если такое сходство зарубинецкой керамики с милоградской, как «круглодонность изнутри» [256, с. 12], совершенно не вызывает доверия, то ряд других типологических параллелей, — например, сходство наземных жилищ, погребального обряда, отдельных типов вещей и орнаментации керамики, — заслуживают пристального внимания и требуют специального рассмотрения.

В Верхнем Поднепровье зарубинцы чаще всего использовали укрепления милоградских мысовых городищ: об этом, в частности, свидетельствует вторая подсыпка вала в Чаплине [255, с. 10]. Но городищ, постройку которых достоверно можно было бы отнести к зарубинецкому времени, на Полесье и в Верхнем Поднепровье нет, а в Среднем Поднепровье они появляются только в I в. до н. э. [175, с. 42; 255, с. 10]. Кроме того, зарубинецкое население привлекали исключительно мысовые городища, в то время как для милоградской культуры характерно большое количество болотных городищ.

Для памятников верхнеднепровского варианта милоградской культуры характерны углубленные жилища, но есть и наземные столбовой конструкции, которые О. Н. Мельниковская относит к позднему этапу [195, с. 35]. Эти жилища (рис. 11, 16), действительно, типологически близки зарубинецким, и аргументации Л. Д. Поболя [255, с. 29-30] трудно возразить.

Характерным зарубинецким обрядом, во многом схожим с восточнокаельтским [127] является трупосожжение на стороне, остатки которого в Верхнем Поднепровье ссыпали в круглую или удлиненную яму (рис. 11, 13, 14). Туда же ставили сосуды-приставки и клали другой инвентарь, иногда носящий следы пребывания в огне. Изредка в погребениях находят кусочки угля,

золу, охру. Милоградские погребения, известные по материалам могильников Горошков, Мохов, Чаплин, Асаревичи, совершены по тому же обряду, что и зарубинецкие, — остатки трупосожжения на стороне помещены в круглую или удлиненную яму. Но в отличие от зарубинецких погребений здесь нет ни одной урны, нет и сосудов-приставок, оружия, да и вообще металлический инвентарь практически отсутствует. Отличительной чертой большинства милоградских погребений является столбовая ямка на дне, что совершенно нехарактерно для зарубинецкой культуры. В то же время в милоградских погребениях, как и в зарубинецких, обнаружены кусочки угля и охры, зубы животных [195, с. 43-50]. Интересна находка в одном из милоградских погребений могильника Горошков черепной крышки: случаи таких находок известны в зарубинецком — могильнике Чаплин [195, с. 47; 257, с. 81, 85, 136].

Из перечисленных выше черт близости и различия милоградского и зарубинецкого погребального обряда можно сделать вывод, что близость обусловлена применением одного и того же обряда погребения, а различия — особенностями его применения. Но на вопрос о том, не является ли появление обряда трупосожжения на стороне в милоградской культуре результатом влияния культуры зарубинецкой (а такая гипотеза уже высказывалась, см. [544]), в настоящее время можно ответить только отрицательно, поскольку материалы двух культур не стыкуются хронологически.

Что же касается милоградских «погребений» на зарубинецких могильниках (Отвержичи, погр. 33, 93, Корчеватое, погр. 6, 9, 101, Чаплин, погр. 3, 5, и др.) [115, с. 164; 118, с. 64; 257, с. 60, 61; 281, с. 75, 76, 82], то они вряд ли могут считаться таковыми, хотя бы потому, что все они — кенотафы. Правильнее было бы называть их случайными находками, или подъемным материалом, поскольку следы могильных ям вокруг них обычно не прослежены. Керамика, обнаруженная в этих «погребениях», как правило, орнаментированная и зачастую плоскодонная, что характерно для ранней стадии культуры [195, с. 41]. Сам факт находок милоградской керамики на территории зарубинецких могильников, где нет милоградского слоя, вряд ли свидетельствует о доживании милоградской культуры до зарубинецкого времени: милоградского слоя нет и на черняховском поселении Лепесовка, а вот целый милоградский горшок там есть [89, Прилож. 1, № 396]. Если следовать логике одновременности таких находок, придется признать доживание милоградской культуры и до черняховского времени, что уже и вовсе нереально.

Вроде бы похожи на милоградские, происходящие, в свою очередь, от скифских прототипов, многооборотные зарубиенские браслеты (рис. 11, 17, 27), но такие известны и на кельтских памятниках [579, табл. XIV, 3; 584, рис. 33, 7542]. Орнаментация зарубиенской керамики вдавленными и отверстиями по шейке (рис. 11, 10, 11) также не может быть связана по происхождению исключительно с милоградской культурой, так как она известна и в культурах итрихованной керамики и западнобалтийских курганов.

Таким образом, использование мысовых городищ, наземных жилищ столбовой конструкции и бескурганного обряда трупосожжения типологически сближают милоградскую и зарубиенскую культуры. Но эти параллели слишком общи и неконкретны для того, чтобы утверждать о доживании милоградской культуры до II—I вв. до н. э., и тем более для доказательства происхождения зарубиенской культуры из милоградской путем латенизации последней.

2. СРЕДНЕДНЕПРОВСКИЙ ВАРИАНТ ЗАРУБИЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Широко распространенная в начале XX в. версия скифского происхождения славян нашла свое выражение в идее преемственности скифской культуры и культур эпохи «полей погребений». Предложенная В. В. Хвойко и поддержанная в 40—50-е годы рядом советских ученых [174, с. 10—11], эта идея имела своей первоначальной основой отнесение М. И. Ростовцевым поздних скифских царских курганов сарматам и датировку их III—II вв. до н. э. [278, с. 494—497]. Сарматская их принадлежность вскоре была отвергнута, но широкая датировка скифской культуры, включавшая III и отчасти даже II в. до н. э., сохранилась и в послевоенный период [162, с. 159; 244, с. 13]. В настоящее время наиболее последовательным сторонником скифского происхождения зарубиенской культуры является Б. А. Рыбаков [279, с. 198—206]. Поддерживает скифскую версию и Е. В. Максимов, более склоняющийся к тому, что скифское население сыграло роль субстрата для сложения новой культуры. Роль этого субстрата в разных работах оценивается им по-разному: от равенства местного компонента с привнесением до полного превосходства первого [174, с. 134; 175, с. 175; 176; 177]. Но для выяснения роли скифского населения в сложении зарубиенской культуры необходимо доказать, что эти две культуры стыкуются хронологически:

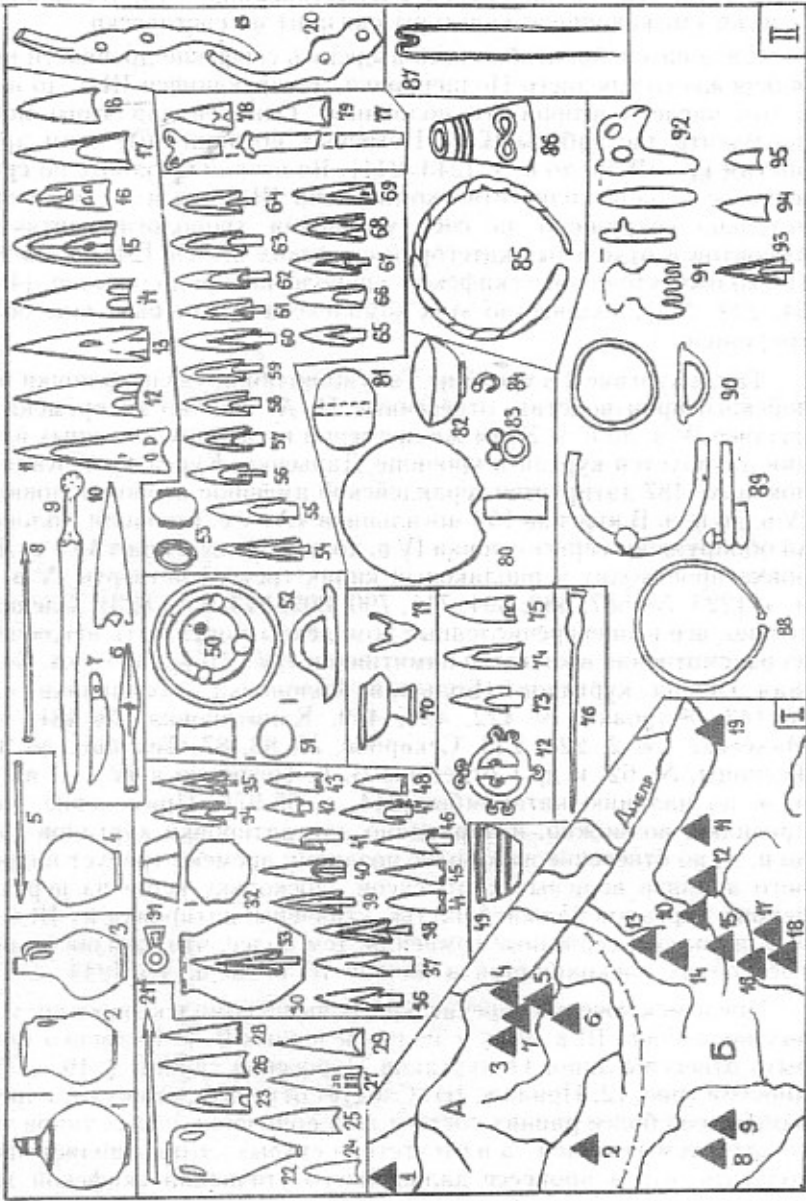
лишь после этого можно перейти к обоснованию того, что хронологически смыкающиеся культуры связаны и тесно связаны.

Следовательно, необходимо выделить скифские древности правобережного Среднего Поднепровья, датирующиеся III в. до н. э., в том числе и второй его половиной. Основой для этого могут послужить две работы В. Г. Петренко, посвященные этим древностям IV—III вв. до н. э. [243; 244]. Во второй ее работе по сравнению с первой количество комплексов III в. до н. э. было значительно сокращено за счет уточнения хронологии античных импортов и отдельных категорий скифских вещей [244, с. 96-97]. Поскольку уточнение скифской хронологии продолжается [4; 5; 54; 229; 245], количество этих комплексов может быть еще более сокращено.

Так, в кургане 2 в урочище Галуцино обнаружены бляшки боспорского производства, отнесенные Н. А. Онайко ко времени не позднее IV в. до н. э. Этим же временем по набору античных изделий датируется курган в урочище Дарьевка. Курган у с. Капитановка № 487 датируется гераклеийской амфорой второй половиной IV в. до н. э. В кургане 158 могильника «А» у с. Большая Яблоновка обнаружены серьги-уточки IV в. до н. э. Из кургана «А» у с. Журовка происходит чернолаковый килик третьей четверти IV в. до н. э. [229, № 587, 688, 694, 711, 790, 802, 813, 816, 823]. Следовательно, все вышеперечисленные комплексы могут быть исключены из рассмотрения в качестве памятников «IV—III вв. до н. э.». Большая группа курганов (Большая Яблоновка, могильник «А», № 143, Журовка, № 422, 426, 449, Капитановка, № 481, 484, Макеевка, № 2, 228, 233, Секирное, № 83, 87, Теклино, № 367, Тулинцы, № 62, и др.) отнесены В. Г. Петренко к IV—III вв. до н. э. по наличию катакомбы [244, с. 95-97]. Применение этого признака, возможно, и оправдано для датировки курганов IV в. до н. э., но отнесение их к более позднему времени требует подробного анализа вещевых комплексов. Поскольку вещи из перечисленных курганов большей частью утрачены, датировка их III в. до н. э. вызывает серьезные сомнения, тем более, что «жизнь на всех поселениях прекращается в начале III в. до н. э.» [244, с. 13].

После исключения перечисленных выше комплексов ко времени позднее начала III в. до н. э. из приведенных В. Г. Петренко могут быть отнесены лишь 11 курганов Поросской группы и 19 — Тясминской (рис. 12; Прилож. II). Следует отметить, что их отличие от комплексов более ранних состоит не в появлении новых типов точно датируемых вещей, а в отсутствии старых. Это позволяет предполагать, что в процессе дальнейшего уточнения скифской хронологии выделенные «комплексы позднее начала III в. до н. э.»

окажутся синхронны комплексам IV — начала III в. до н. э.¹, и их поздняя дата сомкнется с поздней датой поселений, временем прекращения сооружения царских курганов в степи и переноса центров скифской культуры на позднескифские городища Крыма и Нижнего Поднепровья [4, с. 74; 244, с. 13; 352]. Но пока такого уточнения не произошло и бытует мнение о том, что в зарубинецкой культуре «отчетливо проступают черты южной, скифской культуры», обратимся к рассмотрению перечня сходств двух культур, приведенного Е. В. Максимовым в поддержку «скифской версии» генезиса зарубинецкой культуры [175, с. 11].

Браслеты с тройными выступами-шишечками не являются скифскими: латенские по происхождению, они широко распространены в древностях скифского времени конца IV — начала III в. до н. э., затем у поздних скифов, сармат и в античных городах Причерноморья [212а]. Керамика с ямочными вдавлениями отсутствует в комплексах «позднее начала III в. до н. э.», как и гвоздевидные булавки, подковообразные пряжки, и «некоторые типы гладких браслетов» (рис. 12). Круглые колечки с выступами — принадлежность конской узда (рис. 12, 89), могут быть отнесены за счет сарматского или позднескифского, а не исключительно скифского влияния [294, рис. 30, 8; 310, табл. XLIII]. Таким образом, из всех «отчетливо выступающих», по Е. В. Максиму, скифских черт в зарубинецкой культуре на поверку нет ни одной, которую можно было бы с достаточной степенью уверенности связать исключительно с культурой скифского времени правобережного Среднего Поднепровья. Список подобных приведенным Е. В. Максимовым признаков, характерных как для классической скифской, так и для позднескифской и сарматской культур, может быть значительно расширен (например, в него можно включить псалии и наконечники копий и дротиков, — см. рис. 12, 5, 19, 20), но эти признаки вряд ли могут считаться надежным свидетельством в пользу преемствен-

¹ Согласно новейшим данным, все комплексы курганов скифского времени Поросья и Потясминья датируются временем не позднее начала III в. до н. э. [134а, с. 417].

Рис. 12. Поздние комплексы скифской культуры правобережного Среднего Поднепровья (по В. Г. Петренко).

I — карта памятников (номера соответствуют номерам в Прилож. II), II — комплексы, 1 — Яблоновка, к. 3, 2-3 — Марьяновка, к. 4-5 — Бобринца, к. 64, 6-18 — Манасевка, к. 489, 19-20 — Степок, к. 21-29 — Капитановка, к. 488, 30-48 — Журовка, к. 409, 49 — Берестяги, к. 50-52 — Бобринца, к. 31, 53-69 — Берколовка, к. 377, 70-71 — Бобринца, к. 38, 72-75 — Бобринца, к. 96, 76 — Прусы, к. 10, 77-79 — Козаровка, к. 24, 80-84 — Большая Яблоновка, к. 224, 85-86 — Андрусовка, к. 87 — Пилявненова Гора, 88-94 — Журовка, к. 4144

ности скифской и зарубинецкой культуры. Они скорее отражают связь зарубинецкой культуры с позднескифской и сарматской.

Для подтверждения преемственности скифской и зарубинецкой культур Е. В. Максимов привлекает и находку в хозяйственной яме у зарубинецкого жилища № 4 на Пилипенковой Горе скифской булавки (рис. 12, 87), датированной им IV—III вв. до н. э. [175, с. 51]. Подобные булавки отнесены В. Г. Петренко к 23 типу и датированы V в. до н. э. [245, с. 19], что соответствует скифскому времени. На каком основании Е. В. Максимов передатирует булавку, остается непонятным.

Таким образом, нет никаких оснований для того, чтобы утверждать, что типологическое сходство двух культур, «близость форм массовой кухонной керамики дают возможность предполагать, что между зарубинецким населением и племенами правобережной группы лесостепной культуры скифского времени существовала генетическая связь» [244, с. 13]. Поскольку самые поздние поселения скифского времени прекратили свое существование в начале III в. до н. э. [244, с. 13], как, впрочем, и вся классическая скифская культура [5, с. 47], а самые ранние зарубинецкие памятники появились в конце III в. до н. э., их типологическая близость не может служить аргументом для обоснования генетической преемственности. Кроме того, говоря о типологической близости поселений или форм кухонной керамики, нельзя забывать о несопоставимости зарубинецкого и скифского погребальных обрядов, домостроительства и многого другого. Да и в целом эти две культуры абсолютно различны по структуре: скифская — лесостепная и в основе своей кочевническая, а зарубинецкая — лесная и оседлая.

Итак, «сколотская» версия сложения зарубинецкой культуры и, следовательно, происхождения славян не подтверждается конкретными археологическими материалами. В заключение хотелось бы отметить, что рассуждения о «концепциях исследователей, которые по роду своих занятий не имели возможности изучать конкретный археологический материал зарубинецкой культуры» и поэтому основывали свои выводы на узкой фактологической базе, дополненной «интуитивными соображениями» [175, с. 4], не только не корректны, но и не верны, поскольку в равной степени относятся и к исследователям, непосредственно изучающим конкретный материал. Это ярко иллюстрирует рассмотренная нами проблема преемственности зарубинецкой культуры и культуры скифского времени Среднего Поднепровья, решаемая Е. В. Максимовым в рамках «сколотской» гипотезы о происхождении славян, фактологическая база которой, с точки зрения современного состояния хронологии раннего железного века, не то чтобы «узкая», а просто отсутствует.

3. ГЕТСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛДОВЫ IV—III вв. до н. э. И ПАМЯТНИКИ ТИПА ПОЯНЕШТИ-ЛУКАШЕВКА

В конце IV — начале III в. до н. э., после вовлечения фракийских и дакийских племен в орбиту влияния Македонии, а затем — кельтов, на главенствующую роль в мире гето-фракийских племен начинают претендовать геты. Именно их племенное объединение под предводительством Дромихета в 292/291 г. до н. э. сумело разбить войско Лисимаха [307, VII, 3, 8, 14] в Гетской пустыне, отождествляемой с Буджакской степью [217, с. 126—130]. Исследованиями гетской культуры IV—III вв. до н. э. посвящены две монографии И. Т. Никулице [217; 218]. Вслед за Г. Б. Федоровым и М. А. Романовской он полагает, что гетская культура IV—III вв. до н. э. трансформируется в памятники типа Поянешти—Лукашевка [239; 274; 275; 328]. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту точку зрения, необходимо выделить гетские памятники второй половины III в. до н. э., т. е. времени, непосредственно предшествующего сложению памятников типа Поянешти-Лукашевка, и сравнить поздние гетские и ранние поянешти-лукашевские материалы. Основой для выделения поздних гетских памятников могла бы послужить система хронологических реперов гетской культуры, предложенная И. Т. Никулице [217, рис. 1], но она нуждается в весьма существенных уточнениях.

Так, датировка духцовских фибул III в. до н. э. [217, с. 21, 23] не соответствует современному состоянию хронологии латена: горизонт Духцов-Мюнзинген прекращает свое существование в первых десятилетиях III в. до н. э. [475, с. 82-84]. Датировка браслетов с рубчиками и печатевидными окончаниями, по В. Кремеру [462; 217, с. 23], неверна: браслет, которому посвящена статья В. Кремера, не имеет рубчиков и относится к типу браслетов из полых полусферий. Правильнее для датировки браслетов с рубчиками обратиться к публикациям памятников горизонта Духцов-Мюнзинген.

Таким образом, памятники, датированные перечисленными выше реперами: городища Рудь, Малая Сахарна, Парканы, селища Трунешти и Лэргуца [217, с. 21, 23], могут быть исключены из числа наиболее поздних. Не выходит за рамки V — начала IV в. до н. э. поздняя дата могильников Бырсешти, Слободзея, Тэмдоани, Пыржолтены и селища Фрумушица [198, с. 66, 70, 71] и их включение в ряд памятников IV—III вв. до н. э. [217, с. 166-167] вряд ли оправдано.

Основаниями для датировки гетских памятников III в. до н. э., включая вторую его половину, не могут служить и клейменные факосские амфоры, относящиеся к 350-270-м годам до н. э. [217,

с. 25]. Гераклеийские амфоры, «по форме и клеймам датирующиеся IV—III вв. до н. э.» [217, с. 25], неизвестны исследователям гераклеийского клеймения: «Весь период гераклеийских клейм, а точнее, изготовления амфор с энглифичными клеймами, охватывает период от рубежа V—IV вв. до н. э. до конца IV в. до н. э.» [335, с. 30]. Датировка хиосских амфор не выходит за пределы IV в. до н. э., и лишь греческая керамика, обнаруженная на памятниках днестро-серетского междуречья, частично может быть отнесена к III в. до н. э. [217, с. 24]. Не выходит за пределы начала III в. до н. э. и датировка греческой керамической тары из скифских курганов Молдавии [288].

Монеты Истрии, Тиры и подражания македонским статерам, отнесенные И. Т. Никулице ко второй половине V — первой половине II в. до н. э., также не могут служить надежным хронологическим репером для интересующего нас периода. Тира, в частности, во второй половине III в. до н. э. чеканит лишь «мелкие номиналы разменной меди, не выходявшие за пределы городского рынка» [113, с. 75-76], а из четырех групп золотых статеров лисимаховского типа, чеканенных в Тире, лишь одна может быть с достаточной степенью уверенности отнесена ко второй половине III — первым десятилетиям II в. до н. э., но находки статеров этой группы на гетских памятниках неизвестны [37]. Что же касается датировки четвертой хронологической группы стрел, по А. И. Мелюковой, III в. до н. э., включая его вторую половину [217, с. 24], отсутствие скифских памятников этого времени вызывает серьезные сомнения в соответствии этой датировки современному состоянию скифской хронологии.

Таким образом, наши представления о гетской культуре второй половины III в. до н. э. Молдовы оказываются аморфны и расплывчаты. Выделить комплекс вещей и определить круг памятников этого времени не удастся. Это довольно странно, особенно если учесть, что на территории Олтениц и Мунтении количество дакийских памятников второй половины III — начала II в. до н. э. достаточно велико, о чем свидетельствуют как античные, так и латенские точно датирующиеся импорты [375; 379, рис. 4; 585, рис. 23]. В междуречье Днестра и Серета латенские вещи ступеней B₂/C₁ и C₁ тоже известны (рис. 6, 16-27), но ни одна из них не найдена в достоверном гетском комплексе. Следовательно, во второй половине III в. до н. э. здесь происходит если не полное исчезновение гетской культуры, то по крайней мере полный ее упадок, причиной которого могло послужить появление в непосредственной близости галатов, скиров и бастарнов, начинающих играть главенствующую роль в регионе [324, 27; 451, № 32].

Некоторое типологическое сходство гетской культуры IV—III вв до н. э. и памятников типа Поянешти-Лукашевка, на основании которого ряд исследователей делает вывод о генетической преемственности двух культур [239, с. 70, 72-74; 276; 328, с. 15-16], весьма относительно. Так, для поянешти-лукашевских памятников нехарактерны ни большая площадь поселений, ни мощные укрепления-городища, свойственные гетской культуре. Ссылки на сходство погребального обряда двух культур [239, с. 69-77] не убеждают, так как для памятников типа Поянешти-Лукашевка известен лишь один обряд — трупосожжение на стороне, остатки которого помещали в урну или, реже, в ямку, в то время как гетский погребальный обряд — полиритуальный: известно около десяти существенно различающихся способов погребения, вплоть до каменных гробниц [217, с. 69-88]. Замена гетской полиритуальности единым латенизированным обрядом идет вразрез с точкой зрения М. А. Романовской и С. П. Пачковой, считающих, что «погребальный обряд на территории Дакии изменился по сравнению с предшествующим временем, а у поянешти-лукашевских (т. е. гетских. — В. Е.) племен он сохранился» [239, с. 70].

Отождествление гетов Днестро-Серетского междуречья с агафирсами и носителей памятников типа Поянешти-Лукашевка — с тирагетами и доказательство таким образом преемственности двух культур [328, с. 14-15] также не выдерживают критики. Во-первых, тирагеты и агафирсы упоминаются в одновременных источниках [135; 328, с. 14], что, несомненно, свидетельствует о том, что древние авторы их различали. Во-вторых, в событиях II—I в. до н. э., т. е. во время существования памятников типа Поянешти-Лукашевка, ни те, ни другие не играли в Нижнем Поднестровье сколько-нибудь значительной роли: ведущей силой этого времени, по данным письменных источников, становятся бастарны [188, с. 54].

Значительное количество «гетской» керамики на селищах типа Поянешти-Лукашевка [40; 217, с. 196-208; 375], хотя часть ее и находит аналоги в керамике ясторфской культуры [376, с. 207], возможно, свидетельствует о включении гетского компонента в новую культуру. Но в то же время отсутствие чисто гетских погребений и поселений на территории, занятой памятниками типа Поянешти-Лукашевка [379], свидетельствует о подчиненности этого компонента.

Никаких свидетельств в пользу того, что в гетской культуре III в. до н. э. происходил процесс латенизации, приведший к сложению памятников типа Поянешти-Лукашевка, нет. Сторонники гетского происхождения поянешти-лукашевских древностей никак не объясняют этот факт и вообще предпочитают обходить

его молчанием. Ссылки на абстрактные «заимствования» и «контакты» вне определенной территории, времени и исторических условий, не подкрепленные конкретными археологическими источниками, являющиеся общим местом в рассуждениях многих сторонников местного происхождения латенизированных культур, ничего не показывают. Латенизированные черты были привнесены в Днестро-Серетское междуречье «извне» [276, с. 70, 72-74]. Но кому они были привнесены, когда и, главное, почему? На эти вопросы нет ответов в рамках автохтонных гипотез о происхождении латенизированных культур.

4. ПОМОРСКАЯ КУЛЬТУРА, КЕЛЬТЫ В ЮЖНОЙ ПОЛЬШЕ И ПОМОРСКАЯ ВЕРСИЯ СЛОЖЕНИЯ ЛАТЕНИЗИРОВАННЫХ КУЛЬТУР

В 40-е годы польским славистом Й. Костшевским был предложен археологический эквивалент выдвинутой лингвистом Т. Лер-Сплавинским висло-одерской гипотезы происхождения славян [467—471; 481; 482], заключающийся в постулировании преемственности развития археологических культур на территории Польши от эпохи бронзы до достоверных славянских древностей раннего средневековья. Латенизированные культуры, пшеворскую и оксывскую, Й. Костшевский объединил под названием «венедская», и, поскольку эти культуры развивались, по его мнению, из поморской, а та, в свою очередь, из лужицкой, этнический термин впоследствии был распространен и на эти культуры. Многие исследователи считают венедями и носителей зарубинецкой культуры [284, с. 29-33; 317 и др.] и не отрицают наличия в зарубинецкой культурной традиции ощутимых поморских реминисценций [122; 125; 150; 175, с. 155-159; 182; 184; 246; 284, с. 74-78, и др.]. Отмечаются поморские традиции и на памятниках типа Поянешти-Лукашевка [368, с. 24, примеч.].

Следовательно, по логике гипотезы Й. Костшевского, эти два культурных образования Восточной Европы также должны входить в состав «венедской культуры», охватывавшей в таком случае огромное пространство от Балтийского до Черного морей. Но, во-первых, венеды впервые упоминаются в письменных источниках в ряду событий второй четверти I в. н. э. [432, с. 322], т. е. в то время, когда латенизированные культуры прекращают свое существование и на их основе складываются культуры римского времени, в которых сочетание этнических компонентов было уже несколько иным. Во-вторых, пшеворскую культуру, исходя из контекста письменных источников конца I в. н. э., К. Годловский

достаточно убедительно связывает с лугиями [431, с. 140-146]. В-третьих, памятники типа Пояненти-Лукашевка оставлены бастарнами, а не венедами [183; 377; 567]. Археологические культуры, считавшиеся венедами (славянскими), оказываются принадлежащими племенам, никакого отношения ни к тем, ни к другим не имеющими. «Славянское единство от моря до моря» в последних веках до нашей эры скорее всего не существовало: об этом свидетельствует и полное отсутствие упоминаний о славяно-венедах в источниках, описывающих события II—I вв. до н. э. Предположить же, что античные историки и географы, а тем более стратеги «просмотрели» образование в Барбарикуме столь мощной группировки родственных племен, существенно отличавшихся от хорошо знакомых им кельтов и германцев, вряд ли возможно.

Гипотеза И. Костшевского оказалась непрочной и с точки зрения археологической аргументации. Подвергся пересмотру вывод, поддержанный советскими исследователями [122; 216, с. 18; 284, с. 60], о континуитете между поморской и латенизированными культурами. Исследования З. Восьняка выявили между поздними вещами поморской культуры и ранними вещами латенизированных культур лагуну длительностью около столетия². При этом поздняя дата поморской культуры была определена по духовским фибулам ступени В₁, а ранняя дата латенизированных по среднелатенским фибулам варианта А-Костшевский ступени С_{1b} [574, рис. 13, Прилож. 13; 582, рис. 3]. Впрочем, ряд исследователей, в том числе таких авторитетных, как З. Восьняк и Т. Домбровская, полагают, что исчезновение латенских импортов в поморской культуре в конце IV в. до н. э. еще не свидетельствует об исчезновении всей культуры и что она могла существовать на протяжении всего III и даже II вв. до н. э.

Хронологическое сопоставление материалов поморской и пшеворской культур наиболее подробно проделано Т. Домбровской. Ею отмечено, что только 5% пшеворских памятников позднего предримского времени расположено на тех же местах, что и поморские, а подавляющее их большинство заложено на пустовавших прежде местностях, расположенных ниже зон, занятых поморскими памятниками. Из 37 пунктов, где найдены материалы обеих культур, лишь на нескольких они вроде бы стыкуются хронологически. Вместе с тем ряд комплексов, ранее считавшихся закрытыми, таковыми не являются, как показало исследование Т. Домбровской первоисточников — музейных коллекций и архивных ма-

² Под поморской культурой мы, вслед за рядом исследователей, подразумеваем все так называемые «культуры поморского круга», включая культуру подклоновых погребений [489; 512, с. 13-19; 582, с. 125, и др.].

териалов [405, с. 85, 89, 90, 96-98, рис. 4, рис. 5, табл. 14]. На ряд сомнительных сочетаний ранней поморской керамики с поздней пшеворской в комплексах, считающихся закрытыми, обратил внимание и З. Возняк [582, с. 128-129]. Таким образом, по мере уточнения исходных данных, количество закрытых смешанных поморско-пшеворских комплексов не растет, а уменьшается. Это позволяет высказать предположение о возможном исключении из научного оборота после скрупулезного исследования оставшихся полутора десятков. В возможности такого развития событий убеждает и то, что после начала ступени латена В₂, т. е. с последней четверти IV в. до н. э., на поморских памятниках исчезают не только латенские, но и ясторфские импорты [574, с. 55].

Касаясь типологических сходств поморской и пшеворской культур, Т. Домбровская отметила отсутствие переходных керамических форм, слабое и неполное сходство даже таких, казалось бы, близких из них, как «яйцевидные» кружки и горшки с двумя ручками. Только сосуды с круговым уступом очень близки, но круг их аналогов выходит далеко за пределы поморской культуры. Данные же о применении пшеворскими гончарами поморских способов лепки не подтверждаются [405, с. 95-96, 104, 228]. Весьма серьезны и различия в погребальном обряде: в подклошевых погребениях пшеворской культуры клош не таких больших размеров, он не накрывает всей урны целиком, в качестве клошей используются в основном миски и сосуды с ручкой, что не характерно для поморской культуры, но находит аналоги в культурах ясторфского круга [405, с. 41-42]. Происхождение пшеворского погребального обряда, для которого характерно положение в погребениях оружия и большого количества керамики, как показали исследования А. Невенгловского, связано с территорией Нижней Силезии и примыкающей к ней частью Великопольши, испытывавшими довольно ошутимое ясторфское и кельтское влияние [508].

Многолетние исследования хронологии пшеворской культуры, подытоженные Р. Хахманом, К. Годловским и Т. Домбровской, не выявили переходной поморско-пшеворской стадии [405; 406; 430; 431; 440]. Поморские реминисценции в пшеворской культуре на стадии А₁, в период сложения культуры, почти незаметны, и четко проявляются лишь на стадии А₂, когда культура уже сложилась [405, с. 100; 431, с. 16]. На наш взгляд, это свидетельствует не о доживании поморской культуры до II в. до н. э., как полагает Т. Домбровская [405, с. 99], а об опосредованном характере поморских реминисценций: хруповатая керамика и горшки с круговым уступом широко известны и на восточно-ясторфских памятниках, долгое время граничивших с поморской культурой и вхо-

дивших вместе с ней в одну зону археологической непрерывности. Именно на стадии A_2 регулярные связи, причем идущие в обоих направлениях, пронизывают ясторфскую и пшеворскую культуры [405, с. 152-166].

Ясторфские элементы присутствуют и в самых ранних пшеворских комплексах ступени A_1 , практически одновременно появляются пшеворские черты на ясторфских памятниках средней Эльбы. Определить, свидетельствуют ли последние о сложении пшеворской культуры в недрах ясторфской или о пшеворском влиянии на ясторфскую культуру, оказывается чрезвычайно трудно [405, с. 156-167]. Но сам факт столь тесного переплетения двух культурных традиций не оставляет сомнений в том, что основным культурным компонентом в сложении пшеворской культуры оказывается не поморский, а ясторфский [405, с. 228-230; 406].

Таким образом, убедительно доказать возможность доживания остаточного поморского населения до времени сложения пшеворской культуры не удастся. Не обнаружено и никаких конкретных комплексов, свидетельствующих об участии поморской культуры в сложении оксывской. Исследования Р. Волонгевича показали отсутствие генетических связей между этими культурами: оксывские памятники расположены в других местностях по сравнению с поморскими и отделены от них хронологической лакуной. Оксывская культура, по мнению Р. Волонгевича, складывается на основе взаимодействия культурных традиций ясторфского населения Щецинского Поморья и хелминско-куявской группы пшеворской культуры [405, с. 215-216; 574].

Таким образом, гипотеза Т. Лер-Сплавинского — Й. Костшевского подвергается в настоящее время кардинальному пересмотру. Сохраняющаяся до последнего времени уверенность большинства исследователей в поморской подоснове зарубинецкой культуры начинает диссонировать с общей картиной становления и развития латенизированных культур [88]. Назрела необходимость рассмотрения материалов поморской культуры, обнаруженных на территории западных областей Украины и Белоруссии, часть которых обычно привлекается в качестве генетически предшествующих зарубинецкой культуре, с позиций современного состояния хронологии.

На территории западных областей Украины и Белоруссии известно 35 пунктов, на которых обнаружены памятники или подъемный материал поморской культуры (рис. 13; Прилож. III). Небольшая часть находок, весьма близких лужицкой культуре (рис. 14, 1-3, б), находит аналоги в гальштатте D и латене A [145; 393, табл. 1, 2, III; 1, VII, 12; 423, табл. XXVII, 10; 485, табл. VIII,

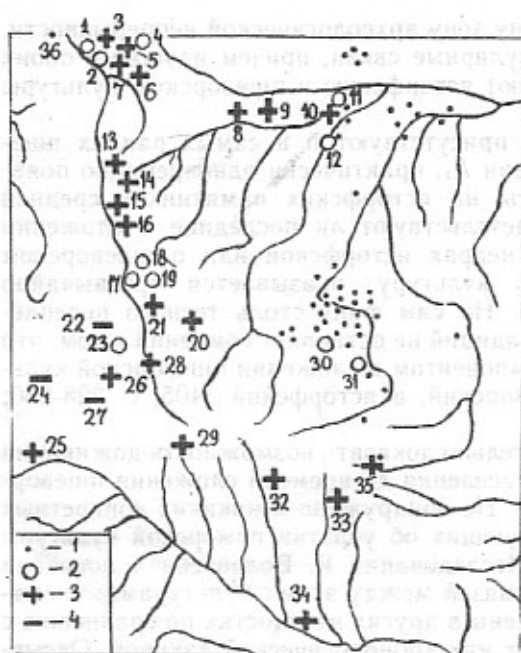

Рис. 13. Поморские памятники и находки на территории западных областей Украины и Белоруссии:

№ 1-35 соответствуют номерам в Прилож. III.
 № 36 - Крыница 1 - микромедные памятники и находки, 2 - селница поморской культуры, 3 - могильники поморской культуры, 4 - подземный материал поморской культуры

аналоги в керамике основной территории культуры того же периода (рис. 14, 7, 10, 12) [393, табл. 1, 2, тип. 8а; 485, табл. XVI, 3, с. 64]. Возможно, с проникновением поморских племен на Западное Полесье связан и обломок ножики духцовской фибулы из Черска [151, табл. 9, 2]. Третья группа по сходству керамики и находке фибулы в Тростянице (рис. 14, 9) может быть отнесена к тому же времени, что и первые две.

Находки духцовских фибул на восточных памятниках латенской культуры могут быть объяснены контактами с кельтами, появившимися в Южной Польше на рубеже ступеней А и В₁. Судя по сопоставлению латенских импортов и вещей, происходящих из собственно кельтских комплексов, хронология которых исследована З. Вольняком (рис. 15) [579], именно инфильтрация кельтов в

4а, с. 242; 490, № 42, 342, 938]. Эти находки датируются временем не позднее рубежа V - IV вв. до н. э. (рис. 1) и синхронны сложению поморской культуры.

Большинство находок относится к латену В. Часть из них, как и в предшествующее время, расположены в Побужье (рис. 13, 13, 18, 26), вторая группа появляется на Западном Полесье (рис. 13, 8-12) и третья формируется в окрестностях современного Бреста (рис. 13, 1-7). Первая группа датируется находками духцовских фибул ступени В₁ в Зимно, Головно и Дублянах (рис. 14, 5, 8) [579, с. 55, рис. 13, Прилож. 13; 582, рис. 3]. На памятниках второй группы обнаружена керамика, находящаяся

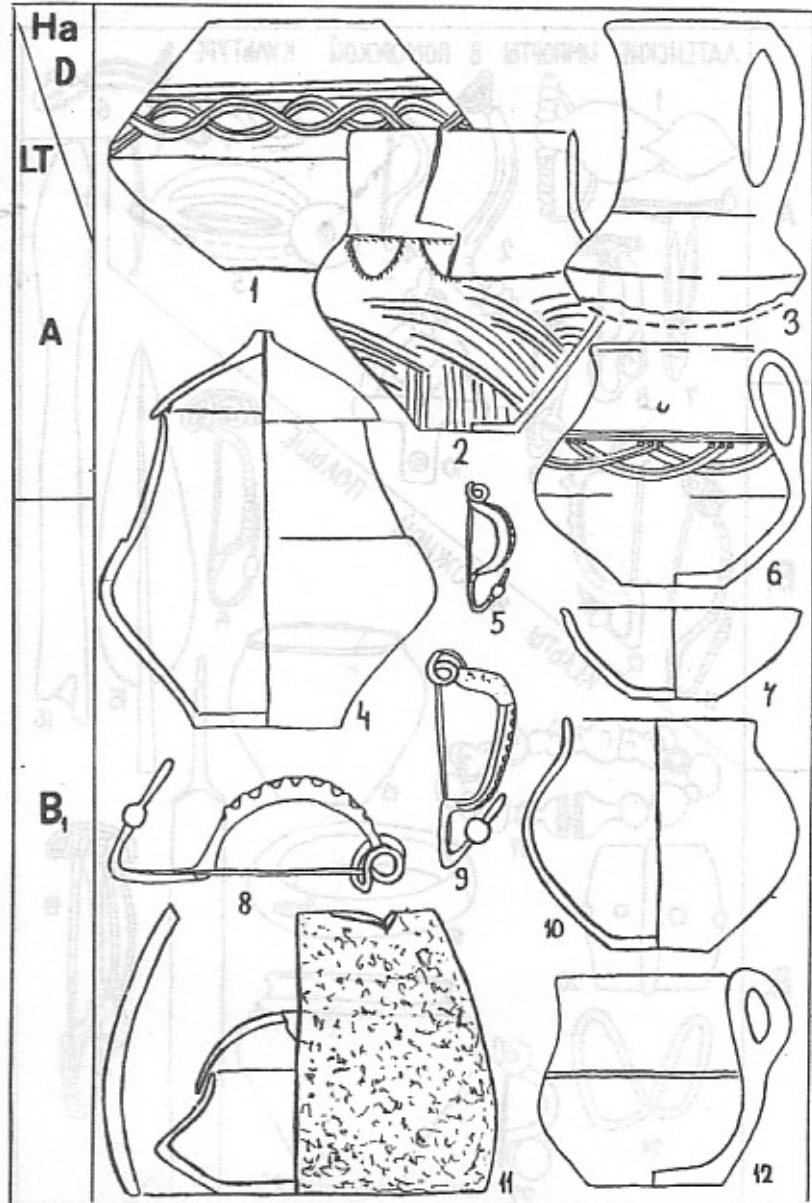

Рис. 14. Хронология поморских древностей, обнаруженных на территории западных областей Украины и Белоруссии.

1 - Дружковець, 2 - Крижов, 3 - Бель, 4 - Головино I и 1, 5 - Головино II и 10, 6 - Зинько

ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

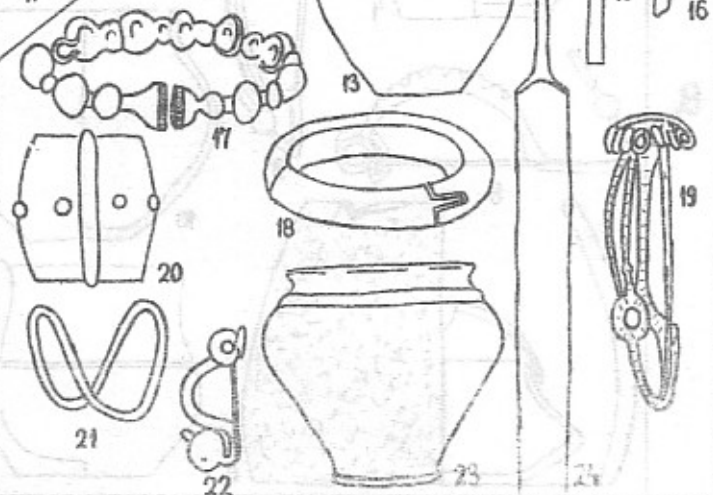
A

B₁

B₂

КЕЛТЫ В ЮЖНОЙ ПОЛЫШЕ

Южную Польшу прервала процесс постепенного поступления латенских импортов на поморские памятники [ср. 546, с. 100; 574, с. 135]. То, что большинство самых поздних импортов обнаружено на восточных поморских памятниках [574, рис. 13], возможно, свидетельствует о передвижениях населения в этом направлении, вызванном появлением кельтов.

Ступень латена В₁ заканчивается около 330-х годов до н. э. (рис. 1). Вещи поморской культуры, датирующиеся более поздним временем и происходящие из достоверных закрытых комплексов, практически неизвестны. Таким образом, материалов, свидетельствующих о существовании поморских памятников в III в. до н. э. на территории западных областей Украины и Белоруссии, нет. Факт полного отсутствия в поморской культуре следов кельтского влияния латена В₂—С₁, т. е. времени, непосредственно предшествовавшего сложению латенизированных культур и отчасти синхронного ему, является весомым, если не решающим, аргументом против того, что поморская культура явилась основным культурным фондом для возникновения новых культур [574; 405, с. 104], даже если допустить, что часть поморского населения все-таки существовала и в III в. до н. э. Вывести латенизированные культуры непосредственно из поморской оказывается невозможно.

* *
*

Конечно, нельзя полностью отвергать возможность обнаружения в будущем памятников местных культур III в. до н. э., как это было, например, со связующим звеном между зарубинецкой культурой и древностями V—VI вв. н. э.: хиатус в Поднепровье может быть и заполнен. Но заполнять его, как нам представляется, следует не путем искусственного расширения хронологических рамок уже известных памятников, а путем поиска новых памятников и комплексов, достоверно датирующихся III в. до н. э. Кроме того, недостаточно найти эти памятники: надо еще доказать, что именно в них мы отмечаем нарастающее кельтское влияние, которое и привело в конечном итоге к сложению зарубинецкой культуры. Но в настоящее время, пока такие комплексы и памятники не найдены, на основании изучения хроноло-

Рис. 15. Латенские импорты в поморской культуре и кельтские древности Южной Польши (по З. Вольняку).

1 - Кетж.2 - Бяловска Весь, 3 - Липна, 4 - Вержбице, 5 - Стара Коверня, 6 - Езерице Мале, 7 - Бобранице, 8,9 - Болеславец, 10 - Гоголово, 11 - Тростяница, 12 - Кацце, 13 - Карича Гура, п. 14-19 - Мокронос Гуры, 15, 24 - Собоциско, п. 7/1940, 16 - Карича Гура, п. 1, 20 - Собоциско, п. 1/1940, 21 - Главнин, п. 5-6/1940, 22 - Главнин, п. 1/1950, 23 - Главнин, п. 2/1930.

гии ранних латенских импортов к востоку от Карпат, а также поздних материалов милоградской, скифской, гетской и поморской культур можно с полной уверенностью утверждать, что ни одна из существующих гипотез о местном происхождении памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры не подкреплена в достаточной степени конкретным археологическим материалом. Это свидетельствует по крайней мере о том, что центр событий, приведших к началу процесса латенизации и в конечном счете к сложению поянешти-лукашевских и зарубинецких культурных традиций, находился не там, где его традиционно искали, т. е. не на территории Повисленья, Подиенровья и Подиестровья.

III ГЛАВА

Культурные изменения на северной и южной окраинах восточнокельтского мира в III — начале II в. до н. э. и начало процесса латенизации

Итак, обнаружить следы процесса латенизации там, где их существование традиционно предполагалось, не удастся. Где же располагался «центр событий», в котором начался процесс латенизации некельтских культур, и каким образом импульсы из него распространились на другие территории? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выявить группы памятников, в материалах которых обнаружены следы наиболее раннего латенского влияния, постепенно усиливающегося и приводящего в конечном счете к латенизации культурных традиций некельтского населения. Но прежде необходимо уточнить, какие методы хронологических исследований наиболее применимы для решения этой непростой проблемы, а также соотнести систему относительной хронологии позднего предримского времени с относительной и абсолютной хронологией латена.

1. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО МЕТОДУ П. РЕЙНЕКЕ¹

Из методов исследования относительной хронологии наиболее приемлем для нас корреляционный метод, предложенный П. Рейнеке в 1902 г., суть которого сводится к прослеживанию изменения набора типов вещей в погребениях путем изучения их совстрече-

¹ Раздел I является частью статьи, написанной в соавторстве с Н. А. Бажаном [24], в переработанном виде.

чаемости. Эти изменения интерпретируются в хронологическом аспекте [527], а распределение погребений разных фаз на территории могильника (горизонтальная стратиграфия) позволяет, как правило, подтвердить или даже уточнить хронологию, полученную с помощью корреляций [492]. Относительная хронология восточного латена, построенная П. Рейнеке с помощью корреляционного метода, действует до настоящего времени в несколько модифицированном виде, что свидетельствует не только об объективном подходе к исследуемому материалу, но и о точности этого метода.

В первой половине XX в. новый метод использовался эпизодически, что являлось закономерным следствием иллюстративности археологических материалов в общеполитическом знании тех лет. В 60-е годы наметилась тенденция упорядочивания процедуры археологических исследований, вызванная выразившимся во все более кризисной форме несоответствием между задачами и методами археологии, которое отчетливо проявилось и в археологической хронологии [100; 142]. Вполне естественным в создавшейся ситуации явилось повышение внимания к методу П. Рейнеке как одному из вариантов упорядочивания структуры хронологических исследований в археологии [10; 78; 428; 440; 459 и др.], наряду с разработкой и апробацией других методов [4; 357].

Широкомасштабное применение корреляционных методов в последние годы [1; 10; 61; 81 и др.] при недостаточном их теоретическом осмыслении приводит к излишне доверительному отношению к получаемым периодизациям. Метод П. Рейнеке в сочетании с методом узких датировок, предложенным М. Б. Шукиным [357], предстает в глазах археологов младшего поколения такой же панацеей от всех хронологических бед, какой для археологов старшего поколения казался метод определения абсолютных дат по C^{14} . Как выяснилось, радиоуглеродные даты нуждаются в калибровке. По-видимому, то же можно сказать и о методе П. Рейнеке, так как вопрос о том, в какой степени корреляции типов вещей в погребениях отражают время их реального использования в «живой» культуре, остается практически неисследованным [161, с. 9-10]. Если же принять во внимание возможное расхождение времени составления комплекса погребального инвентаря и времени совершения погребения [4, с. 73-74], а также то, что выделенные с помощью корреляций группы погребений могут оказаться не только хронологическими, но и, например, социальными [390; 479; 538], то проблема реального исторического содержания полученных периодизаций еще более усложнится. Необходимо определить критерии применения метода П. Рейнеке, выяснить,

какие условия позволяют считать выделенные с его помощью группы погребений хронологическими.

Изучая совстречаемость типов вещей в погребениях, археолог тем самым исследует одну из сторон культурной традиции, которая понимается как социально обусловленное явление, как выражение коллективного стереотипизированного опыта [178, с. 33, 153-154, 172]. Следовательно, метод П. Рейнеке наиболее корректно использовать для исследования погребений, оставленных одной социально-экономической единицей древности [ср. 180, с. 153; 542], т. е. он дает наименьшие искажения при исследовании каждого могильника в отдельности. Однако и в этом случае мы не застрахованы от некоторых неувязок при хронологической интерпретации полученных групп погребений, как правило, остающихся незамеченными.

Так, например, в большинстве относительных хронологий, построенных с помощью метода П. Рейнеке, погребения первых (ранних) фаз содержат большое количество женских категорий инвентаря (сережки, бусы, браслеты и т. п.), выказывая при этом практически полное отсутствие специфически мужских категорий (например, оружия). Погребения поздних (последних) фаз тех же могильников, как правило, почти не содержат женских вещей и зачастую содержат оружие. Такая закономерность отмечена нами в ряде могильников позднего предримского [440, рис. 10, 26, 31, 46], римского [315, Т. 2, с. 218; 45; 387, с. 155-157] и раннесредневекового времени [81]. Если считать эти периодизации отражающими реальную историческую картину, мы вынуждены будем сделать вывод, что население, оставившее эти могильники, в течение жизни целого поколения хоронило только женщин (первая фаза), а затем, когда все женщины умерли, в течение примерно такого же отрезка времени хоронило исключительно мужчин (последняя фаза).

Подобная интерпретация, если она не подтверждается какими-либо дополнительными аргументами, выглядит по меньшей мере надуманно. Следовательно, в ходе исследования хронологии могильников не были учтены некоторые однотипные для варварских обществ особенности погребального ритуала. Разновременность и территориальный разброс подобных могильников свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело не с индивидуальными особенностями каждого могильника, а с общей закономерностью погребального обряда варварского мира, проявляющейся в различии темпов попадания однотипных вещей в мужские и женские погребения. Следовательно, при исследовании хронологии могильников с помощью корреляционных методов необходимо предварительное разделение погребений по полу и возрасту, так как эти

признаки наиболее существенно влияют на состав и облик погребального инвентаря. Это известно и по этнографическим [180, с. 152], и по археологическим данным: например, в ясторфской культуре существовали даже отдельные могильники для мужчин и женщин [410, с. 87-95, 186-196].

Разделение погребений по полу и возрасту ставит перед нами задачу синхронизации «женской» и «мужской» хронологий. Поскольку темп попадания однотипных датирующих вещей в женские и мужские погребения различен, синхронизация может быть проведена по тем вещам, для которых он примерно одинаков, например, по керамике. После проведения синхронизации необходимо соотнести хронологию могильника с общеевропейской относительной и абсолютной хронологией, а делается это, как правило, именно по заимствованным типам вещей. Появляется новая проблема: темп попадания заимствованных вещей в какие погребения, мужские или женские, брать за основу такого соотнесения? Поскольку абсолютные ранние даты могильников латенизированных культур основываются, как правило, на женских погребениях и при этом не противоречат античной хронологии и данным письменных источников, есть все основания считать соответствующими темпу попадания вещей в погребения латенской культуры темп их попадания в женские погребения латенизированных культур. При этом в ряде случаев оказывается, что некоторые заимствованные типы вещей могли попадать в мужские погребения латенизированных культур раньше, чем в собственно латенские. Причиной этого парадоксального явления служит неравномерность темпов развития латена и латенизированных культур, неоднократно отмечавшаяся исследователями, а его возможный механизм рассмотрен нами в специальной статье [24, рис. 1].

Таким образом, не следует абсолютизировать точность конечных результатов исследований, проделанных с помощью метода П. Рейнеке: он позволяет определять не даты использования вещей в «живой» культуре, а даты прекращения их использования, близкие датам совершения погребений. Хронология поселений поэтому отлична от хронологии могильников: там, где есть надежные абсолютные датировки, одни и те же вещи, обнаруженные на поселениях, датируются несколько более ранним временем, нежели те, которые происходят из погребений. Метод П. Рейнеке не дает нам полной картины развития материальной культуры древнего населения, но он позволяет объективно устанавливать границы периодов относительной хронологии, другими методами не фиксируемые и способные послужить самостоятельным источником информации, который ценен и сам по себе [142, с. 20].

2. СИНХРОНИЗАЦИЯ ФАЗ ПОЗДНЕГО ПРЕДРИМСКОГО ВРЕМЕНИ И СТУПЕНЕЙ ЛАТЕНА

В среднем и позднем латене, параллельно с собственно латенской культурой, существовал обширный круг латенизированных культур, носители которых не были кельтами, но впитали многие черты кельтской культуры. Ритм развития латенизированных культур был несколько иным, нежели латена, и поэтому по отношению к ним применяется термин «культуры позднего предримского времени» и предприняты попытки создания собственной относительной и абсолютной хронологии как отдельных культур, так и всего их круга в целом. Построению общей системы хронологии посвящена монография Р. Хахмана, изданная в 1961 г. и до сих пор являющаяся единственной работой такого рода [440]. Исследовав хронологию большого количества могильников с помощью метода П. Рейнеке, Р. Хахман выделил раннюю, среднюю и позднюю фазы позднего предримского времени, подразделив их на более дробные ступени — «а», «b», «с», «d» и «е». При их выделении он почему-то отказался от корреляционного метода сравнения фаз могильников, и поэтому его описание фаз позднего предримского времени [440, с. 231-240] явно проигрывает в строгости метода и точности группировки материала по сравнению с предшествующими главами книги. Этот пробел нетрудно восполнить путем синхронизации фаз могильников по типам фибул (рис. 16).

Синхронизация показала, что реальные группы фаз могильников, относительная хронология которых исследована Р. Хахманом, не совсем совпадают с им же выделенными фазами позднего предримского времени, а ведь именно эти группы и являются отражением относительного единства темпа культурных изменений и именно на их выделении должно основываться построение общей относительной хронологии позднего предримского времени (рис. 16).

Затрагивая проблему синхронизации относительных хронологий латена и позднего предримского времени, нельзя не остановиться на точке зрения А. М. Обломского, полагающего, что все позднее предримское время, в том числе и фаза «а», по Р. Хахману, синхронизируется с поздним латеном [224, с. 116-117]. Аргументом в пользу такой синхронизации А. М. Обломский считает отсутствие развернутой критики хронологических выкладок Р. Хахмана. Но ведь Р. Хахман полагал, что средний и поздний латен частично перекрываются, о чем он неоднократно упоминает [440, с. 244-246], и позднее предримское время синхронизировалось им не только с поздним латеном, но и с «поздней частью сред-

фазы \ типы	A	K _g	B	C	1	G ₁ H	D ₁ E	2	F	K	J	L	M ₁ N	Ab 15	3	O
Лангенхаген 1																
Каммер 2																
Рондсен А																
Вилянув 1																
Каммер 3																
Кирибакен 1																
Каммер 4																
Вымыслово 2																
Вилянув 2																
Рондсен 3																
Лангенхаген 2																
Рондсен 2																
Харсефельд 3																
Кирибакен 2																
Тостедт 1																
Рондсен В																
Вилянув 3																
Харсефельд 4																
Рондсен 4																
Рондсен С																
Вымыслово 3																
Тостедт 2																
Харсефельд 5а																
ступени латена	C _{1b} / C ₂		C ₂ - D ₁			D ₁			D ₂							
фазы Р.Хахмана	a		b			c			d - e							

Рис. 16. Синхронизация фаз могильников позднего предримского времени, выделенных Р. Хахманом (латинскими буквами обозначены типы фибул по Й. Костшевскому)

K_g — фибулы с шариками на спинке, 1 — круглые поясные крючки, 2 — шарнирные поясные крючки, 3 — ножи типа II.

него латена», т. е. со ступенью C_2 в современной терминологии. Поскольку в распоряжении Р. Хахмана не оказалось материалов латенизированных культур, имеющих выход непосредственно на абсолютную хронологию, он (со множеством оговорок) синхронизировал позднее предримское время с горизонтами расчлененных и гладких фибул, по Я. Филипу, которые были датированы 120-ми годами до н. э. — рубежом эр [422, с. 107-119]. Остается неясным, каким образом А. М. Обломский, синхронизируя позднее предримское время с поздним латеном, датирует ранние зарубинецкие фибулы ступенями C_1 и C_2 [224, табл. 3].

Итак, в кригике относительной хронологии позднего предримского времени Р. Хахмана до настоящего времени необходимости не возникало [405, с. 217], а вот в критике относительной и абсолютной хронологии Я. Филипа не было недостатка. В результате то, что Я. Филип относил к позднему латену, оказалось относящимся к латену C_2 и даже C_1 [429, с. 22, 42-46]. Соответственно и вся фаза «а», по Р. Хахману, оказывается синхронна концу латена C_1 — началу C_2 , что уже довольно давно является общепринятым [122; 123, с. 11; 405, с. 153-154]. Попытку А. М. Обломского вернуться к завышенной хронологии Я. Филипа вряд ли можно признать удачной. Предложенная им относительная и абсолютная хронология фибул зарубинецкой культуры [224, табл. 3; 225, с. 7-9; 228] нуждается в значительной коррекции.

В настоящее время относительная и абсолютная хронология латена существенно уточнена (рис. 1), что позволяет определить относительные и абсолютные даты фаз позднего предримского времени, границы которых скорректированы нами на основании исходного материала Р. Хахмана (рис. 16). Фаза «а», для которой характерны фибулы с шариками на спинке (Рис. 17, 2) и варианта А-Костшевский (рис. 17, 3), синхронизируется с латеном C_{1b} [390, рис. 4, 30, 31] и может быть датирована временем около 225—190 гг. до н. э. (рис. 1). Фибулы вариантов В, С, G/H (рис. 17, 7, 10, 13), характерные для фазы «б» (рис. 16), позволяют синхронизировать ее преимущественно со ступенью C_2 [429, с. 43-44] и датировать 200—180—120-ми годами до н. э. (рис. 1). Фаза «с» характеризуется фибулами D/E, F, K-Костшевский (рис. 16, рис. 17, 8, 14, 15) ступени D_1 [429, с. 58] и датируется соответственно 120—60-ми годами до н. э. (рис. 1).

Фазы «д» и «е» сходны по фибулам: и в той, и в другой есть фибулы вариантов М, N, O-Костшевский (рис. 16, рис. 17, 17-19). Но для фазы «д» характерны также варианты J и L, которых нет в фазе «е» (рис. 16, рис. 17, 12; 16), а количество фибул варианта O в фазе «д» сравнительно невелико [440, рис. 10]. Таким образом, фаза «д» может быть синхронизирована с концом ступени D_1 —

ARTIC.	nrB	I	II	III	IV	V	VI
C _{1b}	a	1, 2, 3, 4, 5	21, 22	29, 27, 28	36, 38	47, 49	52, 53, 54, 55
	b	6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20	23, 24	26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35	36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46	47, 48, 49, 50, 51	52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61
D ₁	c						
	d						
D ₂	e						

ступеню D₂ [429, с. 58–59] скорее всего без самого позднего ее отрезка, что соответствует примерно 70/60–30/20-м годам до н. э. (рис. 1), а фаза «е» синхронизируется исключительно со ступенью латена D₂, т. е. с 50—15 гг. до н. э. (рис. 1).

Фазы от «а» до «е» очерчивают лишь существование позднего предримского времени как глобального явления общеевропейского масштаба. Но в ряде могильников тех латенизированных культур, которые постепенно трансформируются в культуры римского времени, есть фазы, следующие за фазой «е». Эти фазы (в разработках Р. Хахмана — фаза 5а могильника Харсфельд и фаза 2 могильника Гроссромштедт; см. рис. 16) могут быть объединены в фазу «f» позднего предримского времени, для которой характерно постепенное исчезновение латенских традиций и все более осязаемое провинциально-римское влияние, которое несколько ранее достигло Среднего Дуная [505; 573]. Окончательное выкликивание латенских традиций в латенизированных культурах происходит на ступенях V_{1c} и V_{2a} римского времени вместе с проявлением фибул Альмгрэн — 57—58 и 53 [119; 125, с. 117; 126, с. 8; 483; 484]. Фаза «f», таким образом, может быть датирована промежутком времени от конца латена D₂ до начала римского времени, т. е. 15-ми годами до н. э. — 20—40-ми годами н. э. (рис. 1).

Проведенная синхронизация фаз позднего предримского времени и ступеней латена является лишь начальным этапом выяснения абсолютных дат фаз могильников латенизированных культур. Возможно, в будущем обнаружатся какие-либо новые данные, проливающие свет на эту сложную проблему, и тогда станет возможным определить эти даты на независимых от кельтской хронологии основаниях, как это уже удалось сделать по отношению к дате начала фазы «а» с помощью амфорных клейм.

3. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ЯСТОРФСКОЙ КУЛЬТУРЫ И «ИСХОДНЫЙ ПУНКТ» ПРОЦЕССА ЛАТЕНИЗАЦИИ

Исследование процесса латенизации предполагает необходимость поиска и изучения того «исходного пункта», той территории, где контакт латенской и местной культур осуществ-

Рис. 17. Соотношение ступеней латена, фаз позднего предримского времени (НПВ) и относительной хронологии латенизированных культур (по К. Годловскому, П. Буйше, З. Вольпяку, Р. Воллангевичу, Г. Доманьскому, Т. Домбровской, К. В. Каспаровой с дополнениями автора).

I — латен, II — габинская группа ясторфской культуры, III — зинворская культура, IV — оксвийская культура, V — палудерская группа ясторфской культуры, VI — полевский вариант габинской культуры.

влялся длительное время и привел к переходу последней в латенизированное состояние. Единственной в настоящее время территорией, на которой зафиксирован подобный контакт, является Северо-Восточная Чехия, где в верховьях Эльбы обнаружены памятники подмокульской и кобыльской групп [562], расположенных на самой юго-восточной периферии ясторфской культуры (рис. 27). Исследователи считают носителей этих групп, как, впрочем, и население некоторых других ясторфских окраин германизированными кельтами или кельтизированными германцами [439; 441; 562, с. 41]: во всяком случае, культурная разнородность подмокульских материалов ни у кого не вызывает сомнений.

Подмокульский погребальный обряд, по Н. Венцловой, представлен тремя типами: урновые погребения, покрытые мисками; урновые погребения с сосудами меньшего размера в урне; урновые погребения с вещами вне урны [562, с. 41—42]. В керамике и металлическом инвентаре прослеживается параллельное развитие двух традиций: ясторфской (рис. 18, 27-42) и кельтской (рис. 18, 1-26) с некоторыми биллендорфскими постгальштатскими реминисценциями (рис. 18, 43-46). В среднем латене, на ступени C_2 , в Северо-восточной Чехии происходят не совсем ясные процессы, приведшие к смене подмокульских памятников кобыльскими, но прежнее сосуществование ясторфских и латенских традиций сохраняется. Биллендорфские элементы для кобыльской группы уже нехарактерны, но появляются пшеворские (рис. 18, 47-51). Ранняя дата подмокульских памятников определяется по духцовским фибулам ступенью B_{2a} (рис. 18, 1) [390, рис. 4; 562, с. 65], а поздняя дата кобыльской группы вряд ли выходит за пределы ступени D_1 ; позднелатенские фибулы вариантов М-О здесь не найдены.

Таким образом, латенские и ясторфские традиции сосуществовали в Северо-Восточной Чехии от ступени B_{2a} до D_1 , т. е. в 330—60-е годы до н. э. (рис. 1), почти триста лет. И тем не менее мы не можем отнести к восточному кругу латенизированных культур ни подмокульскую, ни даже кобыльскую группы. Дело в том, что сосуществование двух традиций в течение нескольких веков не привело к сложению единой, синкретической культуры: эти традиции существовали параллельно, не смешиваясь. В то же время сам факт наличия на пограничье Кельтики и ясторфской культуры территории, где одна традиция переплетается с другой, т. е. существует зона археологической непрерывности, представляется нам необходимым условием для начала процесса латенизации. Скорее всего именно через эту зону латенские импорты начинают проникать в собственно ясторфскую культуру.

туру еще на ступени B_2 : отдельные находки комплексов этого времени спорадически встречаются на всей ее территории, за исключением самых северных областей [411, рис. 33, 34, 37].

О том, что обычай помещать отдельные латенские вещи, например, фибулы, в ясторфские погребения имеет давнюю традицию, свидетельствуют материалы могильника Каммер на Средней Эльбе, опубликованные К. Х. Маршаллем [495]. Хронология могильника изучена Р. Хахманом с помощью метод. П. Рейнеке [440, рис. 31, с. 89-102]. Погребения I фазы Каммера по фибуле с шаром на неприкрепленном конце ножки (рис. 19, 15) могут быть датированы ступенью латена B_{2b} , а погребения II фазы по фибулам А-Костшевский и фибулам с шариками на спинке (рис. 19, 18-20, 25, 28) — ступенями C_{1a} , C_{1b} [390, рис. 4, 15, 24, 30, 31]. В принципе, если быть точным, здесь нет вещей, характеризующих переход от раннего латена к среднему, т. е. датирующихся ступенями B_2/C_1 и C_{1a} . Результат этого перехода появляется на Средней Эльбе в готовом виде — в виде изделий ступени C_{1b} . Это вполне естественно, если считать фибулы, обнаруженные в могильнике, местными дериватами кельтских изделий, поскольку ясторфские мастера скорее всего копировали уже устоявшиеся, канонические формы и вряд ли могли наравных с кельтскими мастерами участвовать в выработке нового среднелатенского стиля.

На ступени C_{1b} латенское влияние отчетливо проявилось и в сложении губинской группы памятников ясторфской культуры на Среднем Одре [413; 414; 465]. Наиболее полно исследованным памятником этой группы является могильник Любонице. Г. Доманьский предложил его относительную хронологию, основанную на корреляции типов вещей и некоторых черт обработки керамики [413, рис. 3]. Эта хронология может быть в значительной мере уточнена. Поскольку половозрастная принадлежность остатков сожжений в большинстве случаев определена [437], целесообразно исследовать хронологию погребений отдельно для женщин, мужчин и подростков, включив в корреляции не только датирующие типы вещей, но и массовый материал — керамику, типология которой достаточно подробно разработана Г. Доманьским [413, с. 33—48]. Используя эту типологию с некоторыми коррективами, мы составили таблицу хронологических индикаторов (рис. 20). Исследовав их совстречаемость отдельно для каждой группы погребений, мы получили ряды индикаторов, выстроенные в хронологической последовательности. Последующее изучение встречаемости индикаторов, выстроенных в хронологические ряды, в соответствующих груп-

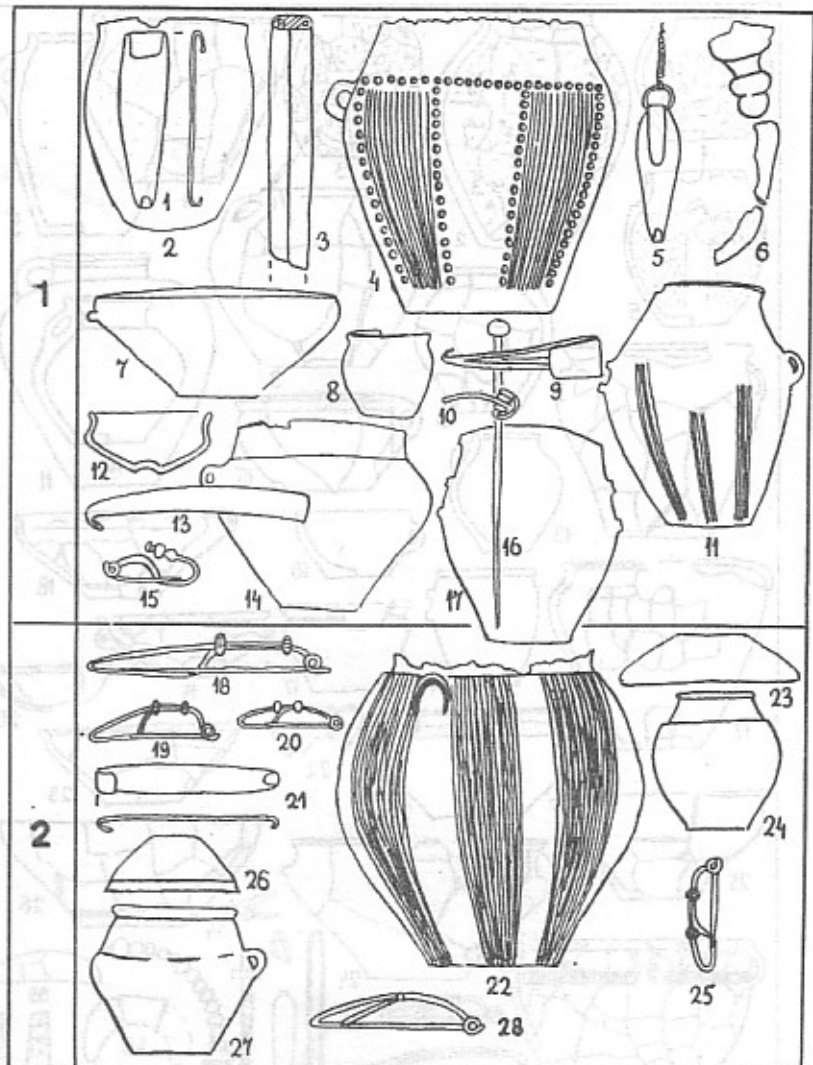

Рис. 19. Ранние комплексы могильника Каммер (по Р. Хахману).

1-2 п. 80, 3, 15 п. 71, 4-8 п. 74, 9-11 п. 72, 12-14 п. 82, 16-17 п. 83, 18-22 п. 60, 23-25 п. 61, 26-27 п. 12, 28 п. 69.

пах погребений, позволило выделить фазы женских (рис. 21) и мужских погребений (рис. 22, 1), а также погребений подростков (рис. 22, 2). Синхронизация фаз проведена по тем индикаторам,

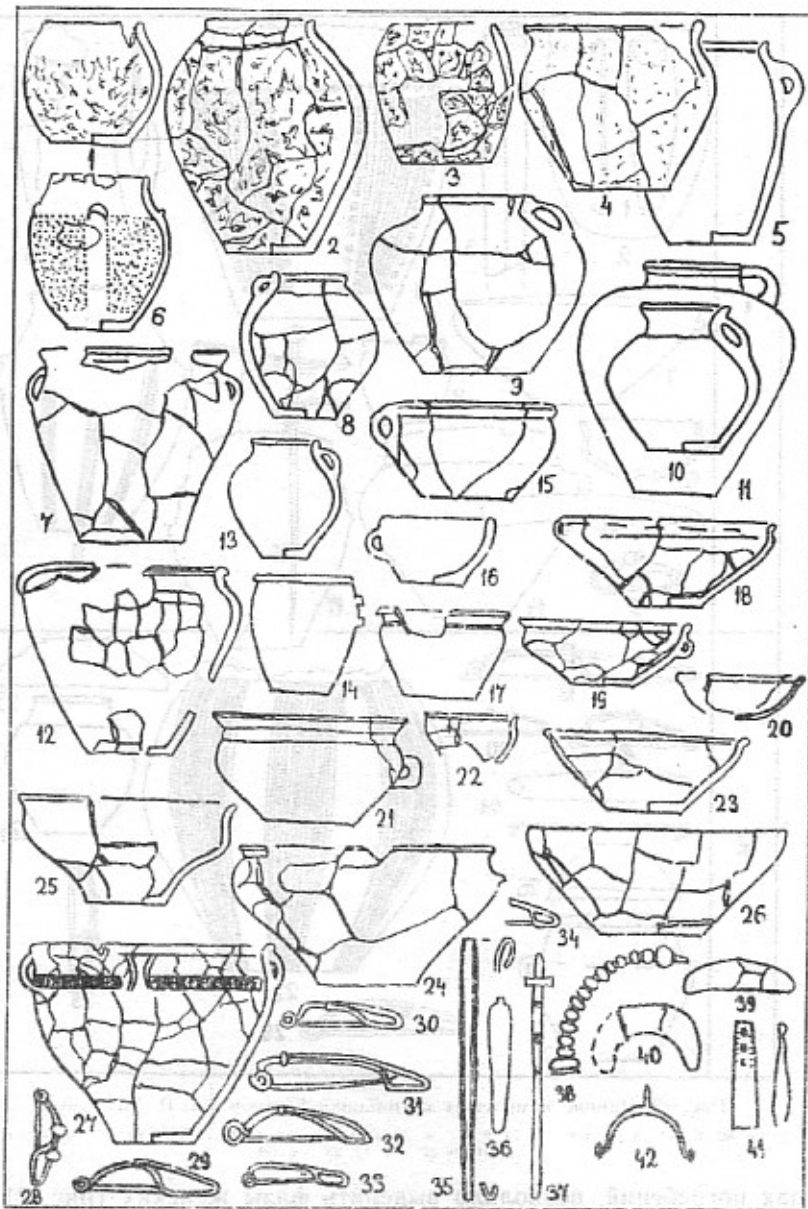

Рис. 20. Хронологические индикаторы могильника Любшице губинской группы ясторфской культуры (по Г. Доманьскому).

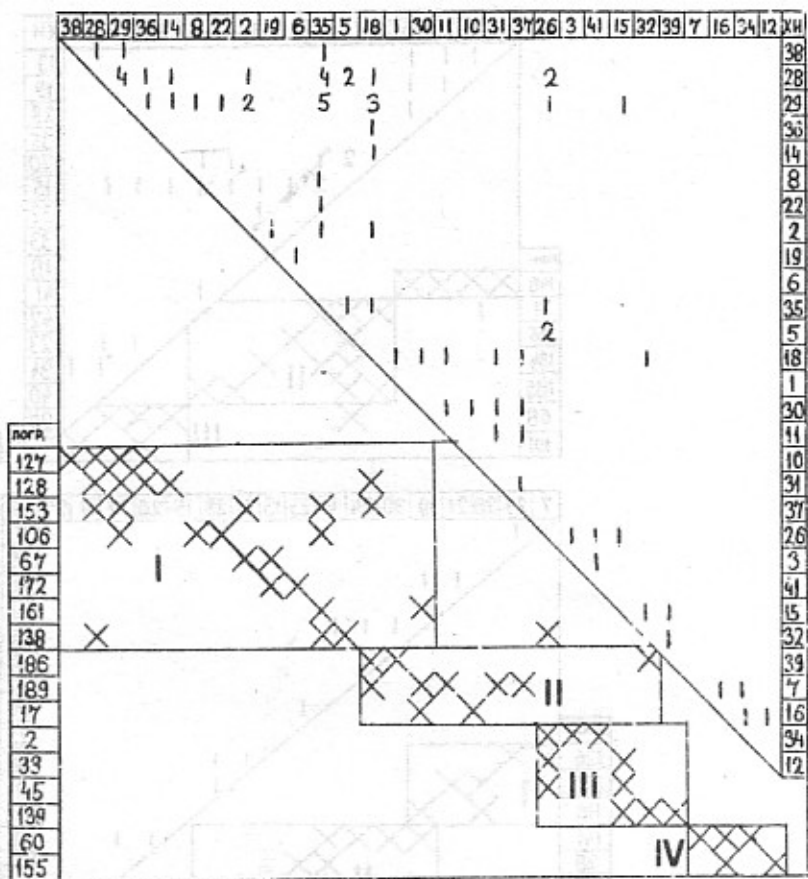

Рис. 21. Хронология женских погребений могильника Любошице.

1 — встречаемость хронологических индикаторов, 2 — встречаемость ряда хронологических индикаторов, встречающихся по сопереваемости, в погребениях фазера хронологических индикаторов (XIV) соответственно почеркам (на рис. 20).

которые встречены во всех трех группах погребений, причем за основу взята как наиболее полная их последовательность в женских погребениях (рис. 22, 3).

Полученная в результате относительная хронология могильника в общих чертах соответствует схеме Г Доманьского, но она более подробна за счет учета большего количества погребений и типов вещей, а также благодаря разделению погребений

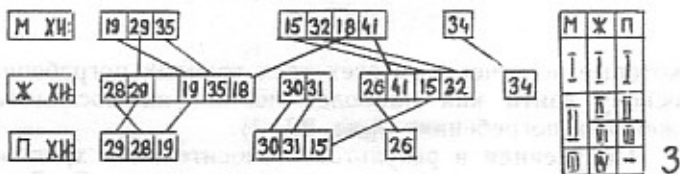
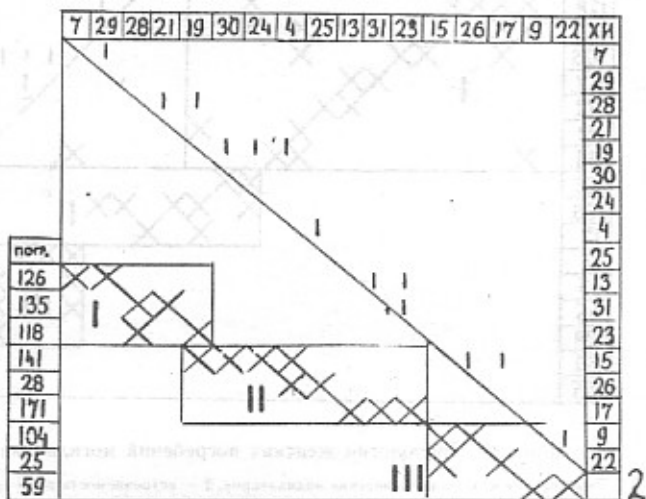
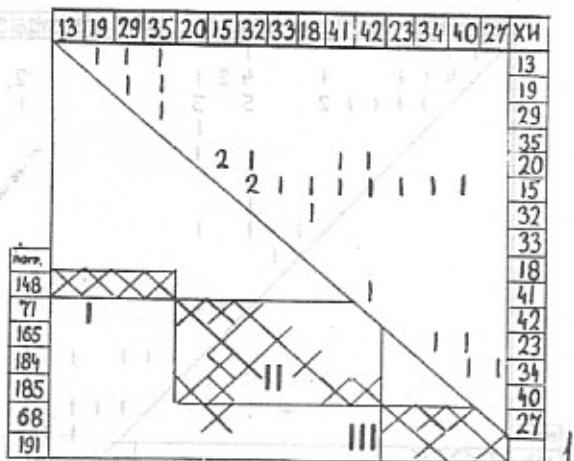

Рис. 22. Могильник Любимов

1 - хронология мужских погребений, 2 - хронология погребений подростков, 3 - соотношение хронологий женских и мужских погребений и погребений подростков (номера ХИ соответствуют номерам на рис. 20).

на половозрастные группы. Всего с учетом нулевой фазы, не входящей в корреляции (фаза I, по Г. Доманьскому), погребения оказались разделены на пять фаз (рис. 22, 3).

Погребения нулевой фазы, не содержащие датирующих вещей (рис. 23, 1-2; 24, 15), по мнению Г. Доманьского, свидетельствуют о связях с бранденбургской группой ясторфской культуры, в то время как связи с поморской культурой и бяловской группой лужицкой культуры менее вероятны [413, с. 94-95]. Г. Доманьский датировал эту фазу второй половиной III в. до н. э., считая, что она синхронна ступени латена B₂. Но поскольку его ступень закончилась не позднее середины III в. до н. э. (рис. 1), эта датировка представляется несколько завышенной, и точнее будет датировать погребения нулевой фазы временем около первой половины — середины III в. до н. э.

Остальные фазы женских и мужских погребений, а также погребений подростков синхронизируются между собой таким образом, что в целом для могильника оказывается возможным выделить три фазы, наиболее отчетливо проявляющиеся в хронологии мужских погребений (рис. 24). I фаза (I фаза мужских, I фаза женских и I фаза погребений подростков соответственно) по фибулам А-Костшевский (рис. 23, 5, 17, 24, 2, 19) и фибулам с шариками на спинке (рис. 23, 4, 12, 24, 6, 18) синхронизируется с латеном C_{1b} и фазой «а» позднего предримского времени (рис. 16), т. е. с 225—190-ми годами до н. э. (рис. 1). К этому же времени относятся и гривны типа O/I, по Т. Фойгту (рис. 23, 3) [565, с. 168, рис. 22—23].

Во II фазе (II фаза мужских, II и III фазы женских погребений, II и III фазы погребений подростков) появляются фибулы вариантов В, С, Е, К-Костшевский (рис. 23, 23, 26, 27, 33, 24, 6, 8, 26, 27), характерные для латена C₂ — начала D₁ и фазы «b» позднего предримского времени, т. е. преимущественно для 200/180—120-х годов до н. э. (рис. 1, 16).

III фаза (III фаза мужских и IV фаза женских погребений) по рамчатым позднелатенским фибулам (рис. 23, 38) и их фрагментам (рис. 24, 11, 14) синхронизируется с латеном D₁ и фазой «с» позднего предримского времени (рис. 16), т. е. со 120—60-ми годами до н. э. (рис. 1).

Предлагаемая нами относительная хронология отчасти подтверждается и расположением погребений разных фаз на территории могильника: более поздние погребения расположены к северу и югу от более ранних (рис. 25).

Таким образом, на Среднем Одере мы наблюдаем несколько иную картину культурного развития, нежели на Верхней Эльбе. В подмокульской группе ясторфская и латенская традиции со-

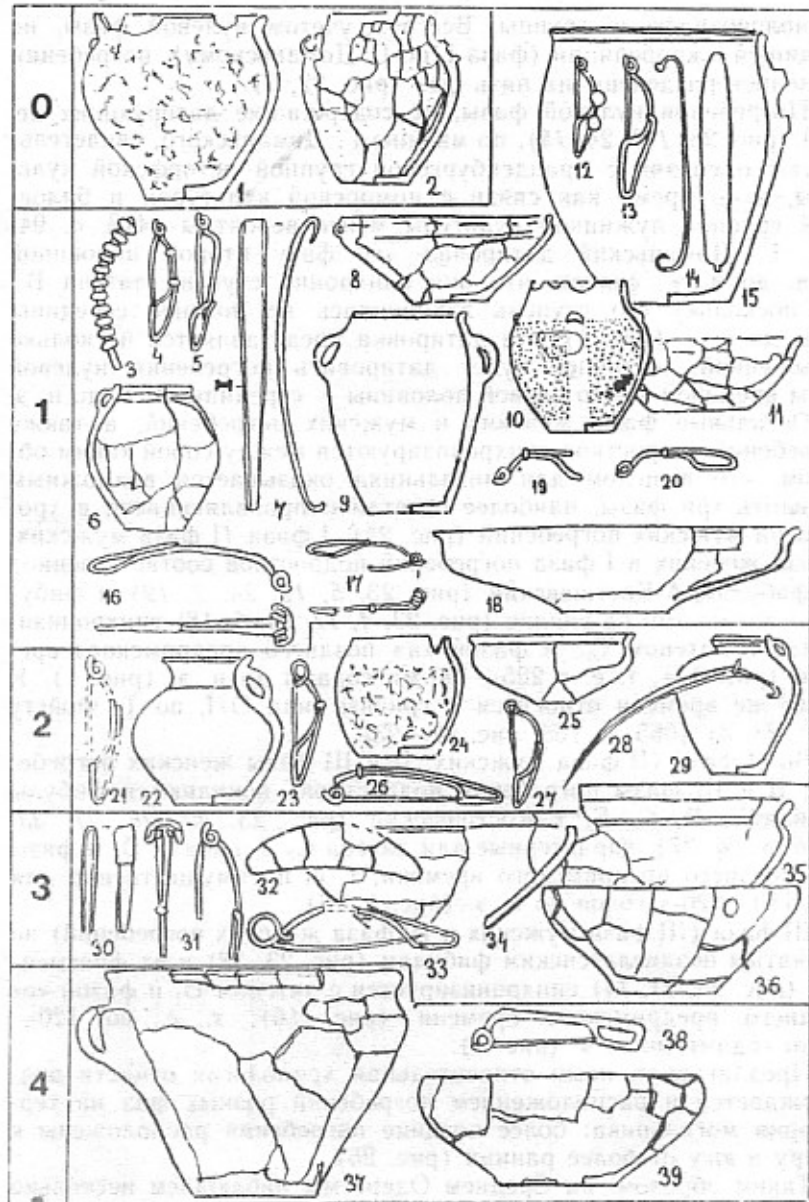

Рис. 23. Хронология женских погребений могильника Любошнице.

1 — п. 112, 2 — п. 103, 3-4 — п. 127, 5, 7-8 — п. 153, 6, 16-17 — п. 106, 9 — п. 138, 10-11 — п. 172, 12-15 — п. 128, 18 — п. 67, 19-20 — п. 161, 21-22 — п. 17, 23-25 — п. 186, 26-29 — п. 189, 30 — п. 2, 31, 34 — п. 45, 32-33, 35 — п. 139, 36 — п. 43, 37 — п. 155, 38-39 — п. 60.

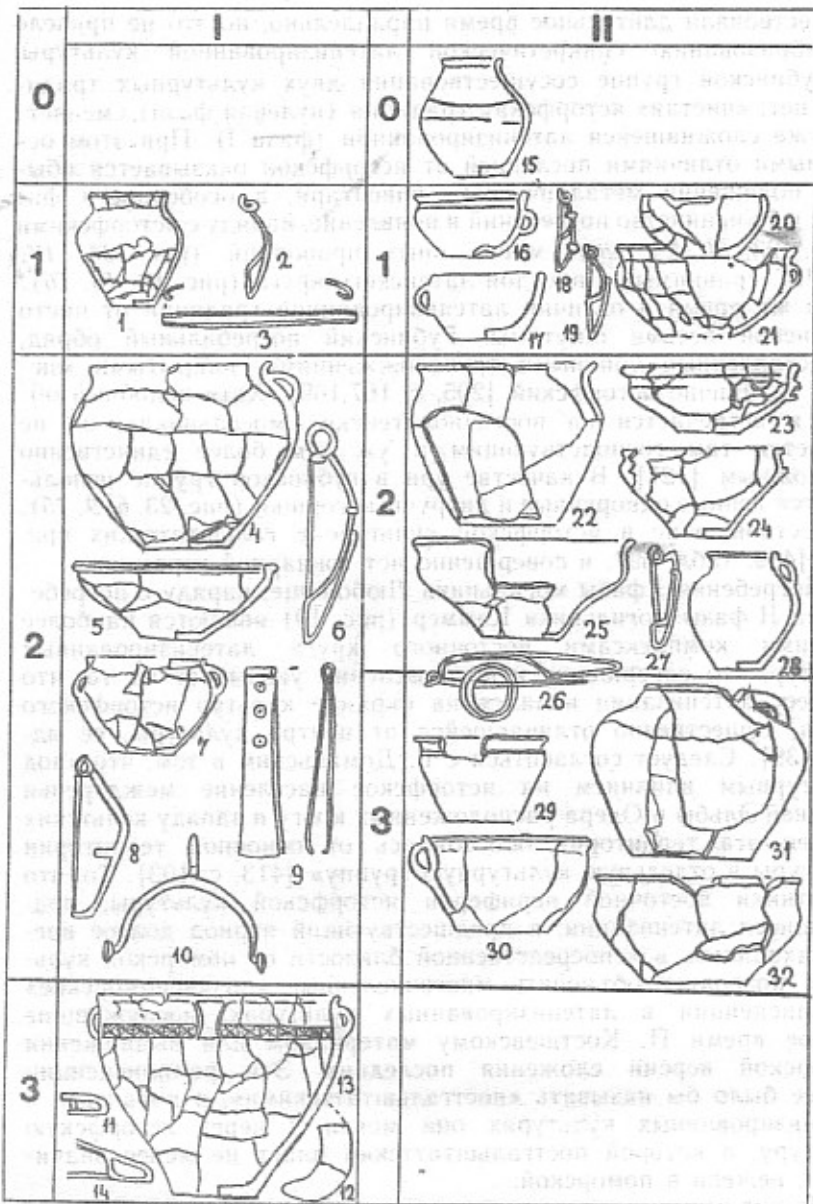

Рис. 24. Хронология мужских погребений (I) и погребений подростков (II) могильника Любошице.

1-3 — п. 148, 4-5 — п. 71, 7-8 — п. 165, 9-10 — п. 185, 11-12 — п. 68, 13-14 — п. 191, 15 — п. 108, 16-18 — п. 135, 19-21 — п. 118, 22, 25 — п. 28, 23-24, 26 — п. 141, 27-28 — п. 171, 29 — п. 25, 30 — п. 104, 31-32 — п. 59.

существовали длительное время параллельно, но это не привело к образованию синкретической латенизированной культуры. В губинской группе сосуществования двух культурных традиций нет: «чистая» ясторфская традиция (нулевая фаза) сменяется уже сложившейся латенизированной (фаза I). При этом основными отличиями последней от ясторфской оказывается обычай положения металлического инвентаря, в особенности фибул, в большинство погребений и появление, наряду с ясторфскими (рис. 23, 8, 24, 20), мисок иных пропорций (рис. 23, 18, 24, 21), сравнимых с посудой латенского круга (рис. 18, 15, 16). В то же время и отличия латенизированной традиции от чисто латенской весьма ощутимы. Губинский погребальный обряд, представленный урновыми трупосожжениями, накрытыми миской, — типично ясторфский [205, с. 167, 169]. Хотя подобный обряд и встречается на восточнолатенских могильниках, он не является там господствующим и уж тем более единственно возможным [127]. В качестве урн в губинской группе используются лепные одноручные и двуручные горшки (рис. 23, 6, 9, 15), существовавшие в ясторфской культуре с гальштаттских времен [459, табл. 69], и совершенно нет гончарной керамики.

Погребения I фазы могильника Любошице, наряду с погребениями II фазы могильника Каммер (рис. 19) являются наиболее ранними комплексами восточного круга латенизированных культур, что совершенно недвусмысленно указывает на то, что процесс латенизации начался на окраине культур ясторфского круга, существенно отличавшейся от центра культуры, ее ядра [439]. Следует согласиться с Г. Доманьским в том, что «под культурным влиянием на ясторфское население междуречья Средней Эльбы и Одера расположенных к югу и западу кельтских племен эта территория обособилась от основной территории культуры в отдельную культурную группу» [413, с. 103]. То, что памятники восточной периферии ясторфской культуры, подвергшиеся латенизации, в предшествующий период долгое время находились в непосредственной близости от поморской культуры, позволяет объяснить многочисленные «позднепоморские» реминисценции в латенизированных культурах, послужившие в свое время Я. Костшевскому материалом для выдвижения поморской версии сложения последних. Эти реминисценции точнее было бы называть «постгальштаттскими», а появиться в латенизированных культурах они могли и через ясторфскую культуру, в которой постгальштаттский пласт не менее значителен, нежели в поморской.

По-видимому, процессы, аналогичные тем, что привели к сложению губинской группы, происходили на достаточно обширной

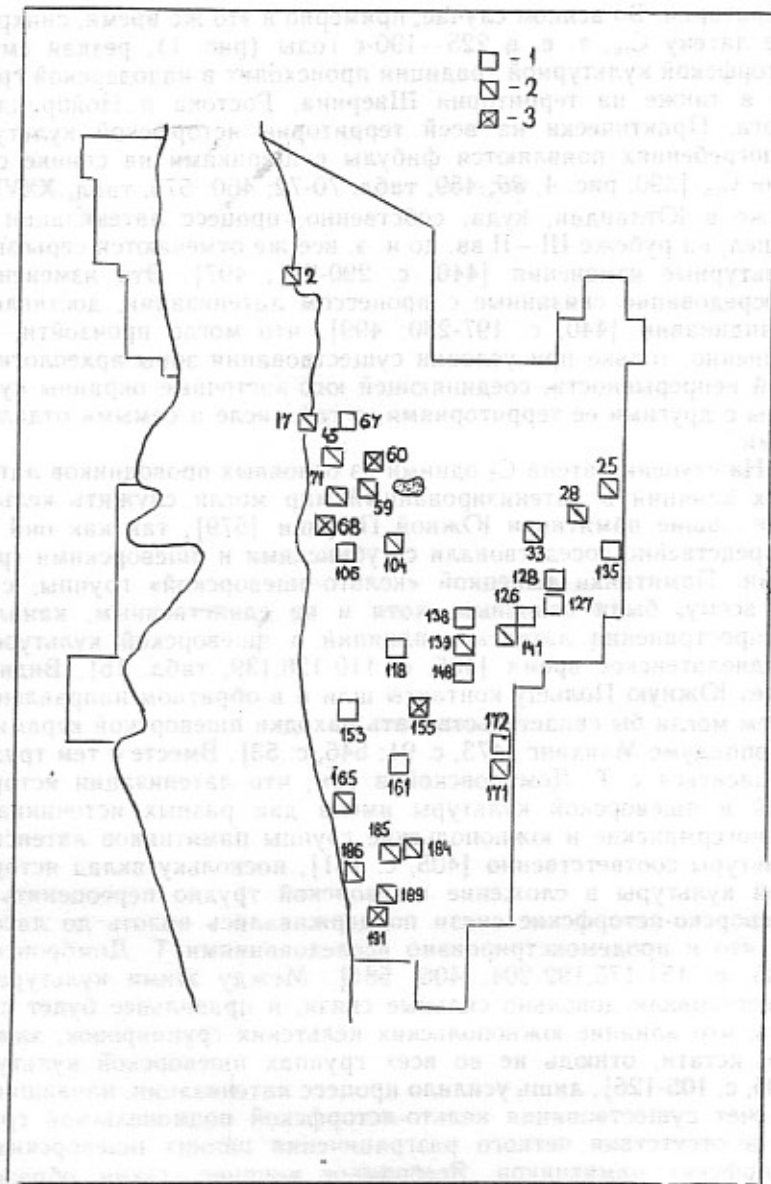

Рис. 25. Горизонтальная стратиграфия могильника Любовице.

1 — погребения I фазы, 2 — погребения II фазы, 3 — погребения III фазы

территории. Во всяком случае, примерно в это же время, синхронное латену C_{1b} , т. е. в 225—190-е годы (рис. 1), резкая смена ясторфской культурной традиции происходит в надодерской группе, а также на территории Шверина, Ростока и Нойбранденбурга. Практически на всей территории ясторфской культуры в погребениях появляются фибулы с шариками на спинке ступени C_{1b} [390, рис. 4, 30; 459, табл. 70-72; 460; 575, табл. XXVII]. Даже в Ютландии, куда, собственно, процесс латенизации не дошел, на рубеже III—II вв. до н. э. все же отмечаются серьезные культурные изменения [440, с. 290-291; 497]. Эти изменения, опосредованно связанные с процессом латенизации, достигли и Скандинавии [440, с. 197-230; 499], что могло произойти, несомненно, только при условии существования зоны археологической непрерывности, соединяющей юго-восточные окраины культуры с другими ее территориями, в том числе и самыми отдаленными.

На ступени латена C_2 одними из основных проводников латенских влияний в латенизированный мир могли служить кельты, оставившие памятники Южной Польши [579], так как они непосредственно соседствовали с губинскими и пшеворскими группами. Памятники тынецкой «кельто-пшеворской» группы, судя по всему, были основным, хотя и не единственным, каналом распространения латенских влияний в пшеворской культуре в позднелатенское время [405, с. 110-126, 139, табл. 15]. Видимо, через Южную Польшу контакты шли и в обратном направлении, о чем могли бы свидетельствовать находки пшеворской керамики на оплудуме Манхинг [473, с. 91; 546, с. 53]. Вместе с тем трудно согласиться с Т. Домбровской в том, что латенизация ясторфской и пшеворской культуры имела два разных источника — южногерманские и южнопольские группы памятников латенской культуры соответственно [405, с. 151], поскольку вклад ясторфской культуры в сложение пшеворской трудно переоценить, а пшеворско-ясторфские связи поддерживались вплоть до латена D_2 , что и продемонстрировано исследованиями Т. Домбровской [405, с. 151-175, 192-204; 406; 581]. Между этими культурами существовали, довольно сильные связи, и правильнее будет считать, что влияние южнопольских кельтских группировок, заметное, кстати, отнюдь не во всех группах пшеворской культуры [405, с. 105-126], лишь усилило процесс латенизации, начавшийся за счет существования кельто-ясторфской подмогельской группы и отсутствия четкого разграничения ранних пшеворских и ясторфских памятников. Ясторфское влияние, таким образом, могло служить проводником латенизированных традиций в пшеворскую культуру, и наоборот.

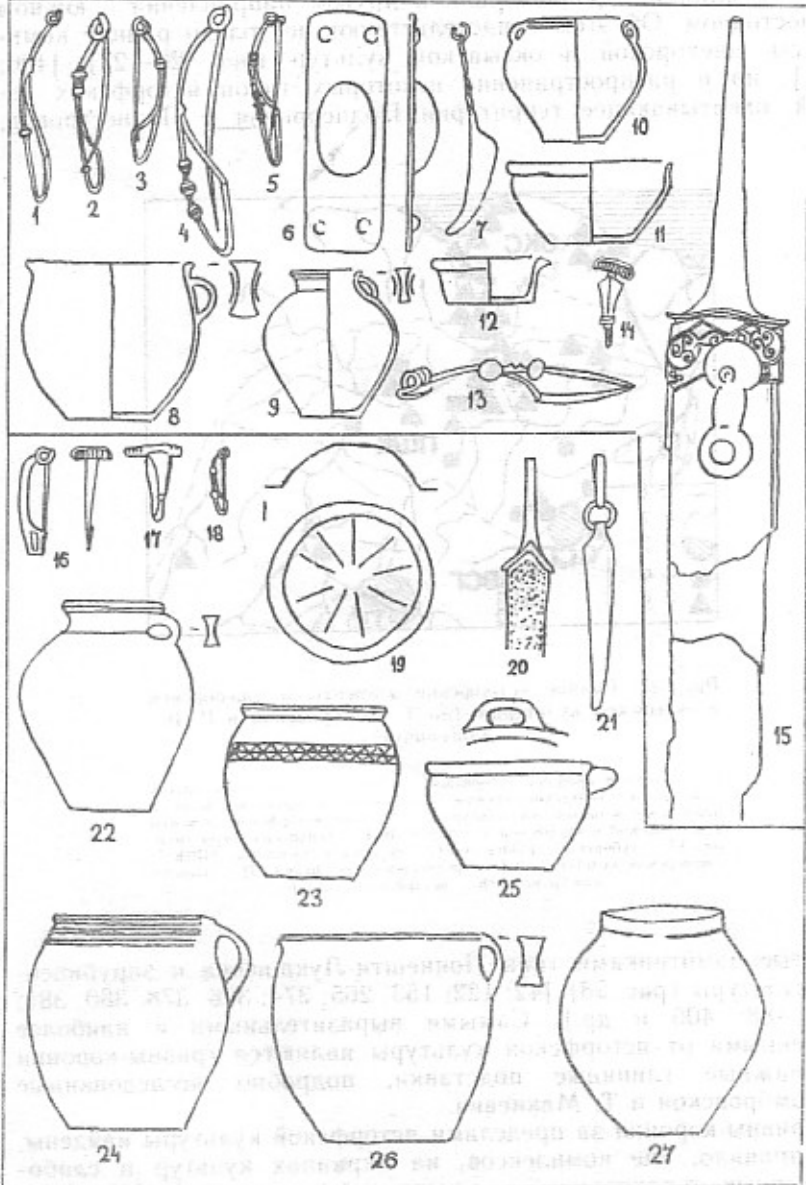

Рис. №26. Ранние датированные вещи пшеворской (1—15) и окешевской (16—17) культур (по Т. Домбровской и Р. Воладевичу).

Это влияние проявилось и в другом направлении — южном и восточном. Об этом свидетельствуют не только ранние комплексы пшеворской и оксывской культур (рис. 26–27) [406; 574], но и распространение некоторых типов ясторфских вещей, охватывающее территории Поднепровья и Поднестровья.

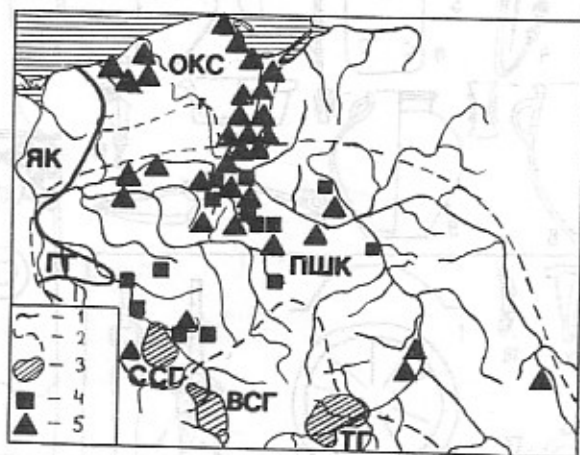

Рис. 27. Ранние ясторфские элементы в пшеворской и оксывской культурах (по Т. Домбровской и Р. Воллашгену)

1 — восточная граница ясторфской культуры, 2 — границы других культур, 3 — кельтские группы, 4 — ранние ясторфские элементы в пшеворской и оксывской культурах, 5 — ранние ясторфские элементы в пшеворской и оксывской культурах, ВТ — зарубинецкая группа, ПШК — пшчокская группа, ОКС — оксывская культура, ПШК — пшеворская культура, ССГ — сарматская группа, Д — дачская группа, ЯК — якорская культура.

заняты памятниками типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры (рис. 28) [42; 122; 153; 265; 374; 376; 378; 380; 381; 487; 488; 406 и др.]. Самыми выразительными и наиболее удаленными от ясторфской культуры являются гривны-коронки и очажные глиняные подставки, подробно исследованные Т. Домбровской и Т. Макиевич.

Гривны-коронки за пределами ясторфской культуры найдены, как правило, вне комплексов, на окраинах культур и слабо-заселенных территориях, в реках и болотах (рис. 28) [405, с. 181–182], что позволяет делать предположения об их сакраль-

ном характере и связи с какими-то неизвестными нам обрядами, сопровождавшими переселения или походы в дальние страны. Те экземпляры, которые найдены в закрытых комплексах, а их за пределами ясторфской культуры всего четыре, из которых только два документированы, трудно поддаются культурной атрибуции: керамика, найденная в этих комплексах, не находит точных соответствий ни в одной из известных культур позднего предримского времени. Хронология этих комплексов вряд ли выходит за пределы фаз А₁ и А₂ пшеворской культуры [405, с. 181-185]. Можно предположить, что гривны-коронки принадлежали немногочисленной прослойке варварского общества, выполнявшей сакральные действия [405, с. 202-204] — наподобие друидов Кельтики. Своеобразным центром деятельности этой прослойки могла быть Ютландия, где обнаружено большинство гривен и бронзовые котлы гюндеструпского стиля, интерпретируемые как вотивные посвящения божествам [449; 511]. Косвенно это предположение подтверждается Страбоном, рассказывающим о кимврах, населявших Ютландию, следующее: «С обнаженными мечами жрицы бежали навстречу пленным, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду» [307, VII, 2, 3]. Особый социальный статус жреческой прослойки, по-видимому, обуславливал и особую, отличную от рядовых варваров разновидность тех предметов, которые сопровождали их погребения: они, как показывает, например, погребение в Двикуз, впитывали в себя традиции сразу нескольких культур [405, рис. 14, с. 182].

Ранняя дата очажных подставок, широко распространенных в эллинистическом мире и в Дакии, с одной стороны, и в ясторфской культуре на территории Дании — с другой [487—488], определяется комплексом ямы из Боросенги, в которой обнаружена греческая керамика III—II вв. до н. э., и рядом пшеворских комплексов фаз А₁ и А₂. Поздние варианты подставок доживают до римского времени [405, с. 186-188]. Относить те из них, которые обнаружены на позднескифских и юхновских памятниках, к ясторфскому влиянию можно лишь с оговоркой, что часть из них может оказаться по происхождению и результатом влияния эллинистического, так как подробное исследование типологии и хронологии этих находок пока не произведено.

Таким образом, ясторфское влияние «периода становления цикла латенизированных культур» проникало далеко на юг и восток и охватывало практически все территории, занятые впоследствии этими культурами. Именно оно и могло служить проводником распространения процесса латенизации на самые отдаленные области, включая Поднепровье и Поднестровье.

Нельзя не отметить, что внимание исследователей, занимающихся происхождением двух самых отдаленных от ясторфской периферии культурных групп — памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры, давно уже привлекают и окраинные ясторфские памятники, сходство с материалами которых поянешти-лукашевских и зарубинецких находок трудно не заметить. Первым в связи с зарубинецкой культурой на ясторфские памятники обратил внимание П. Рейнеке [528]. Позднее К. Такенберг и Д. А. Мачинский, а вслед за ними М. Бабеш связали с ясторфской культурой происхождение памятников типа Поянешти-Лукашевка [182; 183; 375; 554]. К. В. Каспарова убедительно продемонстрировала близость материалов ранних зарубинецких погребений материалам II фазы могильника Любощице, по Г. Доманьскому [122, с. 69-78], правда, при сохранении тезиса о поморском происхождении зарубинецкой культуры. Но эти сравнения убедили далеко не всех, что произошло во многом из-за отсутствия общепринятой хронологии поянешти-лукашевских и зарубинецких памятников, которая была бы сопоставима с хронологией позднего предримского времени и латена. Поэтому мы вновь обратимся к исследованию ранних комплексов самых восточных латенизированных культур и попытаемся, опираясь на работы предшественников [125; 174; 175; 183; 225; 239; 255-257; 377 и др.], уточнение латенской хронологии (рис. 1) и хронологии позднего предримского времени (рис. 16), а также применяя корреляционные методы, выявить этапы сложения этих культур и изучить соотношение культурных компонентов в них на разных этапах.

4. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ ТИПА ПОЯНЕШТИ-ЛУКАШЕВКА

Памятники типа Поянешти-Лукашевка, открытые в послевоенные годы [327; 328, с. 15-31; 566], в последнее время вызывают повышенный интерес в связи с дискуссией об их отноше-

Рис. 28. Карта распространения ранних ясторфских элементов на памятниках восточного цикла латенизированных культур (по Т. Домбровской, Р. Волангевичу, М. Бабеш с дополнениями автора). ЗБК — зарубинецкая культура, ОКС — оксинская культура, ППЛ — памятники типа Поянешти-Лукашевка, ПНК — пшеворская культура, ЯК — Ясторфская культура.

1 — границы культур, 2 — кельтские
1 — Гелашти, 2 — Давидены, 3 — Тубучаны, 4 — Дашев, 5 — Залесье, 6 — Ульвинок, 7 — Соснинский уезд, 8 — ур. Гребли, 9 — ур. Кашиное, 10 — ур. Махоньково, 11 — Приморск, 12 — Лохштаг, 13 — Велемичи, 14 — Поянешти, 15 — Вольковцы, 16 — Ботошана, 17 — Бирюссия, 18 — Лукашевка, 19 — Отвержичи.

нии к бастарнам [122; 183; 236; 239; 375; 377 и др.]. Единого мнения о том, какие памятники Днестро-Серетского междуречья отнести к поянешти-лукашевским, нет. Г. Б. Федоров и М. А. Романовская считают поянешти-лукашевскими все памятники II—I вв. до н. э., выделяя их в особый этап развития гетской культуры [274; 276; 328, с. 14-15]. С. П. Пачкова, отчасти соглашаясь с ними, относит к поянешти-лукашевским только памятники, имеющие гетские черты [236, с. 50; 237]. Но в могильниках Поянешти и Лукашевка, давших название культурной группе, нет никаких черт, характерных исключительно для гетской культуры². Значит, их нельзя относить к памятникам типа Поянешти-Лукашевка. Логическая ловушка, в которую мы попадаем, следуя С. П. Пачковой, показывает, что критерий выделения поянешти-лукашевских памятников выбран ею неудачно. Мы считаем, что к этим памятникам следует относить все те, на которых отмечены северо-западные (ясторфско-губинские) черты [ср. 405, с. 176-177], в том числе поселение Горошева [232] и могильник Долиняны [296]. Именно эти черты определяют культурное своеобразие поянешти-лукашевских памятников, в то время как наличие гетской керамики на селищах следует признать второстепенным признаком, по которому культурную группу можно разделить на два варианта: содержащие гетские элементы («южный» вариант) и не содержащие таковых («северный» вариант). Но границы между вариантами из-за отсутствия гетских элементов на всех могильниках, в том числе и южных, оказываются условными [375, рис. 4].

Основой для построения относительной и абсолютной хронологии поянешти-лукашевской культурной группы, сопоставимой с хронологией других культур позднего предримского времени, может стать изучение хронологии могильников Поянешти, Лукашевка и Долиняны с помощью корреляционных методов. К сожалению, разделение погребений по половозрастным группам затруднено по причине отсутствия антропологических определений остатков сожжений и малого количества в погребениях тех вещей, с помощью которых можно диагностировать пол погребенных. Поэтому приходится исследовать хронологию могильников без разделения на группы по полу и возрасту.

² Достоверное смешение латенизированных и гетских компонентов в погребении представлено лишь в труположении в Тоткомлош, где обнаружены две фибулы с треугольным щитком V варианта, бронзовый браслет и гетский груболопной горшочек с тремя налепами в виде шишечек [553]. Но это погребение относится уже к I в. н. э. и расположено далеко за пределами территории, занятой памятниками типа Поянешти-Лукашевка.

Для всех трех могильников нами выделены хронологические индикаторы, т. е. типы вещей, участвующие в корреляции (рис. 29). Корреляция типов вещей для выявления относительной хронологии произведена тем же способом, что и при исследовании хронологии могильника Любошине.

Погребения могильника Поянешти удалось разбить на три фазы (рис. 30, 1). Первая из них по фибулам с шариками на стержне (рис. 31, 2, 6, 17) синхронизируется с латеном C_{1b} и фазой «а» позднего предримского времени (рис. 16), т. е. с 225-190-ми годами до н. э. (рис. 1). Интересны находки в погребениях этой фазы фибул типа Каммер (рис. 31, 13) и Орнавассо (рис. 31, 8), достаточно редких для восточных латенизированных групп [440, табл. 2, 45, 46; 120, с. 83-84], а также горшков с круговым уступом (рис. 31, 1, 12, 18), иногда украшенных типично ясторфским орнаментом в виде налепов-подковок и расчесов. Все эти типы вещей, а также поясные крючки (рис. 31, 7, 11, 15) находят аналоги в ясторфской культуре [440, табл. 2, 45, 26; 460; 543, табл. 22, 12, табл. 25, 7, 13; 562, рис. ID.I, 2, рис. IE, 1, рис. IF.I, 5]. Найдены золотостеклянные бочонковидные бусы (рис. 31, 4) свидетельствуют о связях с Северным Причерноморьем [6, рис. 10, табл. 26, 2, 3]. Горшок из погребения 339 (рис. 31, 5) является сосудом-керносом, свидетельствующим о существовании обрядов, связанных с земледельческим культом [11]. Близкие, но не идентичные по форме сосуды известны в пшеворской культуре [509, рис. 216].

В погребениях 2-ой фазы, по фибулам В-Костшевский и их фрагментам (рис. 30, 1, 8) соотносимой с латеном C_2 и фазой «b» позднего предримского времени (рис. 16), также есть вещи античного происхождения — бусина из гагата (рис. 31, 21) и синие бусы с белыми глазками и волнами (рис. 31, 30, 31) III—II вв. до н. э. [6, табл. 32, 22, 24, рис. 14, с. 37]. Появляются и новые вещи северного происхождения, например, бритва с кольцевой ручкой (рис. 31, 32), аналог которой известен в губинских древностях [465, рис. 7, y, z], кувшины с иксовидной ручкой и цилиндрической шейкой (рис. 31, 26) пшеворского облика, характерные для Верхней Эльбы и Северной Ютландии [498, табл. V; 518, рис. 2].

В фазе 3, также синхронизирующейся с латеном C_2 и фазой «b» позднего предримского времени по фибулам В-Костшевский (рис. 16, рис. 31, 33, 43), начинают преобладать погребения в высоких мисках, накрытых низкими (рис. 31, 34-37, 41-42) с иксовидными ручками, которые появились еще в фазе 2 (рис. 31, 24-25, 28-29).

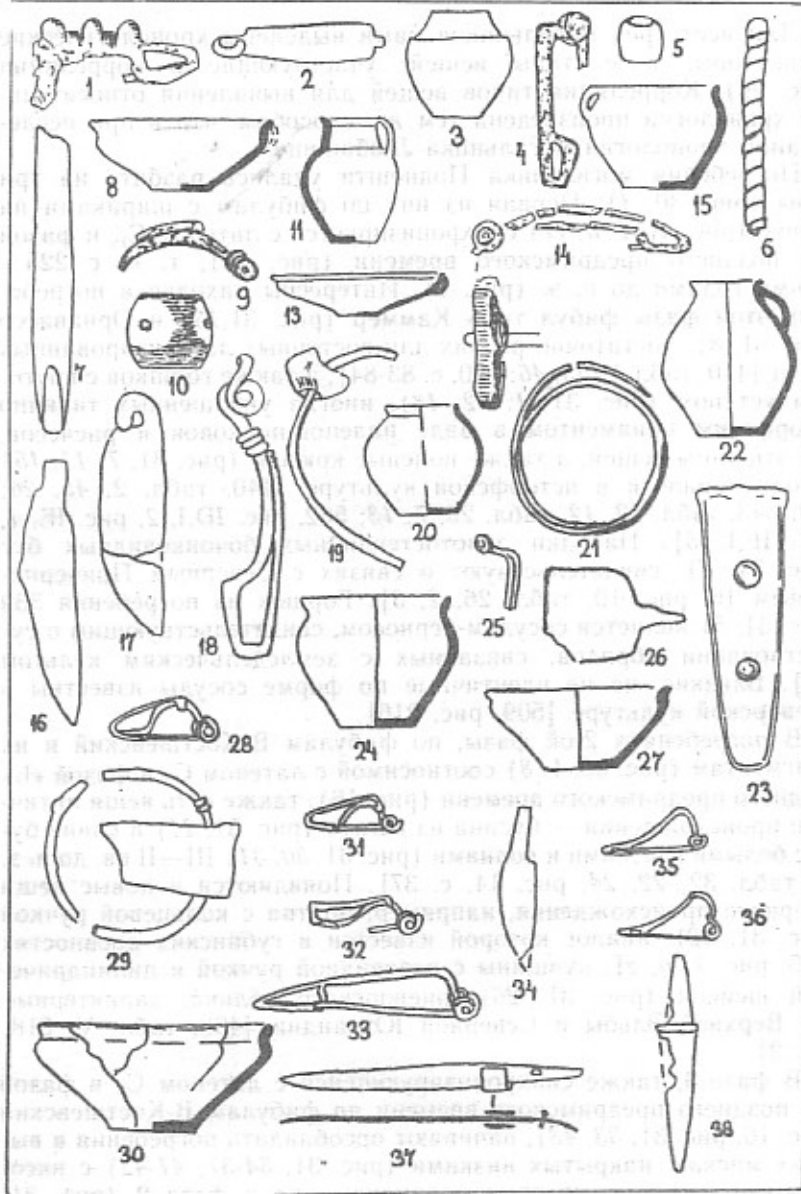

Рис. 29. Хронологические индикаторы могильников Поянешти, Дукешенка и Долиняны.

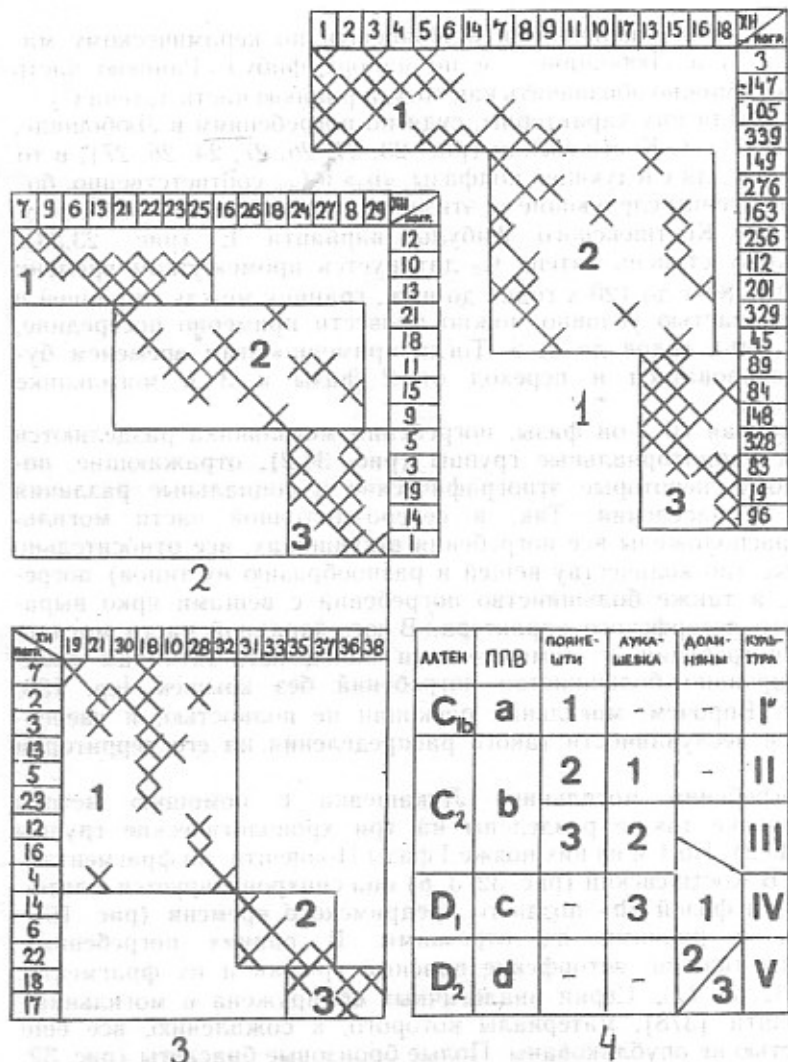

Рис. 30. Хронология могильников Поянешти (1), Лукашевка (2) и Долиняны (3). Общая хронология могильников типа Поянешти-Лукашевка (4) (номера XII соответствуют номерам из рис. 29).

Таким образом, на могильнике Поянешти, как и в женских погребениях и погребениях подростков могильника Любошице (рис. 28—24), обнаруживается деление погребений, синхронных латену C₂ и фазе «b» позднего предримского времени, на две

подфазы. Они различаются в Поянешти по керамическому материалу, а в Любошице — и по лабору фибул. Раннюю часть фазы «b» можно обозначить как «b₁», а раннюю часть латена C₂ как C_{2a}. Для них характерны, судя по погребениям в Любошице, фибулы В и С-Костшевский (рис. 23, 21, 26, 27, 24, 26, 27), в то время как для следующей подфазы «b₂» и C_{2b}, соответственно, более характерны следующие за этими вариантами в типологическом ряду И. Костшевского фибулы варианта Е (рис. 23, 33). Поскольку ступень латена C₂ датируется промежутком времени: от 200—180-х до 120-х годов до н. э., границу между ее ранней и поздней частью условно можно провести примерно посередине, около 150-х годов до н. э. Тогда примерно этим временем будет датироваться и переход от 2 фазы к 3 в могильнике Поянешти.

Начиная со 2-ой фазы, погребения могильника разделяются на две территориальные группы (рис. 34, 2), отражающие, по-видимому, некоторые этнографические и социальные различия древнего населения. Так, в северо-восточной части могильника расположены все погребения в кувшинах, все относительно богатые (по количеству вещей и разнообразию их типов) погребения, а также большинство погребений с вещами ярко выраженного ясторфского характера. В юго-западной части могильника погребений с этими вещами почти нет, зато там сконцентрировано большинство погребений без крышек [ср. 183, с. 85]. Впрочем, могильник раскопан не полностью, и уверенности в неслучайности такого распределения на его территории нет.

Погребения могильника Лукашевка с помощью метода П. Рейнеке также разделены на три хронологические группы (рис. 30, 2). Но 1-я из них позже I фазы Поянешти: по фрагментам фибул В-Костшевский (рис. 32, 3, 6) она синхронизируется с латеном C₂ и фазой «b» позднего предримского времени (рис. 16), точнее, с ранними их отрезками. В ранних погребениях найдены типично ясторфские поясные крючки и их фрагменты (рис. 32, 8, 11). Серия аналогичных обнаружена в могильнике Боросешти [378], материалы которого, к сожалению, все еще полностью не опубликованы. Полые бронзовые браслеты (рис. 32, 7) близки кельтским [422, рис. 103; 572, рис. 5D, с. 118] и браслетам из Прибалтики [347, с. 56-57, рис. 11, 3].

Фаза 2 могильника Лукашевка, судя по фрагментам средне-латенских фибул (рис. 32, 15, 26), также синхронизируется с латеном C₂ и фазой «b» позднего предримского времени (рис. 16), но скорее уже с поздними их отрезками. Погребения этой фазы отличаются от предшествующих отсутствием кувшинов и изме-

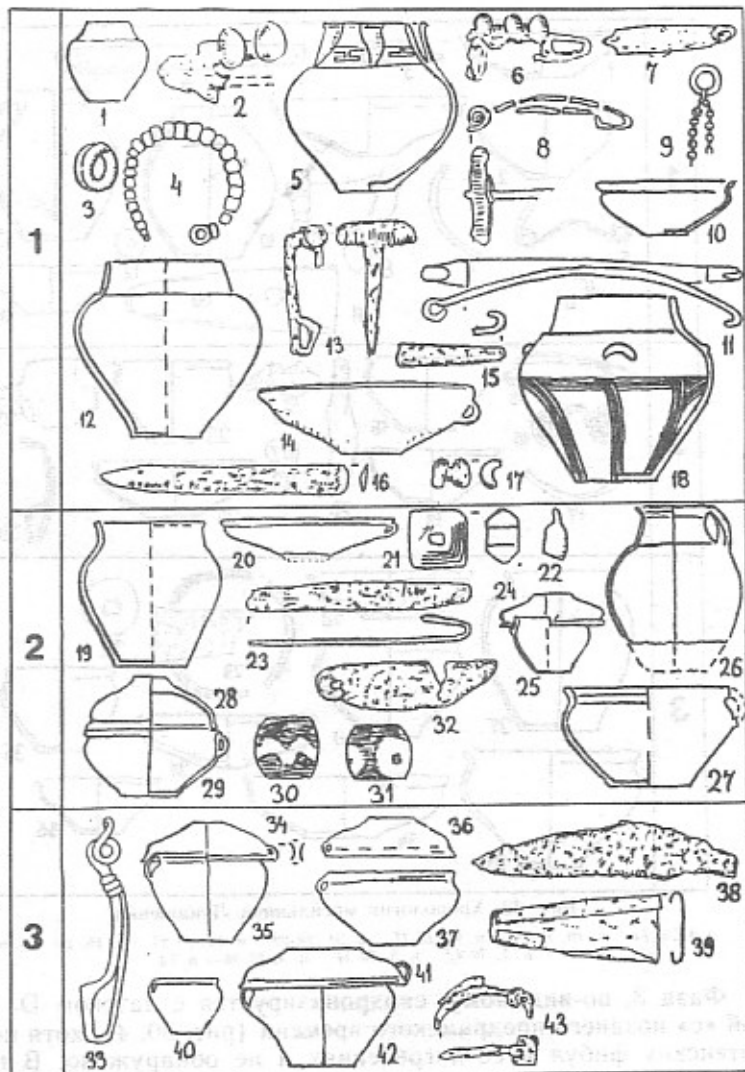

Рис. 31. Хронология могильника Повунечти.

1-4 и 3, 5-11 и 339, 12-15 и 147, 16-18 и 105, 19-23 и 139, 24-25 и 256, 26-27 и 15, 28-31 и 163, 32 и 329, 33 и 96, 34-35 и 328, 36-37 и 89, 38-40 и 83, 41-43 и 148

нением форм керамики. Интересна находка очковидной привески (рис. 32, 16) — весьма характерной детали кельто-иллирийского погребального обряда [127, с. 67—68]. Впрочем, круг аналогов этих изделий достаточно широк [86].

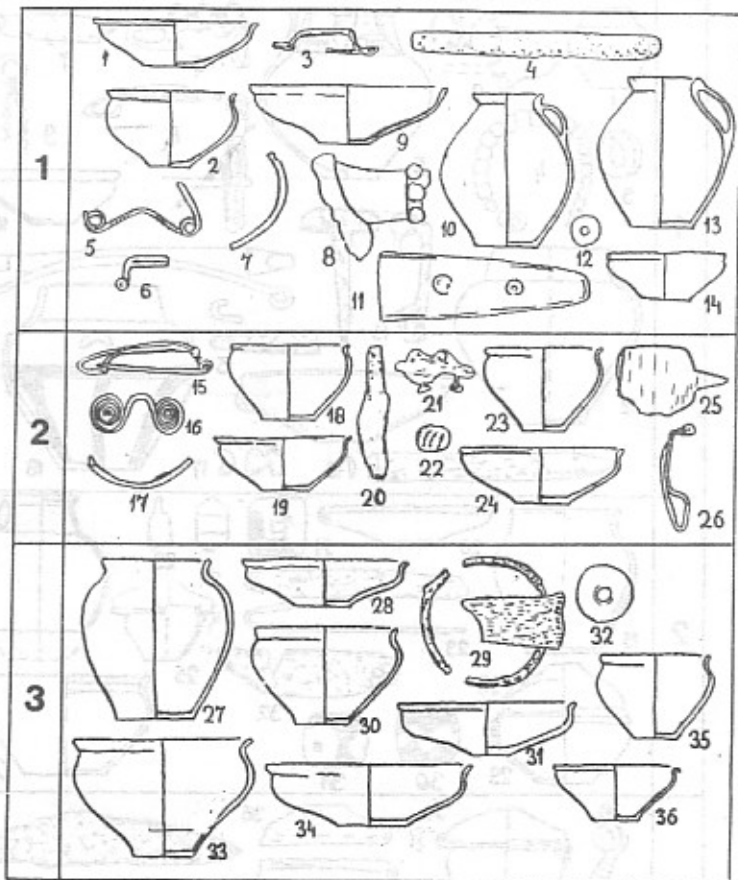

Рис. 32. Хронология могильника Лукашевка.

1-4 п. 12, 5-11 п. 10, 12-14 п. 13, 15-17 п. 21, 18-22 п. 11, 23-25 п. 15, 26 п. 9, 27-29 п. 1, 30-32 п. 5, 33-34 п. 3, 35-36 — п. 14.

Фаза 3, по-видимому, синхронизируется с латеном D₁ и фазой «с» позднего предримского времени (рис. 30, 4), хотя позднелатенских фибул в ее погребениях и не обнаружено. В пользу такой датировки свидетельствуют лишь подграненность венчиков сосудов, а также обособленное расположение погребений этой фазы на территории могильника (рис. 34, 1).

Погребения могильника Долиняны разделены на три фазы (рис. 30, 3). Первая из них по фибулам В и D/E-Костшевский (рис. 33, 1, 5, 10, 17) синхронизируется со второй половиной латена С₂ и латеном D₁ (рис. 16), т. е. преимущественно с фазами

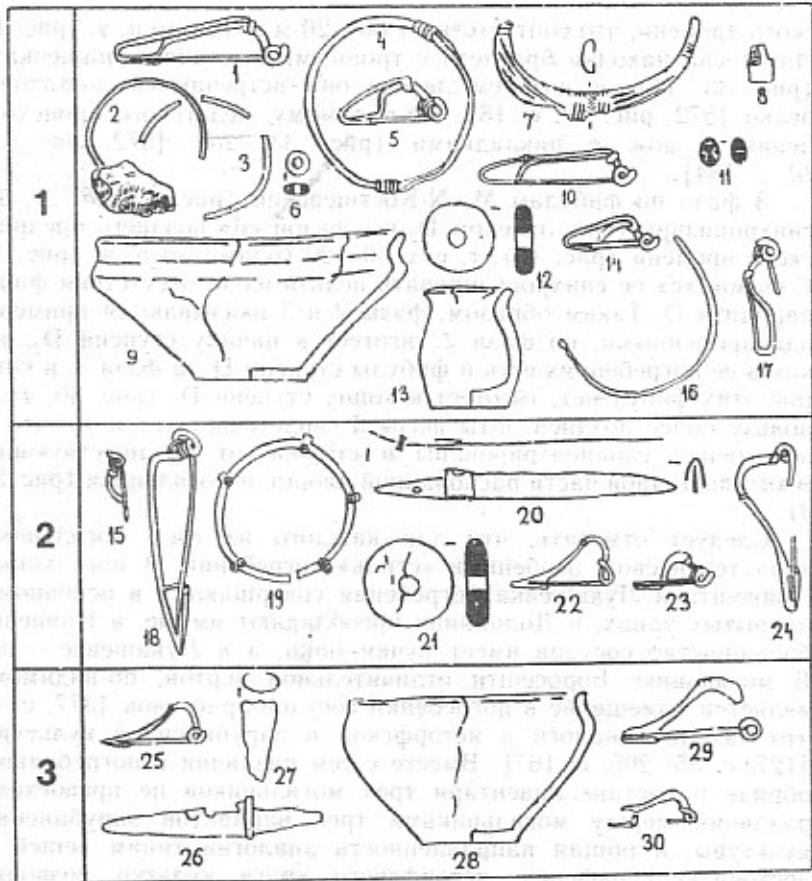

Рис. 33. Археология могильника Долговина

1-3 - в 7, 19 и 2, 10, 11 - в 13, 11 - в 16, 15 - в 11, 16, 15 - в 3, 18 - в 6, 19, 21 - в 22, 2 - в 17, 26, 30 - в 18

«b₂» и «с» позднего предримского времени, что соответствует 150—60-м годам до н. э. (рис. 1). Миниатюрный сосуд и миска (рис. 33, 9, 13) близки зарубинцевским, но разнообразие типов фибул, отсутствие фибул с треугольным щитком указывает на связи скорее в северо-западном, а не северо-восточном направлении [237].

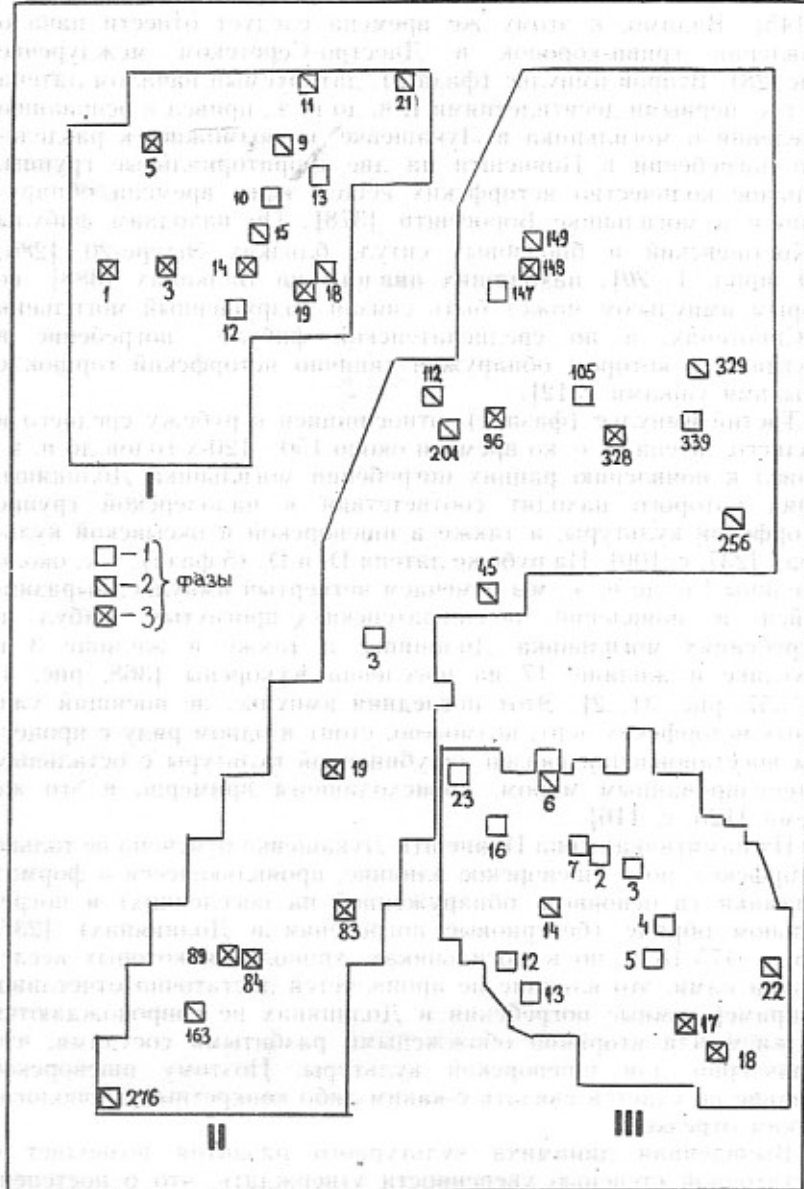
Фаза 2 по фибулам вариантов I, G/H, позднелатенской рамчатой (рис. 33, 15, 18) и сочетанию фибул M, N и G/H (рис. 33, 22-24) синхронизируется с концом ступени D₁ и ступенью D₂ (рис. 16), т. е. преимущественно с фазой «d» позднего предрим-

ского времени, что соответствует 60—20-м годам до н. э. (рис. 1). Интересна находка браслета с тройными выступами-пиночками (рис. 33, 19): в позднем латене они встречаются достаточно редко [572, рис. 10, с. 18]. По-видимому, кельтского происхождения и — по ж с накладками (рис. 33, 20) [572, рис. 13, 10, с. 184].

3 фаза по фибулам М, N-Костшевский (рис. 33, 25, 29, 30) синхронизируется с латеном D₂ и с фазой «d» позднего предримского времени (рис. 16), т. е. с 60—20 годами до н. э. (рис. 1). С фазой «e» ее синхронизировать нельзя из-за отсутствия фибул варианта O. Таким образом, фазы 2 и 3 оказываются примерно одновременными, но фаза 2 тяготеет к началу ступени D₂, так как в ее погребениях есть и фибулы ступени D₁, а фаза 3, в которой этих фибул нет, тяготеет к концу ступени D₂ (рис. 30, 4). В пользу более поздней даты фазы 3 свидетельствует и то, что ее погребения сконцентрированы в стороне от предшествующих, в юго-восточной части раскопанной площади могильника (рис. 34, 3).

Следует отметить, что для каждого из трех могильников характерен свой, особенный «стиль» погребений. В могильниках Поянешти и Лукашевка погребения совершаются в основном в накрытых урнах, в Долинянах преобладают ямные, в Поянешти большинство сосудов имеет ручки-ушки, а в Лукашевке — нет. В могильнике Боросешти отличительной чертой, по-видимому, является помещение в погребения сосудов-приставок [377, с. 4], что находит аналоги в ясторфской и зарубинецкой культурах [127, с. 55; 205, с. 167]. Вместе с тем различия в погребальном обряде и составе инвентаря трех могильников не превосходят различий между могильниками трех вариантов зарубинецкой культуры, а общая направленность аналогий типам вещей на восточную периферию ясторфского круга культур позволяет сделать вывод о том, что появление памятников типа Поянешти-Лукашевка в междуречье Днестра и Серета — результат единого процесса, активизировавшегося в одни временные промежутки и затухавшего в другие [429, с. 202].

При анализе общей хронологической картины развития могильников (рис. 30, 4) отчетливо выделяются несколько фаз этого процесса. С помощью этой общей для культурной группы периодизации мы можем достаточно точно датировать наиболее сильные культурные импульсы с северо-запада, с территории, занятой периферийными ясторфскими группами. Первый из них привел к закладке в последней трети III в. до н. э. могильника Поянешти (фаза I) и, возможно, поселения Горошева, ранняя дата которого определяется лигнитовым браслетом ступени C₁ [336,

• Рис. 34. Горизонтальная стратиграфия могильников Поянешти, (II), Лукашевка (I), Долиняны (III).

с. 145]. Видимо, к этому же времени следует отнести начало появления глин-корюшек в Днестро-Серетском междуречье (рис. 28). Второй импульс (фаза 2), датируемый началом латена C₂, т. е. первыми десятилетиями II в. до н. э., привел к основанию поселения и могильника в Лукашевке и, возможно, к разделению погребений в Поянешти на две территориальные группы. Большое количество ясторфских вещей этого времени обнаружено и в могильнике Боросешти [378]. По находкам фибулы В-Костшевский и бронзовых ситул, близких Эггерс-20 [286; 120, прил. 1, 20], находящих аналоги на Балканах [388], со вторым импульсом может быть связан разрушенный могильник в Синотенах, а по среднелатенской фибуле погребение в Круглике, в котором обнаружен типично ясторфский горшок с четырьмя ушками [312].

Третий импульс (фаза 4), относящийся к рубежу среднего и позднего латена, т. е. ко времени около 150—120-х годов до н. э., привел к появлению ранних погребений могильника Долиняны, обряд которого находит соответствия в наддерской группе ясторфской культуры, а также в пшеворской и оксывской культурах [237, с. 100]. На рубеже латена D₁ и D₂ (5 фаза), т. е. около середины I в. до н. э., мы отмечаем четвертый импульс, выразившийся в появлении позднелатенских прогнутых фибул в погребениях могильника Долиняны, а также в жилище 3 в Круглике и жилище 17 на поселении Кукорены [368, рис. 4, 26; 557, рис. 31, 2]. Этот последний импульс, не несущий уже явных ясторфских черт, возможно, стоит в одном ряду с процессом восстановления связей зарубинцевской культуры с остальным латенизированным миром, происходившим примерно в это же время [125, с. 116].

На памятниках типа Поянешти-Лукашевка отмечено не только ясторфское, но и пшеворское влияние, проявляющееся в формах керамики (в основном, обнаруженной на поселениях) и погребальном обряде (безурновые погребения в Долинянах) [237; 405, с. 175-182]. Но в могильниках хронология которых исследована нами, это влияние не проявляется достаточно отчетливо. Например, ямные погребения в Долинянах не сопровождаются оружием или вторично обожженными разбитыми сосудами, что характерно для пшеворской культуры. Поэтому пшеворское влияние не удастся связать с каким-либо конкретным хронологическим отрезком.

Выявленная динамика культурного развития позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что о постепенной эволюции памятников типа Поянешти-Лукашевка из гетских памятников IV—III вв. до н. э. не может быть и речи. Появление

и развитие латенизированных древностей в Молдове является результатом серии импульсов с восточной периферии ясторфской культуры, последовательное наложение которых друг на друга и обусловило ритм культурного развития и специфические черты каждого памятника. Такой признак, как наличие на пойнешти-лукашевских селищах гетской керамики, процент которой порой весьма значителен [218, с. 196-208], не может свидетельствовать о преемственности с гетской культурой, поскольку эта керамика обнаружена не на всех пойнешти-лукашевских памятниках [375], и, кроме того, часть ее вполне может быть интерпретирована как ясторфская [376]. Да и сам факт обнаружения керамики одной культуры на памятниках другой не обязательно является аргументом в пользу их генетической преемственности: например, наличие скифской керамики на античных поселениях Северного Причерноморья еще не свидетельствует о происхождении греческой культуры от скифской или наоборот, каково бы ни было процентное соотношение находок [83, с. 33-35].

Культурные импульсы, фиксируемые археологически, по-видимому, непосредственно связаны с передвижениями окраинного ясторфского населения; иначе вряд ли возможно было влияние ясторфской культуры на столь отдаленные территории. Это подтверждается и сопоставлением полученной хронологии с сообщениями письменных источников о бастарнах, впервые упомянутых Помпеем Трогом в ряду событий 230/229 г. до н. э. [324, 28]. Фаза I оказывается синхронна этому упоминанию, а также сведениям Деметрия Каллатийского, известным в передаче Псевдо-Скимна, о пришельцах-бастарнах, живущих в устье Пестра недалеко от фракийцев [26, фр. 103, 797]. Аналоги вещам I фазы отмечены на всем восточном пограничье ясторфской культуры: в Ютландии [497], на территории Бранденбурга, на Верхней Эльбе, Верхнем и Среднем Одере, в верховьях Моравы. Заманчиво видеть здесь следы миграции древнего населения: двинувшись откуда-то с побережья Балтийского моря, переселенцы достигли левых притоков Дуная, а затем повернули на юго-восток, в междуречье Днестра и Серета [ср. 122, с. 70, 183; 377, с. 18-20; 405, с. 226]. Это переселение не во всем прошло мирно: кроме прямых упоминаний письменных источников о военных столкновениях бастарнов с другими племенами [369, XXXII, 3, 16], об этом свидетельствует отсутствие кельтских памятников после рубежа латена C₁ и C₂ в окрестностях Вроцлава и в Карпатской котловине [390, рис. 4-5; 579, с. 62-63]. Несколько иной путь маркируют ранние ясторфские вещи, обнаруженные за пределами этой культуры: он проходит со Среднего Одера

через Среднюю Вислу и Западный Буг на Днестр, а второе его ответвление — через Припять или Неман и Березину на Десну (рис. 28). Впрочем, переселения могли проходить сразу в нескольких направлениях и по нескольким путям.

Второй импульс с территории ясторфской культуры (первые десятилетия II в. до н. э.) совпадает с началом активного участия бастарнов под предводительством Клондика в военных действиях на стороне Филиппа и Персея Македонских в 179—168 гг. до н. э. [164, XI, XII, XIV, 26-27]. Третий импульс (около 150—120-х годов до н. э.) близок началу массовых передвижений кимбров и тевтонов (гл. IV, 5) и отмечен Страбоном, упоминающим певкинов в устье Дуная [307, VII, 3, 15]. Четвертый импульс (середина I в. до н. э.) синхронен деятельности Бурбисты, разбившего бойев, тавристов и среднедунайских кельтов, а также разорившего «земли германцев далеко на западе» [106, 67], и в меньшей степени походу Марка Красса на бастарнов в 29/28 г. до н. э. [164, CXXXIII].

Таким образом, каждый импульс с севера может быть интерпретирован как приток населения, который в большинстве случаев приводил к повышению военной активности бастарнов. Возможна и обратная интерпретация: повышение военной активности бастарнов требовало притока нового населения. Объяснимым становится и то, что ранние источники называли бастарнов кельтами [164, XIV, 26, 2—3, 14], а более поздние — германцами [251, IV, 81; 311, 46] или смешанным населением [307, VII, 3, 17]. Ведь носители первых двух импульсов с ясторфских окраин, прошедшие по пути на юг через занятые кельтами области и только недавно подвергшиеся процессу латенизации, вполне могли на какое-то время утратить свое этническое своеобразие, в то время как носители более поздних импульсов, уже переработавшие кельтское наследие и создавшие синкретические латенизированные культуры, напротив, это своеобразие обрели, что и выразилось в более или менее четком разграничении латенизированных культур и групп памятников.

В связи с этим нельзя не вспомнить ольвийский декрет в честь Протогена [451, № 32] и истрийский декрет в честь Агафокла [452, № 15; 535; 112]. В первом из них речь идет об угрозе Ольвии со стороны галатов и скиров. Если датировка ольвийского декрета рубежом III—II вв. до н. э. [111; 132] верна, то, поскольку археологические памятники латенской культуры этого времени в окрестностях Ольвии неизвестны [364], следует принять предположение о том, что галатами в декрете названы бастарны [168], хотя оно и не бесспорно [113, с. 70-71]. Правитель Ремакс истрийского декрета, помогший Истрии при осаде

се Золтом, связывается с галатами, жившими на левом берегу Дуная [113, с. 72] — примерно там же жили и бастарны. Все эти события вокруг Ольвии и Истрии происходили одновременно со складыванием памятников типа Поянешти-Лукашевка, и полностью отрицать возможность участия в них бастарнов вряд ли будет правильным.

Итак, родственные зарубинецким памятники типа Поянешти-Лукашевка оказываются ясторфскими по происхождению и принадлежащими бастарнам или группе родственников им германских и кельтских племен [122; 183; 375; 429, с. 199-203; 440, с. 117-124; 554; 556; 557 и др.]. Конечно, не следует отождествлять носителей памятников типа Поянешти-Лукашевка исключительно с бастарнами: последние представляются нам как одно из наиболее известных античным писателям племен, переселившихся в последней трети III — начале II в. до н. э. с севера в Подунавье одновременно с началом складывания восточного цикла латенизированных культур. В этом процессе, очевидно, принимали участие и другие племена³, степень близости которых бастарнам могла быть различной. Движение бастарнов могло вовлекать и неродственные им племена, жившие вдоль маршрутов переселений, равно как и местное население Поднестровья.

Касаясь вопроса о взаимосвязях памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры, отметим, что их общие черты сводятся именно к северо-западным, ясторфским элементам [429, с. 202]. Юго-западный, балканский элемент, столь ярко выраженный в зарубинецкой культуре и связываемый с балканскими походами бастарнов [120—122], почти полностью отсутствует на поянешти-лукашевских памятниках. Наличие культурных импульсов с северо-запада в междуречье Днестра и Серета при отсутствии таковых с юго-запада позволяет предположить, что памятники типа Поянешти-Лукашевка оставлены той частью бастарнов, которая не участвовала в балканских походах, или же той, которая после неудачной попытки переправиться через Дунай отступила «в глубь страны» [164, XI, 5, 10]. И, напротив, та часть бастарнов, которая участвовала в балканских походах и, по словам Ливия, мало чем отличалась от скордисков по языку и обычаям [164, XL, 57, 2], по-видимому, и привнесла в зарубинецкую культуру юго-западные, балканские элементы.

³ Как мне стало известно из личной беседы, С. П. Пачкова связывает появление новой волны ясторфских импортов рубежа II—I вв. до н. э. на памятниках типа Поянешти-Лукашевка с передвижениями кимбров. Участие последних в осуществлении бастарнами контактов с родственными им северными племенами представляется более чем вероятным [92а].

Итак, в результате восприятия латенских традиций в уже сложившемся виде на ступени С_{IV} на восточной ясторфской периферии возникает несколько латенизированных групп и начинается отчет позднего предримского времени. Предпосылками этого процесса могло послужить и существование зоны археологической непрерывности между ясторфской и латенской культурами на Верхней Эльбе, и типологическая близость ясторфского погребального обряда одной из разновидностей восточно-кельтского, и другие факторы, нам неизвестные. Резкое усиление латенского влияния скорее всего было обусловлено началом периода средневропейской консолидации кельтов [422, с. 289-315]. Начинаясь под этим давлением передвижки окраинного ясторфского населения привели к сложению пшеворской и оксывской культур, а также к появлению на исторической арене бастарнов, которые вместе с другими, в том числе и кельтскими племенами, вовлеченными в переселения, сыграли немаловажную роль в распространении процесса латенизации. С их деятельностью связано сложение намятников типа Пояненти-Лукашевка, и, как мы попытаемся показать ниже, именно они во многом определяли облик зарубинецкой культуры.

IV ГЛАВА

Ранняя дата зарубинецких могильников и этапы сложения культуры¹

Основным материалом, который позволяет соотносить хронологию зарубинецкой культуры с хронологией латена и позднего предримского времени, являются фибулы, изготовленные по латенским прототипам. К. В. Каспарова синхронизировала ранние зарубинецкие фибулы с переходом от латена C₁ к C₂ и отнесла появление наиболее ранних погребений к 180—170-м годам до н. э. Одним из важнейших компонентов сложения культуры, по ее мнению, является юго-западный, балкано-иллирийский, так как именно в Иллирии известны прототипы зарубинецких фибул с треугольным щитком [120—122; 125] «копьевидные» фибулы, пропорции которых очень близки зарубинецким [238]. Вместе с тем трудно переоценить и роль северо-западных связей в процессе сложения зарубинецкой культуры, проявляющихся в формах проволоочных фибул, керамики и погребального обряда [122; 127; 224, с. 113]. К. В. Каспарова отмечает, что, судя по количеству ранних датирующих вещей, зарубинецкая культура сложилась несколько позднее других латенизированных, но в то же время некоторые черты зарубинецкой керамики связывает с самыми ранними материалами этих культур.

По ее мнению, фибулы с треугольным щитком и проволоочные появляются в зарубинецкой культуре примерно одновременно, около 180—170-х годов до н. э. [125, рис. 5, с. 116]. Эта дата несколько раньше прежней [118, с. 59-62], которой придержи-

¹ IV глава является переработкой двух статей, написанных в соавторстве с Г. Г. Абезгаузом, В. Г. Журавлевым и С. Ю. Каргопольцевым, осуществившими математическую обработку керамики [91—92].

вались и мы [95], но тем не менее и ее принятие не решило полностью противоречия дат фибул из погребений датировкам ранних клейм, обнаруженных на поселениях Среднего Поднепровья (рис. 3) [175, с. 25]. Вместе с тем процесс возникновения латенизированных культур, происходивший на ступени латена C_{1b} (с этой датировкой согласна и К. В. Каспарова, — см. [127, с. 58, прим. 8]), датируется сейчас временем более ранним, чем 180—170-е годы до н. э. Так, Т. Домбровская связала возникновение пшеворской культуры с передвижениями окраинного ясторфского населения, которые попали в поле зрения античных письменных источников, упоминающих бастарнов под 230/229 г. до н. э. [405, с. 54; 406, с. 75]. Столь ранняя датировка сложения латенизированных культур находит подтверждение и в материалах собственно латенской культуры — ступень C_{1b} приходится на 225—190-е годы до н. э. (рис. 1). Следовательно, ранние комплексы латенизированных культур, содержащие вещи этой ступени — «удлиненные» фибулы вариантов А и В-Костшевский, фибулы с шариками на спинке [390, рис. 4, 30, 31], в том числе погребения первых фаз могильников Поянштити (рис. 31, 1-18) и Любошице (рис. 23, 3-20, 24, 1-3, 16-21), также могут быть отнесены к 225—190-м годам до н. э., как и вся фаза «а» позднего предримского времени (рис. 16). Принятие этой даты позволяет избежать хронологического разрыва между ранней датой поянштити-лукашевских селищ и могильников, поскольку амфорные клейма, обнаруженные на селищах, датированы близким временем — 220—180-ми годами до н. э. (рис. 3).

В зарубинецкой культуре ранних вещей мало. По этим вещам со ступенью латена C_{1b} может быть синхронизировано, по видимому, лишь несколько погребений [125, рис. 2, 1-5]. Но даже и эти несколько погребений, следовательно, могут быть датированы 225—190-ми годами до н. э., что позволит ликвидировать разрыв между ранней датой могильников и селищ, датированных амфорными материалами концом III в. до н. э. (рис. 3). Но для того чтобы уверенно синхронизировать ранние зарубинецкие погребения со ступенью C_{1b} и датировать их более ранним, чем 180—170-е годы до н. э., временем, необходимо выделить фазу, в погребениях которой нет юго-западных, балкано-иллирийских компонентов. Причина этого заключается в следующем.

К. В. Каспарова, исследовав прототипы зарубинецких фибул с треугольным щитком — копьевидные, которые датируются в Югославии от последней четверти III в. до н. э. и позднее, все же отнесла появление их дериватов и других вещей юго-западного происхождения в Поднепровье к 180—170-м годам до н. э., т. е. связала с походами бастарнов в Иллирию в 179—168 гг. до н. э.

[120, с. 76; 122, с. 75]: Это значительно удревнило раннюю дату могильников зарубинецкой культуры, но не решило полностью «амфорно-фибульного противоречия». Е. В. Максимов отмечает, что «К. В. Каспарова проявляет излишнюю осторожность, и здесь рубеж III—II вв. до н. э. не должен вызывать сомнений, поскольку эта дата совпадает со временем существования таких (с треугольным щитком. — В. Е.) фибул в Юго-Восточной Европе и с датировкой античных амфор из памятников Среднего Поднепровья» [175, с. 25]. С возможностью более раннего, чем 180-е годы до н. э., попадания фибул с треугольным щитком из Иллирии в Поднепровье трудно согласиться, так как раньше походов бастарнов прямые контакты населения этих двух территорий вряд ли были возможны, а для предположений об опосредованных контактах [228, с. 55-56; 238, с. 20-21] явно недостает материала: копьевидные фибулы, обнаруженные в Румынии и Северном Причерноморье, происходят из более поздних комплексов, чем ранние погребения зарубинецкой культуры. Почти все они датируются временем не ранее конца II в. до н. э.

Таким образом, для того чтобы доказать датировку ранних погребений зарубинецкой культуры временем около рубежа III и II вв. до н. э., необходимо выделить фазу, в погребениях которой нет юго-западных, балкано-иллирийских компонентов, т. е. фибул с треугольным щитком и восьмерками на спинке, и которая по корреляции типов вещей предшествует фазе, содержащей вещи балканского происхождения.

1. ЕЩЕ РАЗ О МЕТОДЕ

Столь серьезная задача заставляет нас с особой осторожностью отнестись к методике хронологических исследований. Применение корреляционного метода П. Рэйнке, даже при условии разделения погребений на половозрастные группы, само по себе еще не гарантирует точности конечного результата, поскольку он в немалой степени зависит от точности исходной типологии, и в особенности от точности типологии наиболее массового материала — керамики.

Существуют два основных направления типологических исследований. Одно ставит перед собой задачу выявления основных форм, отражающих реальные процессы, но не существующих в действительности в чистом виде [71, с. 37], другое — задачу подробного исследования всех известных особенностей материала. Не приходится сомневаться в том, что «обеспечить одновременное решение этих задач классическая типология с ее методом визуаль-

ного подбора типов не в состоянии» [158, с. 74]. Более того, в одновременном решении этих задач нет необходимости, так как для решения каждой из них существуют два разных математизированных алгоритма исследований: метод последовательного деления на классы (ПДК) и кластерный метод (КМ). Первый позволяет учесть все известные особенности материала, второй — выделить основные его закономерности [41, с. 176-183]. Раздельное применение двух алгоритмов позволяет решать обе типологические задачи. Однако на практике их разделение не всегда очевидно, и зачастую один из алгоритмов используется для решения обеих задач. Неразделенность задач приводит к смешению методов и в конечном счете к невозможности сравнения результатов исследований памятников, полученных разными методами.

Исходя из того, что изучению конкретных особенностей материала должно предшествовать выявление наиболее общих его закономерностей, мы поставили перед собой задачу выработки алгоритма, позволяющего получать близкие культурным типам керамики, которые могут быть использованы для изучения хронологии могильников по единой системе. При выработке алгоритма мы будем исходить из сравнения ПДК и КМ при условии применения количественных, а не визуальных способов оценки значений признаков: ошибки и субъективизм зрительного восприятия общеизвестны [165, с. 20-21]. Критерием культурности типов условимся считать то, насколько признаки, по которым производится деление на типы, близки признакам, которыми отличаются выделенные единицы [41].

Метод последовательного деления на классы имеет два основных недостатка. Первый состоит в том, что такое деление не вполне способствует выявлению наиболее общих закономерностей исследуемого материала: случайное отклонение значений признака, иногда довольно значительное, либо перемещает объект в группу несхожих объектов, либо и вовсе оставляет его за полями классификации. Второй недостаток органически связан с первым: «цена ошибочной классификации на каждом этапе деления возрастает и конечные группы могут оказаться весьма далекими от естественных единиц» [41, с. 183]. Этот процесс обуславливается двумя причинами: субъективными ошибками и относительностью устойчивости признаков, которые устойчивы в одних пределах значений и неустойчивы в других. Поскольку метод ПДК требует единства оснований и признаков, по которым производится деление на классы, он не может учесть относительность устойчивости значений признаков.

Рассмотрим для примера классификацию керамики зарубинецкого могильника Чаплин, предложенную А. М. Обломским [226].

Керамика разделена им на классы по форме, пропорциям, декору и объему, сделана попытка соотношения четырех классификаций. Наиболее подробно разработана классификация по пропорциям, поэтому именно на ее примере попытаемся проследить, как на каждом этапе исследования возрастает «цена ошибочной классификации».

Этап первый: выбор признаков. При семи параметрах, выбранных А. М. Обломским, пропорции сосудов описываются не пятью соотношениями, а шестью: не учтено отношение высоты венчика к высоте верхней части сосуда. В результате сосуды, одинаковые по пяти пропорциям А. М. Обломского, могут существенно различаться (рис. 35, 1, 2). Следовательно, ошибочно утверждение, что одинаковыми значениями пяти пропорций могут обладать только пропорционально подобные сосуды [226, с. 97].

Этап второй: выбор групп значений признаков. А. М. Обломский располагает отношения размеров сосудов по ранжиру и делит их на определенное число групп, которое, как он полагает без какого-либо обоснования, должно быть равным четырем для мисок и трем для горшков. Границы между группами, по его мнению, должны выбираться так, чтобы максимальное расстояние между значениями в одной группе было меньше расстояний между крайними точками соседних групп. Принцип выделения групп и установки их границ оказывается в значительной степени субъективным и по сравнению с методом, предложенным И. С. Каменецким [108], вряд ли может быть применен для выявления объективно существующих закономерностей изучаемого материала. Более того, если уж следовать принципу А. М. Обломского, расстояние между группами следует сравнивать с расстоянием между точками в каждой соседней группе, а не в одной из них. Рассмотрев соотношение D_1/H_2 , нетрудно убедиться, что расстояние между второй и третьей группами (0,3) меньше максимального расстояния между точками внутри третьей группы (0,43) [226, табл. 3] и, следовательно, граница между второй и третьей группами, проведенная А. М. Обломским, не соответствует им же выбранному принципу.

Из того, что отношения нижних частей сосудов не образуют групп, А. М. Обломский делает вывод, что значимыми являются лишь пропорции верхних частей сосудов, тогда как пропорции нижних частей относятся к одному стандарту [226, с. 97-98]. Между тем для мисок значение отношения D_1/H_1 в 2 раза больше минимального; D_1/H_1 — в 2,7 раза; для горшков — в 1,4 и 2,3 раза соответственно [226, рис. 6-7]. При таком существенном изменении пропорций вряд ли можно говорить о едином стан-

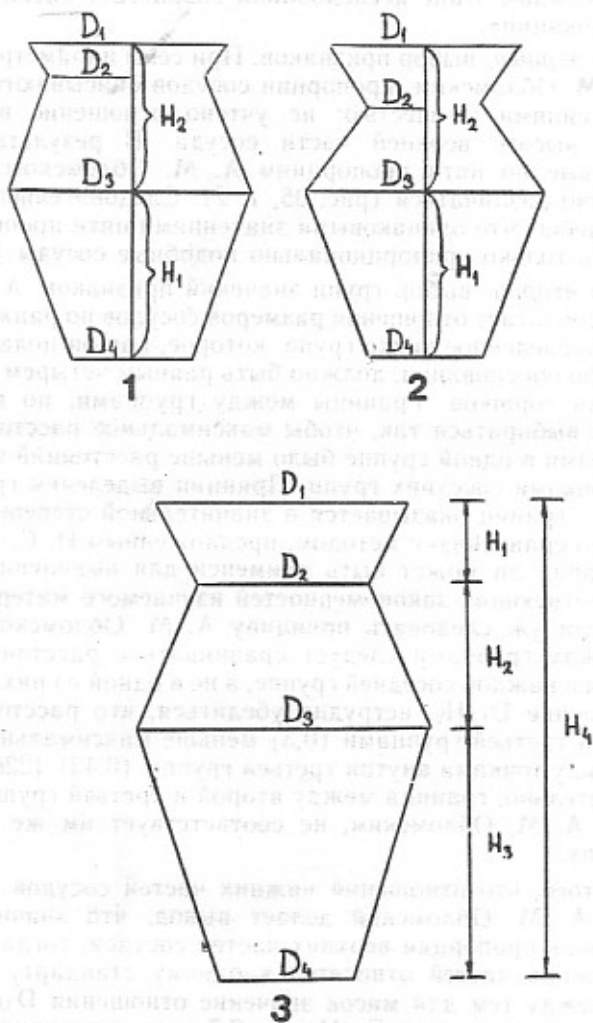

Рис. 35. Система измерений сосудов А. М. Обломского (1—2) и автора (3).

дарте. Скорее здесь имеет место закономерное их изменение, заслуживающее внимательного анализа.

Этап третий: построение общей классификации. Рассматривая комбинации групп пропорций для отношений D_1/H_2 , D_2/H_2 , D_3/H_2 , А. М. Обломский полагает, что этот анализ, сопровождаемый для наглядности графиком, способствует выделению типов сосудов [226, с. 110-103, рис. 8]. В действительности дело обстоит иначе. Рассмотрим, например, отношение D_1/H_2 . Если на графике А. М. Обломского из начала координат провести прямые, соответствующие определенным им границам групп значений этого соотношения, мы получим ряд секторов, ограниченных этими прямыми. При этом все миски первой группы попадут в сектор значений, соответствующий первой группе, миски второй группы — во второй сектор, и так далее, причем их попадание в эти сектора не зависит от отношений D_2/H_2 и D_3/H_2 . Непонятно, с какой целью А. М. Обломский заменил определенные им самим границы групп значений признаков, которые должны изображаться в виде секторов, на труднообъяснимые кривые [226, табл. 4, рис. 8]. Рассуждения о том, что миски первой группы относятся к первому типу, миски второй — ко второму и так далее, оказываются совершенно излишни. Достаточно сказать, что каждой группе соотношения D_1/H_2 соответствует тип с тем же номером. Таким образом, типы выделяются фактически по одному соотношению, которое ни в коей мере не отражает общих закономерностей пропорций сосудов.

Итак, мы можем констатировать, что поставленная А. М. Обломским задача «классификации керамики для нужд периодизации» реализована не столь объективно, как полагает автор. В этом повинны прежде всего недостатки метода ПДК, усиленные субъективными ошибками. Этот метод правильнее было бы применять для исследования частных взаимосвязей изучаемых объектов по тем или иным признакам, а не для изучения наиболее общих их закономерностей.

Кластерный метод (КМ), рекомендации по использованию которого для нужд классификации появлялись неоднократно [41; 147, с. 12, 28-31, 33-45; 397, с. 12-634], совершенно незаслуженно остается неразработанным в применении к практическим проблемам археологии. В основе КМ лежит объединение признаков объекта в один комплексный показатель. Каких-либо общих положений в выборе этого показателя нет, но при исследовании объектов, признаками которых являются n размеров, последние обычно рассматриваются как координаты точки в n -мерной прямоугольной системе координат, а в качестве комплексного показателя используется расстояние от начала координат до этой точки [84].

Тогда каждому объекту можно сопоставить величину вектора:

$$r_i = \sqrt{\sum_{j=1}^n x_{ij}^2} \quad (1),$$

где x_{ij} — j -й размер i -го сосуда, и сходство объектов оценивается близостью показателя (1). При этом близкими его значениями могут обладать существенно различающиеся сосуды, т. е. возможно «скрадывание структуры типа — характерных для него корреляций отдельных черт» [462, с. 43-44, рис. 9]. Этот недостаток в значительной мере устраняется тем, что объекты группируются на основе близости векторов не только по величине, но и по направлению, что приводит к показателю:

$$r_{ik} = \sqrt{\sum_{j=1}^n (x_{ij} - x_{kj})^2} \quad (2),$$

который представляет собой расстояние между концами i -го и k -го векторов, т. е. степень близости объектов выражается расстоянием между точками в n -мерном пространстве. Учет не только величины, но и направления векторов приводит к смене оснований классификации, т. е. наиболее влияющих на ее результат групп устойчивых сочетаний признаков, если эти сочетания перестают быть устойчивыми.

КМ состоит в формировании подмножеств из множеств объектов таким образом, что внутри каждого подмножества объекты удовлетворяют некоторому требованию сходства между собой, а за его пределами нет ни одного объекта, который удовлетворял бы этому требованию сходства [269]. Требование к сходству объектов внутри кластера выражают с помощью порогового значения h . Применительно к показателю (2) это требование выражается в виде

$$r_{ik} \leq h \quad (3)$$

и должно выполняться для всех пар объектов, входящих в кластер.

Мы изложили теоретические положения применения кластерного метода. Теперь попытаемся применить его в приложении к материалам могильника Воронино полесского варианта заруби-нецкой культуры, раскопанного Ю. В. Кухаренко² [151, с. 55-61].

² В 1983 г. совместно с Г. М. Залашко нами была предпринята попытка доследовать могильник, но новых погребений обнаружить не удалось [96, с. 390].

керамический материал которого представлен 35 целыми формами горшков, 30 — кружек и 31 — мисок.

Каждый из рассматриваемых сосудов характеризуется семью независимыми параметрами (рис.35, 3). Эти размеры, а также общая высота сосудов были измерены для всех категорий керамики.

При использовании показателя (2) для выделения кластеров сосудов возникает ряд вопросов: чему отдать предпочтение — абсолютным или относительным размерам; можно ли уменьшить число учитываемых в показателе (2) признаков с целью ослабления "складывания" структуры типа; как рационально выбрать пороговые значения?

Выбор абсолютных или относительных размеров зависит от особенностей изучаемого материала. При классификации заруби-нецкой керамики предпочтение следует отдать относительным размерам, так как изменение типа сопровождается изменением пропорций в большей степени, чем изменением размеров сосудов.

Уменьшения "складывания" структуры типа можно добиться исключением некоторых признаков, исходя из ряда соображений. Во-первых, целесообразно исключить признаки, не обладающие устойчивостью. Таким признаком оказалась величина H_1 , распределение которой близко к нормальному и может считаться случайным. Во-вторых, следует исключить из рассмотрения признаки с большим коэффициентом взаимной корреляции, так как использование двух пропорционально изменяющихся признаков завышает их вес в образовании показателя (2). Таким признаком является любая из величин D_1 и D_2 , коэффициент корреляции которых достигает 0,99. Если исключить одну из них, например, D_1 , математическое представление о форме сосудов практически не изменится. В то же время удельный вес остальных признаков в образовании показателя (2) повысится. На основании вышеизложенного, признаки H_1 и D_1 были исключены из рассмотрения. В качестве относительных размеров для формирования кластеров были приняты отношения оставшихся пяти признаков к общей высоте сосудов.

Таким образом, предлагаемый метод измерений позволяет восстанавливать внешний абрис сосудов полностью, за исключением степени округлобкости, поскольку не учтены разности дуг и хорд соответствующих частей профиля сосудов. При этом каждая такая часть характеризуется отношением диаметра и высоты, т.е. косвенно, через тригонометрическую функцию, учитываются и угловые параметры профилей сосудов.

Формирование кластеров целесообразно разделить на четыре этапа. Первый состоит в расположении объектов по линии возрастания показателя (1), после чего, соблюдая полученное рас-

положение, вычисляют и сводят в матрицу значения показателя (2). На втором этапе выбирают пороговые значения показателя (2) путем исследования его статистического распределения (гистограммы на рис. 36—38). Пороговые значения следует выбирать в местах разрежения количества значений показателя (2). Для того чтобы учесть все близкие связи и в то же время исключить слабые, оказалось достаточным выбрать предварительно три пороговых значения, которые обозначены в порядке возрастания h_I , h_{II} и h_{III} (рис. 36—38). В случае выбора двух пороговых значений кластеры могут "рассыпаться", а при учете четвертого — слиться.

Третий этап состоит в последовательном упорядочивании матрицы по пороговым значениям, имеющим целью приближение наименьших значений показателя (2) к диагонали. Упорядочивание производится путем перестановки в матрице строк и соответствующих им столбцов с теми же номерами. На четвертом этапе решается задача проведения границ между кластерами. Определение КМ предполагает проведение границ по пороговому значению h . В таком случае кластеры могут пересекаться, что нежелательно ввиду необходимости четкого разграничения типов сосудов. Поэтому условимся проводить границы путем исключения из кластеров максимально возможного количества объектов, связанных пороговым значением h_{III} . Если же и в этом случае кластеры останутся пересекающимися, возможно привлечение качественных признаков для их разделения [109, с. 22] или выделение сосудов, попавших в пересечение, в отдельный переходный кластер.

Выполняя указанные выше рекомендации, мы получили кластеры мисок, горшков и кружек могильника Воронино с разными пороговыми значениями (рис. 36—38). Естественно, что в каждом кластере сосуды близки по пропорциям, по которым они выделялись, и по форме, которая непосредственно зависит от пропорций. Однако можно заметить и некоторые другие более или менее закономерно изменяющиеся при переходе от одного кластера к другому признаки. Так, отсутствие лощения характерно почти исключительно для горшков 15-го и 16-го кластеров (рис. 37). Сосуды, явно инородные по пропорциям и форме (горшок позднезарубинецкого облика и сосуд, схожий с оксывским, — рис. 37, А, Б) используемый метод оставляет за границами кластеров. Следовательно, КМ может применяться и для диагностики культурной принадлежности сосудов.

Очевидно, что сосуды, принадлежащие одному кластеру, не могут быть абсолютно одинаковыми. Но поскольку различия между ними не превышают, как правило, величин, которые могли бы дать основание для их разделения на более дробные группы

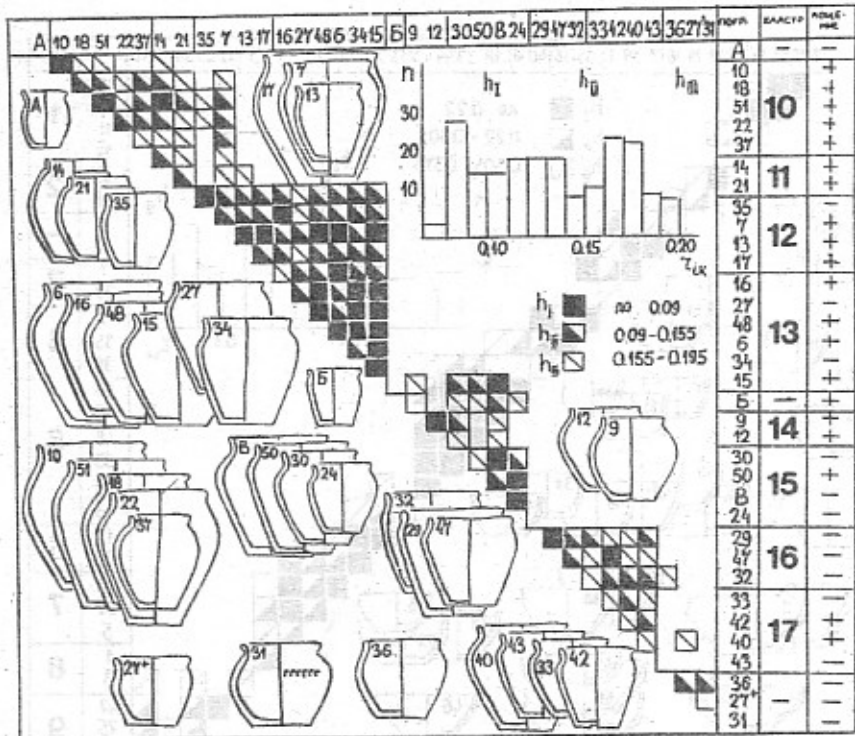

Рис. 37. Кластеры горшков могильника Воронино (буквами обозначены сосуды, обнаруженные вне погребений).

2. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА ВОРОНИНО ПОЛЕССКОГО ВАРИАНТА

Разделение погребений могильника на половозрастные группы, поскольку антропологическое определение остатков сожжений не произведено, может быть проделано по содержанию женских категорий вещей (булавок, бус, браслетов) и коррелирующим с ними чертами погребального обряда (рис. 39). Степень корреляции черт обряда определена по формуле s^2/ki [109, с. 50]. К группе женских

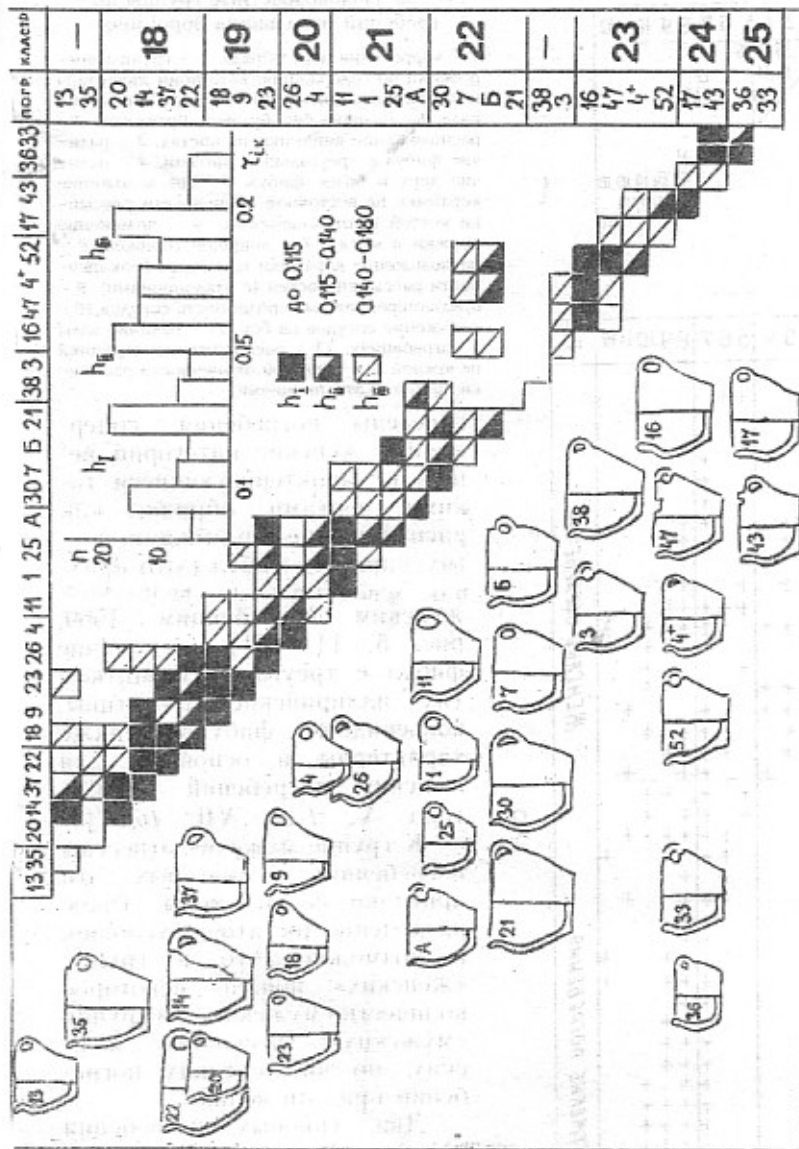

Рис. 38. Кластеры кружек могильника Воронино (буквами обозначены сосуды, обнаруженные вне погребений)

№ ПРИЗН.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1		21	39	17	15							
2			14	11			12					
3					30		10	21				
4												
5												
6						16	11					
7												
8								50	34	19	10	10
9									25	27	13	
10											17	15
11												
12												

Рис. 39. Половозрастные группы по —
гребней могильника Ворошино.

1 — корреляция черт обряда, 2 — группы погребений по содержанию категорий инвентаря и коррелирующим чертам обряда. Черты обряда: 1 — наличие бус, булавок, браслетов, 2 — расположение керамики на костях, 3 — наличие фибул с треугольным щитком, 4 — наличие двух и более фибул, 5 — расположение керамики на восточной оконечности распылки костей (с отклонениями), 6 — положение кружки в миску, 7 — лощение торшков, 8 — расположение керамики на западной оконечности распылки костей (с отклонениями), 9 — предельно выраженная выщербленность сосудов, 10 — положение сосудов на бок, 11 — наличие золы в погребениях, 12 — расположение керамики на южной или северной оконечности распылки костей (с отклонениями).

№ ПРИЗН. ПОРЕ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	ГРУППА
8	+	+											ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
36	+												
40	+					+	+						
7													
42													
1													
21													
4													
19													
35													
47													
24													
37													
5													
33													
29													
25													
48													
9													
16													
20													МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
27													
3													
14													
30													
17													
45													
50													
10													
26													
12													
15													
46													
44													
22													
18													
38													
39													
43													
23													

отнесены погребения, содержащие женские категории вещей и характеризующиеся такими чертами обряда, как расположение керамики на костях, парность фибул (этот признак свойствен и кельтским женским погребениям [569, рис. 5, 14, 16]) и наличие фибул с треугольным щитком (их иллирийские прототипы, копьевидные фибулы, также характерны в основном для женских погребений [494, табл. V, 1-22, VII, 16-37]).

К группе мужских отнесены погребения, в которых эти признаки не отмечены. Такое разделение достаточно условно, и возможно, что в группу «женских» попало некоторое количество мужских, а в группу «мужских» — несколько женских, но число таких погребений вряд ли велико.

Два урновых погребения (№ 2, 32) определены как детские по схожести инвентаря и находке в одном из них детского зуба [15], с. 55, 58]. Три погребения (№ 11, 31, 31)

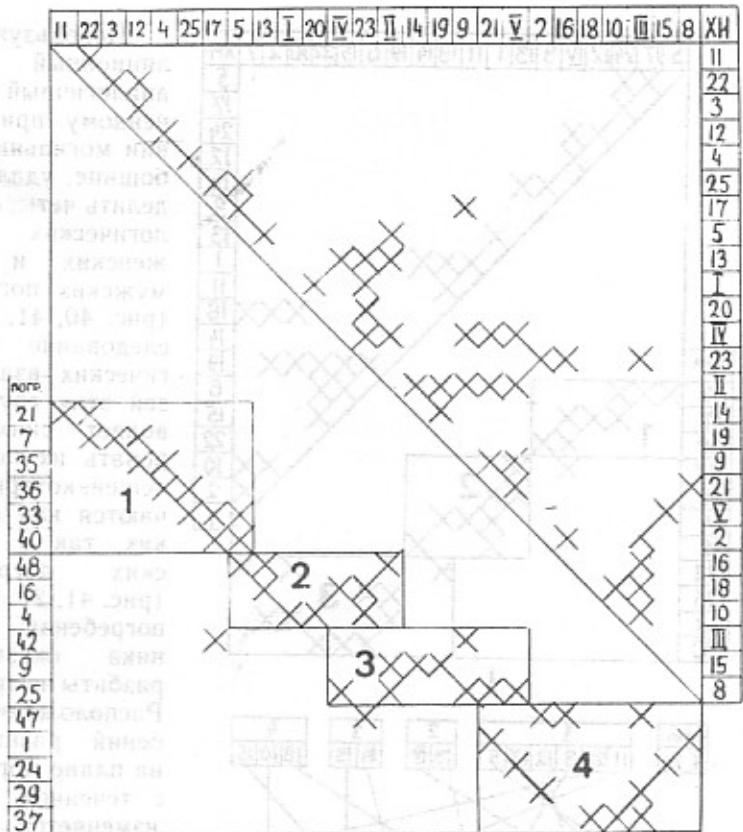
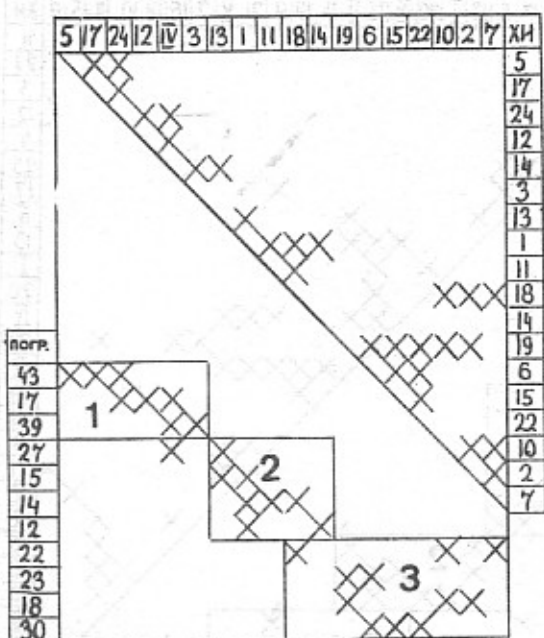

Рис. 40. Хронология женских погребений могильника Воронино (номера XI соответствуют номерам на рис. 36–38).

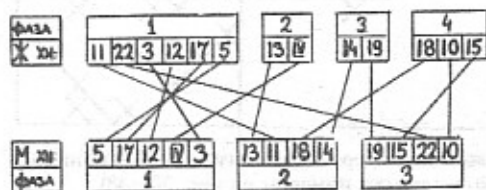
являются кенотафами. Поскольку в детских погребениях и кенотафах обнаружено малое количество типов вещей и количество самих этих погребений невелико, они непригодны для изучения с помощью корреляционного метода.

Обратимся к исследованию встречаемости типов вещей в мужских и женских погребениях. Каждый кластер сосудов обозначим как тип (хронологический индикатор) с тем же номером, а металлические вещи обозначим следующим образом: фибулы первого этапа зарубинецкой культуры, по К.В.Каспаровой [125], – "I", второго этапа – "II", третьего – "III", проволочные средне-латенские конструкции – "IV", многооборотные браслеты – "V"

1

2

Рис. 41. Хронология мужских погребений могильника Воронино (1) и синхронизация хронологий (2) (номера XI соответствуют номерам на рис. 36-38).

Используя корреляционный метод, аналогичный примененному при изучении могильника Любошице, удалось выделить четыре хронологических группы женских и три — мужских погребений (рис. 40, 41, 1). Исследование типологических взаимосвязей этих групп позволяет синхронизировать их по типам вещей, которые встречаются как в женских, так и в мужских погребениях (рис. 41, 2). В целом погребения могильника оказываются разбиты на три фазы. Расположение погребений разных фаз на плане могильника с течением времени изменяется незначительно: можно отметить лишь тенденцию совершения наиболее поздних погребений к югу от наиболее ранних (рис. 47).

Погребения I фазы могут быть датированы по фибулам

В — Костшевский. Эти фибулы, характерные в основном для латена С₂ и фазы "b" позднего предримского времени (рис. 16), появляются в латенизированных культурах в самых ранних комплексах, которые могут быть синхронизированы еще с латеном С_{1b} и фазой "a" позднего предримского времени. Правда, их количество в ранних комплексах невелико [406, с. 57; 413, табл. XVI, b, e]. Ов

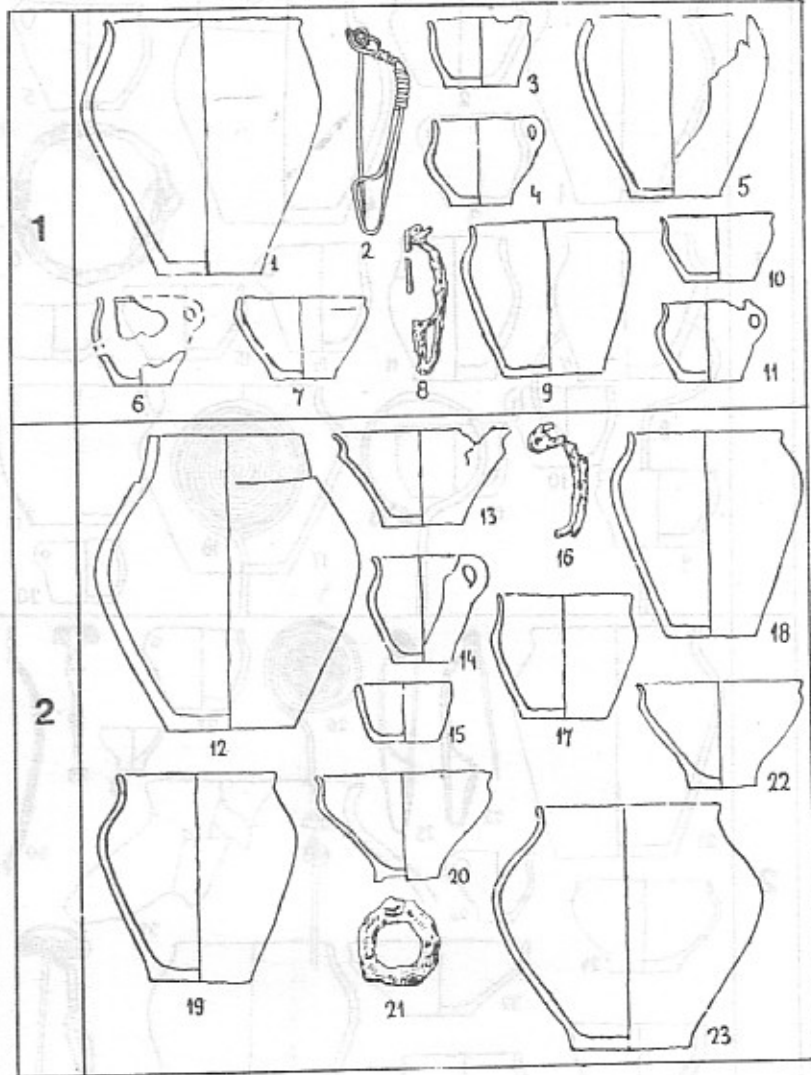

Рис. 42. Ранние мужские погребения могильника Воронино.

1-4 - п. 17, 5-8 - п. 39, 9-11 - п. 43, 12-14 - п. 14, 15-18 - п. 27, 19-21 - п. 15, 22-23 - п. 12

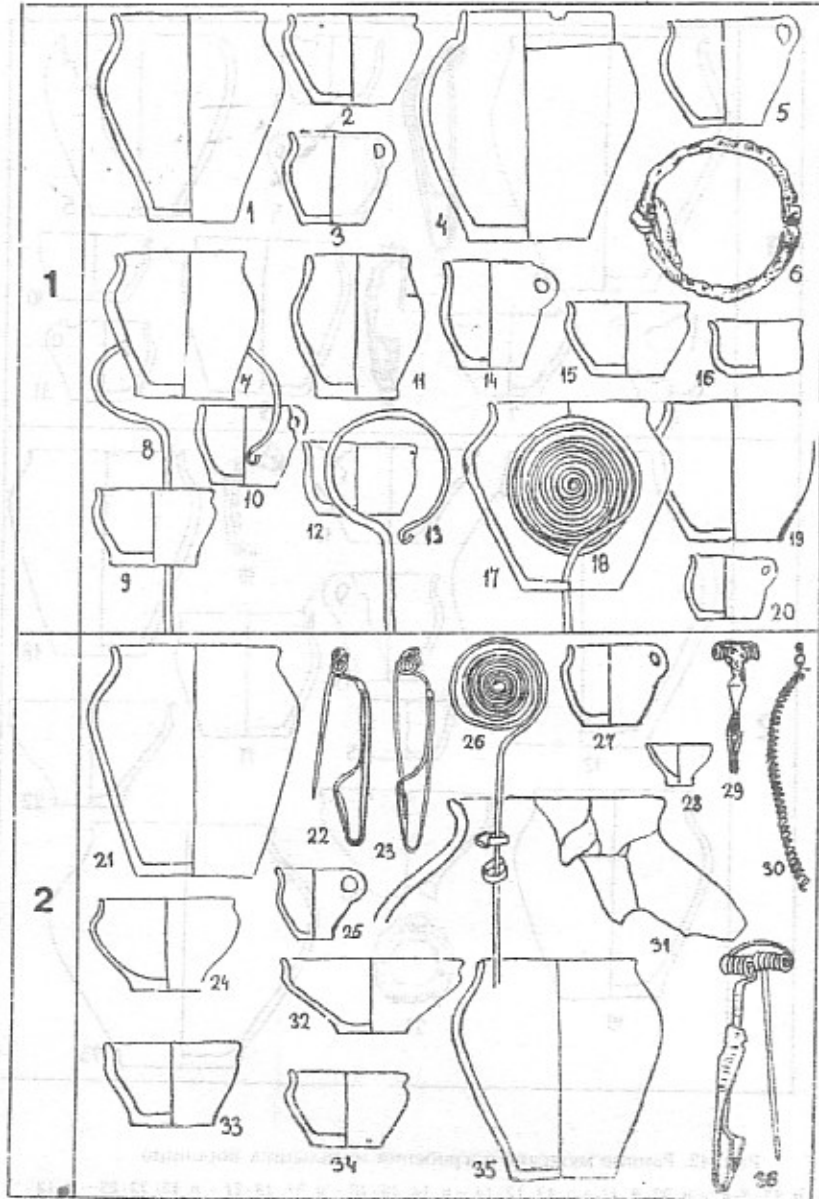

Рис. 43. Ранние женские погребения могильника Горокхово.

1-3 - п. 7, 4-6 - п. 21, 7-10 - п. 33, 11-14 - п. 35, 15, 17, 18 - п. 40, 16, 19-20 - п. 36, 21-24 - п. 16, 25-32 - п. 4, 33-36 - п. 48.

выходят из употребления еще на ступени C_2 , в первой половине фазы "b" позднего предримского времени. В зарубинецкой культуре они используются значительно дольше, вплоть до позднего латена [125, с. 115], и могут быть датированы достаточно широко — от C_{1b} до D_1 . Таким образом, по фибулам В-Косгшевский фаза I может быть синхронизирована с достаточно длительным временным интервалом. Но, с одной стороны, в Воронино нет позднелатенских вещей, и датировка латеном D_1 отпадает автоматически. С другой стороны, в погребениях I фазы нет ни одной вещи балканского происхождения, появляющихся лишь во II фазе (например, фибула с треугольным щитком из погребения 4, — рис. 43, 29). Поменять погребения этих двух фаз местами невозможно, так как тогда нарушится вся корреляционная последовательность, и первой окажется фаза III, в которой есть фибулы III этапа зарубинецкой культуры, по К.В. Каспаровой (рис. 40).

Следовательно, оказывается, что в Воронино нерасчлененные фибулы появляются раньше расчлененных (рис. 42—43). В собственно латенской культуре такая последовательность по крайней мере настораживает. Но мы имеем дело с латенизированной культурой, в которой темп культурных изменений мог быть несколько иным. Там, например, в могильнике Каммер рамчатые фибулы позднелатенской схемы появляются еще в погребениях, синхронных латену C_{1a} . Впрочем, нет нужды распространять последовательность фибул, выявленную в Воронино, на другие могильники: там она может оказаться иной.

Итак, поскольку ранние фибулы с треугольным щитком, обнаруженные в Воронино в погребениях II фазы, синхронизируются с балканскими походами бастарнов 180-170-х годов до н.э., погребения I фазы могут быть датированы несколько более ранним временем и синхронизированы с латеном C_{1b} и фазой "a" позднего предримского времени. Погребения II фазы синхронны латену C_2 и фазе "b" позднего предримского времени (скорее, ранним их отрезкам), а погребения фазы III — тем же ступеням относительной хронологии, но уже поздним их отрезкам. Позднелатенских вещей в Воронино нет, и мы вряд ли ошибемся, если датирруем прекращение использования этого могильника временем не позднее третьей четверти II в. до н.э.

3. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА КОРЧЕВАТОЕ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА

Единичный пример наличия "добалканской" фазы в могильнике Воронино вряд ли достаточен для того, чтобы считать ее существование полностью доказанным: отсутствие фибул с треугольным щитком и других вещей юго-западного происхождения в погребениях I фазы может оказаться и случайным. Поэтому попытаемся подкрепить высказанное предположение материалами могильника Корчеватое, в котором раскопано 103 погребения [280, 281]. К сожалению, эти материалы опубликованы лишь частично, что не позволяет разделить погребения на половозрастные группы и применить кластерный алгоритм типологии керамики. Впрочем, в последнем нет особой необходимости, поскольку в отличие от могильника Воронино керамический комплекс Корчеватого отчетливо распадается на ряд характерных форм.³

Каждую такую форму можно обозначить как хронологический индикатор с соответствующим номером (рис.44, 5-14), так же, как и фибулы с треугольным щитком разных вариантов (рис.44, 1-3), и проволочные фибулы среднелатенской конструкции (рис.44, 4). Изучение хронологии могильника с помощью корреляционного метода позволило выделить три фазы (рис.45, 2). Нам больше всего интересуют в данном случае первые две (рис. 46).

В погребениях I фазы обнаружены фибулы В-Костшевский, (рис.46, 2, 3), а в погребениях II фазы — фибулы с треугольным щитком, близкие II и III вариантам (рис. 46, 19, 23, 28, 29), по А.К. Амброзу [8, табл. 2, 3-5]. По К.В. Каспаровой, такие фибулы появляются в фазе II, т.е. в конце II в. до н.э. [125, с. 115-116]. Вместе с тем нельзя не отметить, что в могильнике Воронино фибулы I и II вариантов обнаружены в погребениях одной фазы (рис.43, 29, 36). Если считать это показателем их одновременности, хотя бы они и не совстречались непосредственно друг с другом, можно предположить, что фибулы I и II вариантов появились в зарубинецкой культуре одновременно. А.К. Амброз в свое время отмечал и одновременность появления фибул I и III вариантов [8, с.15-16]. Этому не противоречат даты копьевидных фибул Югославии, где в погребениях конца III — начала II в. до н.э. известны прототипы практически всех вариантов зарубинецких фибул с треугольным щитком [238, с. 21]. Следовательно, фибулы I, II и III вариантов могли появиться в зарубинецкой культуре

³ По-видимому, более четкое типологическое членение характерно для среднечерноземной керамики в целом в отличие от полесской и верхнеднепровской.

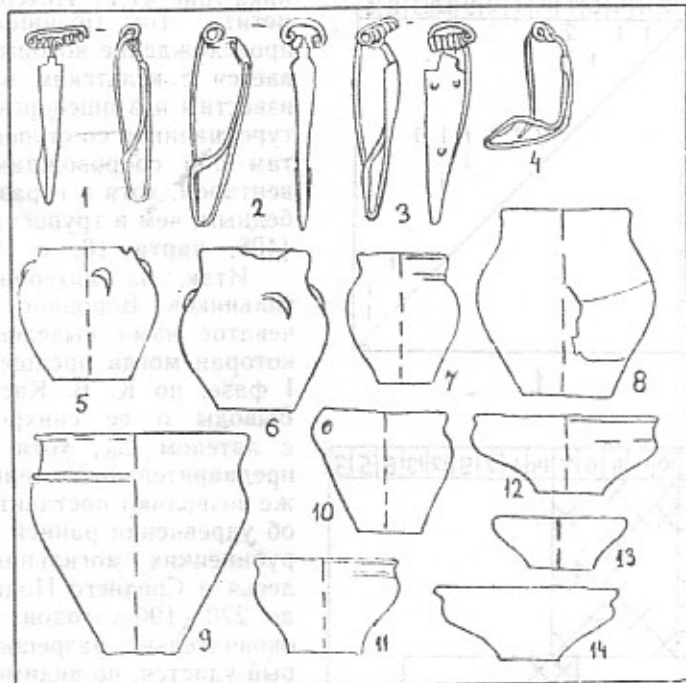
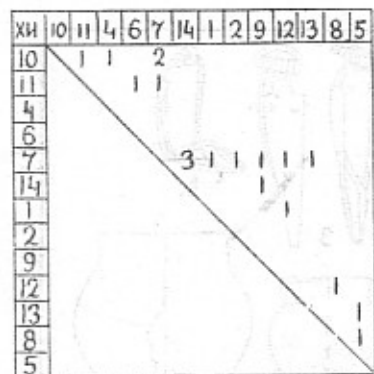

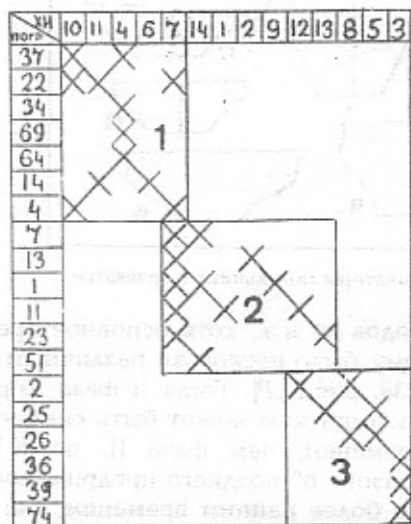
Рис. 44. Хронологические индикаторы могильника Корчеватово.

одновременно, около 180-170-х годов до н.э., хотя основное время их бытования здесь по-видимому, было несколько различным и перекрывалось лишь частично [238, рис.1, Г]. Тогда II фаза Корчеватово по фибулам с треугольным щитком может быть синхронизирована с более ранним временем, чем фаза II, по К.В. Каспаровой, т.е. с латеном C_2 и фазой "b" позднего предримского времени, а I фаза — с несколько более ранним временем, т.е. с латеном C_{1b} и фазой "a". Погребения III фазы по фибулам IV варианта (рис.45, 2) синхронизируются с поздним латеном [126, с.6] и фазой "c" позднего предримского времени соответственно.

На территории могильника погребения трех фаз располагаются достаточно равномерно (рис. 47), но если считать находки отдельных черепов, характерные для латенской [429, с. 39-40] и изредка встречающиеся в ястарфской культуре [205, с. 168, примеч. 223], а также труположения ранними для этого могильника (это предположение, конечно, гипотетично), то их скопление вместе с погребениями I фазы приходится на юго-западную часть могиль-

1

2

Рис. 45. Совстречаемость хронологических индикаторов (1) и хронология могильника Корчеватое (2) (номера ХИ соответствуют номерам на рис. 44)

ника (рис. 47, 1). Интересно отметить, что труположения, происхождение которых связывается с кельтским влиянием, известны и в пшеворской культуре, начиная со ступени А₂, но там они сопровождаются инвентарем, хотя и гораздо более бедным, чем в трупосожжениях [405, карта 18, с. 142-145].

Итак, на материалах могильников Воронино и Корчеватое нами выделена фаза, которая могла предшествовать I фазе, по К. В. Каспаровой. Выводы о ее синхронизации с латеном С_{1b}, хотя и носят предварительный характер, все же позволяют поставить вопрос об удревнении ранней даты зарубинецких могильников Полесья и Среднего Поднепровья до 220—190-х годов до н. э., окончательно разрешить который удастся, по-видимому, после исследования аналогичным методом других зарубинецких могильников, в особенности тех, где есть погребения с вещами, характерными исключительно для латена С_{1b} (например, могильника Велемичи I [125, рис. 2, 3]). Но и на основе полученных данных уже может быть сделан вывод о том, что сложение зарубинецкой культуры происходило по крайней мере в два этапа, первый из которых практически синхронен времени образования других латенизированных культур, а второй связан с балканскими походами бастарнов 180—170-х годов до н. э.

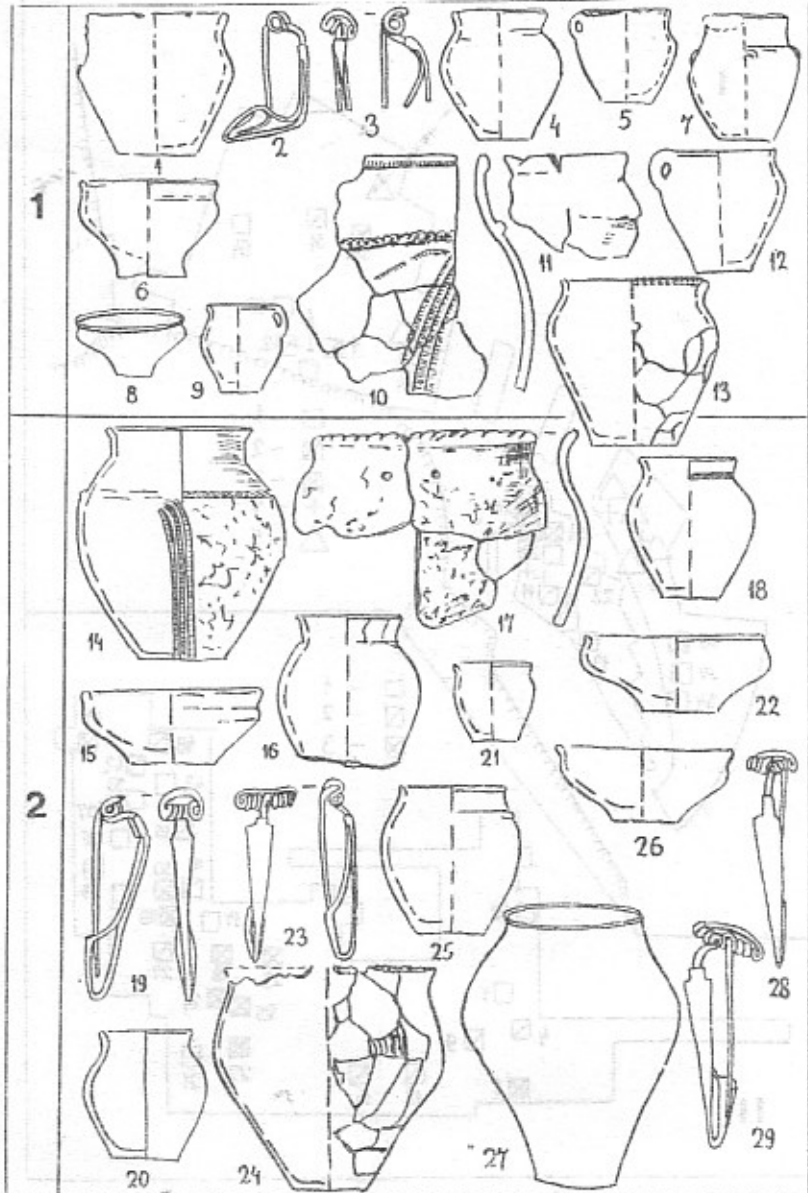

Рис. 46. Ранние погребения могильника Корчеватое.

1-2 — п. 37, 3 — п. 3, 4-6 — п. 22, 7-9 — п. 14, 10-13 — п. 4, 14-17 — п. 7, 18-19 — п. 13, 20-23 — п. 11, 24-26 — п. 1, 27-29 — п. 51.

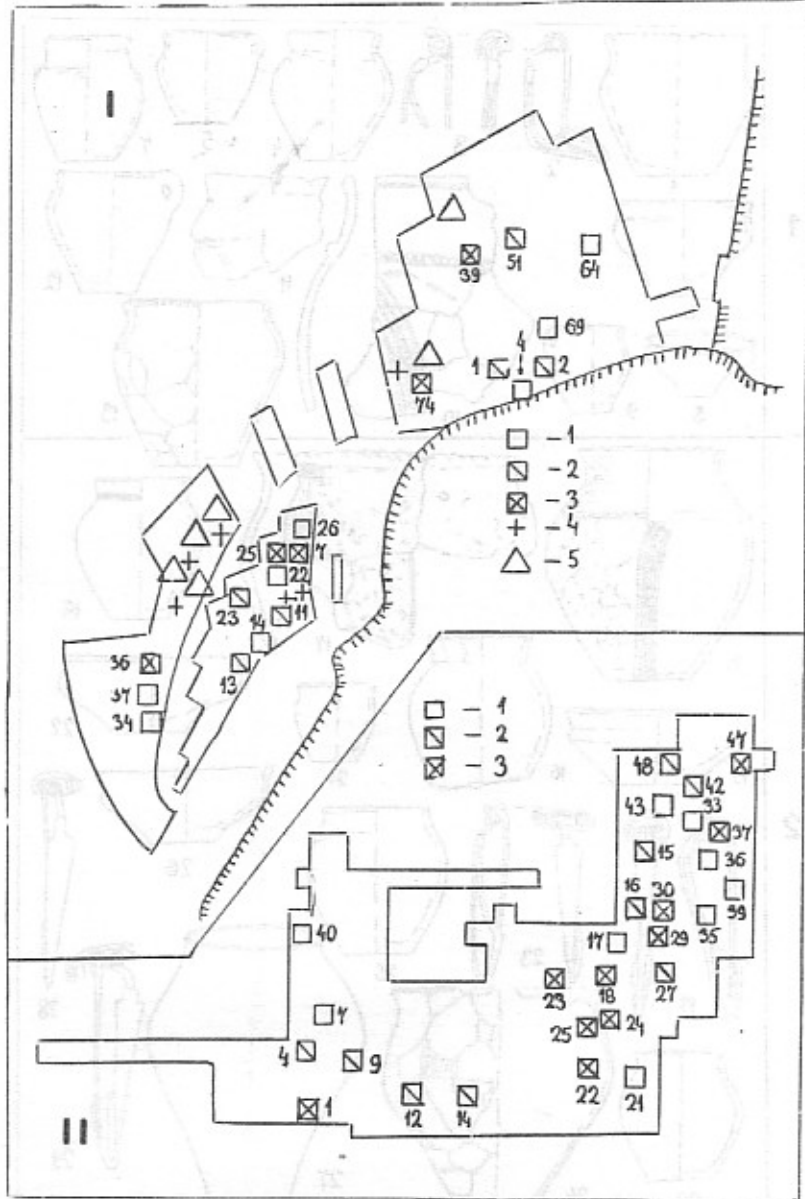

Рис. 47. Горизонтальная стратиграфия могильников Корчеватое (I) и Воронино (II)

1 — погребения 1 фазы, 2 — погребения 2 фазы, 3 — погребения 3 фазы, 4 — отдельный череп, 5 — труположение.

4. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА ЧАПЛИН ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА

Могильник Чаплин является самым крупным могильником зарубинецкой культуры: Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболем раскопано 281 погребение [149; 256]. Л. Д. Поболь, исследуя хронологию могильника, выделил раннюю «дофибульную» стадию, генетически связанную, по его мнению, с милоградской культурой. В подтверждение этой гипотезы им приведены некоторые особенности обработки керамики и погребального обряда [255, с. 166-170, 174]. Несостоятельность хронологических изысканий Л. Д. Поболя убедительно доказана К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным [128], поэтому мы не будем на них останавливаться.

Хронология могильника Чаплин, предложенная А. М. Обломским [225] и частично опубликованная [224; 226—228], заслуживает детального рассмотрения. Положительной ее стороной является то, что она основана на корреляции типов керамики и фибул, которые выделены с помощью математизированного алгоритма последовательного деления на классы. Вместе с тем ошибки в определении границ между группами значений признаков, повторяющиеся как в разделе, посвященном типологии керамики, так и в разделе о фибулах [228, примеч. на с. 11, 18], отсутствие разделения погребений по полу и возрасту при исследовании хронологии позволяют сомневаться в адекватности фаз исследуемому материалу. Некоторые несоответствия в хронологии А. М. Обломского прослеживаются совершенно явно. Например, I фаза характеризуется фибулами с треугольным щитком, и лишь в ее конце появляются проволочные средне-латенские типа Г2, по Ю. В. Кухаренко—А. М. Обломскому, т. е. варианта В-Костшевский в общепринятых терминах [225, с. 10-11; 466, рис. 2]. Поскольку и для могильника Воронино, и для Чаплина (рис. 52—54) фибулы с треугольным щитком — типично женский признак, мы вынуждены заключить, что весь II в. до н. э. на могильнике хоронили исключительно женщин, и лишь на рубеже II—I вв. до н. э. начали хоронить мужчин.

Вызывает возражения и столь поздняя датировка фибул В-Костшевский: к рубежу II—I вв. до н. э., т. е. к началу латена D₁, они уже вышли из употребления практически во всех латенизированных культурах, как и в собственно латенской [429, с. 167, 186], и появиться в зарубинецкой культуре в это время им просто неоткуда. Исключение составляют, пожалуй, лишь позднескифские памятники, где фибулы средне-латенской конструкции обнаружены даже в комплексах I в. н. э., — например, в Красном

Маяке [57], но они отделены от территории зарубинецкой культуры сарматами [294, рис. 28], у которых нет таких фибул в столь поздних комплексах.

Принципиальные возражения вызывают и «широкие» датировки латенских фибул, основывающиеся у А. М. Обломского на обновлении завышенной хронологической схемы Я. Филипа—Р. Хахмана—А. К. Амброза, которая в настоящее время кардинально пересмотрена в сторону удревнения (рис. 1). Главной причиной, побуждающей нас вновь обратиться к исследованию хронологии могильника Чаплин, являются именно принципиальные расхождения с А. М. Обломским в вопросе о применимости к материалам зарубинецкой культуры датировок европейской хронологической системы латена. Нам представляется, что если нет комплексов, свидетельствующих о тотальном запаздывании датировок общеевропейских типов вещей на территории Поднепровья, нет и оснований для более поздней или более широкой датировки этих вещей. Кроме того, отказываясь применять достаточно узкие даты латенских типов фибул и значительно расширяя их, мы, по существу, лишаемся возможности определить, одновременно ли с ранними могильниками на Полесье и в Среднем Поднепровье был заложен Чаплин, а этот вопрос имеет принципиальное значение.

Для типологии чаплинской керамики нами применен кластерный алгоритм, разработанный на материалах могильника Воронино. С его помощью выделено 35 кластеров мисок (рис. 48) и 5 кластеров горшков (рис. 49—50). Большой размер матрицы кластеров мисок (181 позиция) не позволяет привести ее полностью, и мы даем лишь конечный результат, сохранив последовательность кластеров (рис. 48). Нумерация кластеров сосудов и других типов вещей (хронологических индикаторов) принята сквозная: каждый кластер и тип обозначен как хронологический индикатор с соответствующим номером.

Для типологии среднелатенских фибул использована общепринятая европейская схема Я. Костшевского [466]. В погребениях могильника Чаплин обнаружены три типа таких фибул: В-Костшевский (рис. 51, 64), D/E-Костшевский (рис. 51, 65) и фибулы, близкие В-Костшевский, но с узкопластинчатой спинкой (рис. 51, 72). Для типологии позднелатенских фибул, близких вариантам М-О-Костшевский, можно было бы применить типологические уточнения, сделанные К. В. Каспаровой [123, с. 15], или вовсе отказаться от типологии П. Костшевского, как это сделали Ю. В. Кухаренко и А. М. Обломский [152, с. 30-35; 224]. Но мы решили пойти другим путем, используя более общее типологическое членение

№ клас-тера	№№ погребений	№ клас-тера	№№ погребений
I	23,94	19	55,140,250,147,120,
2	103,221,254		152,245,240,35,129,
3	27,150		167,50,104,258,208,
4	116,69,205,10		33
5	98,84,128,156,126, 123	20	203,268,264,179,29, 222, 36, 269
6	58,149,54,53,72	21	114,118
7	75,184,93	22	28,1,4,248,246
8	209,110	23	275,213,236,260,146, 56,218,62,241,169,211,
9	112,9,119,214		141
10	65,30,105,109,14, 121,225,89,100,117, 243,73,173,175,280, 132,101	24	70,278,263,139,183,48, 99,162
II	277,34,125	25	265,272
12	197,225	26	145,152 ⁺ ,210,252,231, 178,134
13	109 ⁺ ,212,94 ⁺	27	216,182,204
14	12,41,159,15,142,43, 143,230,96,165	28	111,106,40,161
15	113,63,244,237,22, 151,130,226,256	29	201,192,24
16	194,191,144	30	59,97,196
17	85,60,91,261	31	19,168,207,95
18	31,251,224,234,16,63 ⁺	32	185,131,44a,267,148
		33	136,249,115
		34	49,83,38
		35	238,163,18,86,228

Рис. 48. Кластеры мисок угольщика Чаплин.

по степени прогнутости спинки. По этому признаку фибулы позднелатенской конструкции могут быть разделены на три группы: непрогнутые (рис. 51,66), близкие варианту Костшевский-17 [466, рис. 17]; слабопрогнутые (рис. 51, 67), близкие М-Костшевский; сильнопрогнутые (рис. 51, 68), близкие N и O-Костшевский. Причины, побудившие сгруппировать эти фибулы именно по степени прогнутости, станут ясны ниже. В отдельные типы выделены подвязные (рис. 51,71) и шиповая (рис. 51,70) фибулы, а также позднелатенская фибула с пластинчатой спинкой (рис. 51, 69).

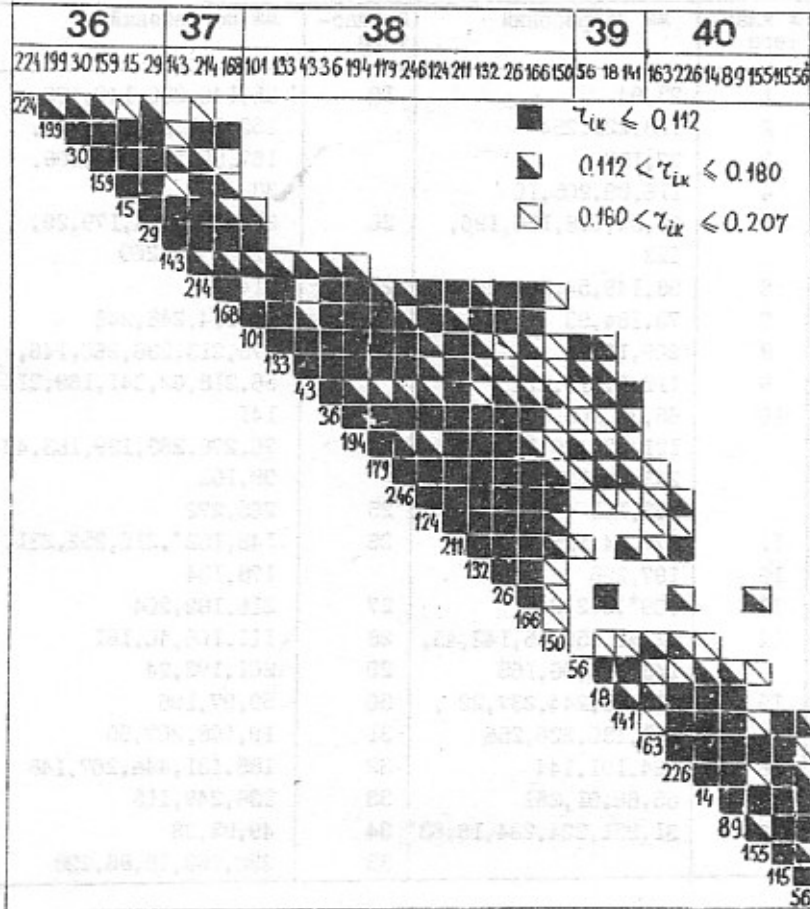

Рис. 49. Кластеры горшков могильника Чаплин (верхняя строка — номера кластеров, нижняя и диагональная строки — номера погребений).

В типологии фибул с треугольным штифом мы следуем за А. К. Амброзом [8]. Эта типология, несомненно, нуждается в уточнении путем измерения параметров фибул. Но с поправками, сделанными А. М. Обломским [228], вряд ли можно согласиться ввиду применения им сомнительного способа разграничения групп значений признаков [238, примеч. на с. 11, 18]. Разработки С. П. Пачковой [238], хотя и вызывают ряд вопросов, представляются гораздо более основательными, но, к сожалению, в ее

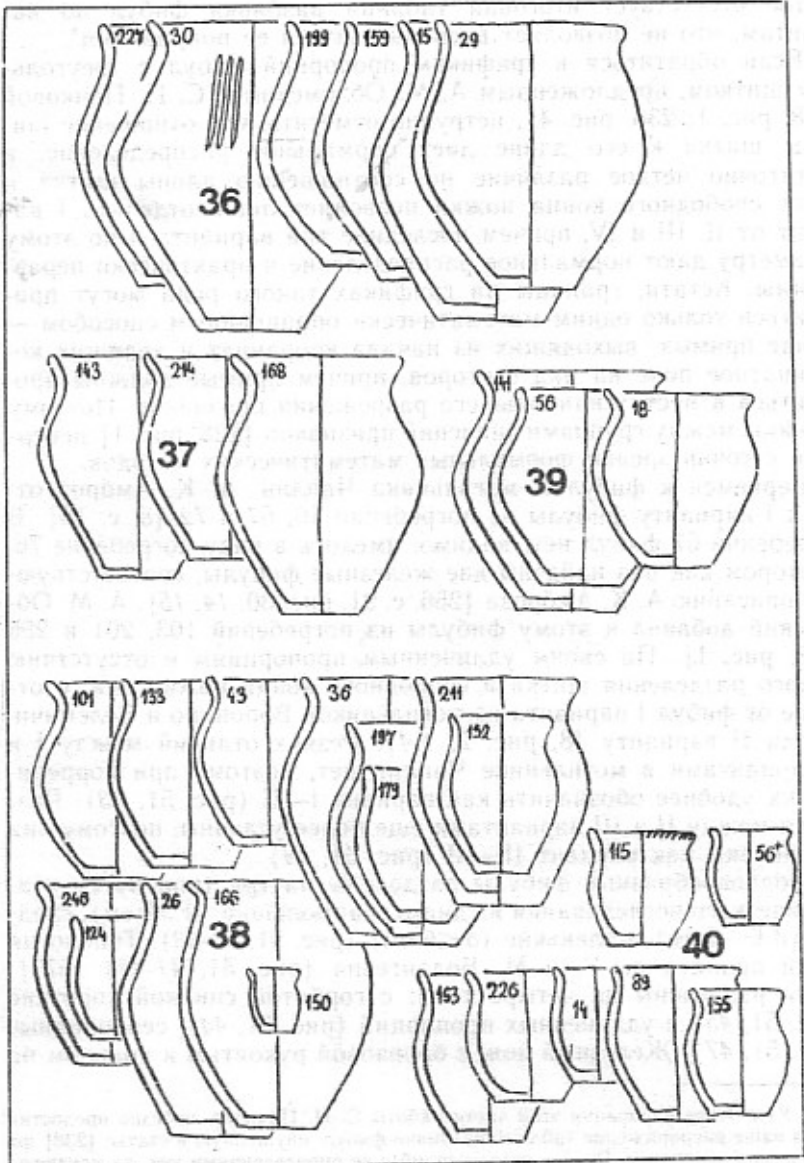

Рис. 50. Распределение горшков могильника Чаплин по кластерам.

статье отсутствует итоговая таблица разбивки фибул по вариантам, что не позволяет воспользоваться ее поправками⁴.

Если обратиться к графикам пропорций фибул с треугольным щитком, предложенным А. М. Обломским и С. П. Пачковой [228, рис. 1; 238, рис. 4], нетрудно отметить, что отношение ширины щитка к его длине дает нормальное распределение, а достаточно четкое различие по соотношению длины щитка к длине свободного конца ножки позволяет лишь отделить I вариант от II, III и IV, причем последние три варианта и по этому параметру дают нормальное распределение и практически неразделимы. Кстати, границы на графиках такого рода могут проводиться только одним математически оправданным способом — в виде прямых, выходящих из начала координат и делящих координатное поле на ряд секторов, причем прямые должны проводиться в местах наибольшего разрежения признаков. Поэтому границы между группами значений признаков [228, рис. 1] неверны и с точки зрения формальных математических методов.

Вернемся к фибулам могильника Чаплин. А. К. Амброз отнес к I варианту фибулы из погребений 16, 67 и 72 [8, с. 16]. В погребении 67 фибул нет: видимо, имелось в виду погребение 76, в котором как раз найдены две железные фибулы, соответствующие описанию А. К. Амброза [256, с. 91, рис. 30, 14, 15]. А. М. Обломский добавил к этому фибулы из погребений 103, 201 и 255 [228, рис. 1]. По своим удлинненным пропорциям и отсутствию четкого деления щитка и свободного конца ножки они, в отличие от фибул I варианта из могильников Воронино и Велемичи, близки II варианту [8, рис. 2, 1-4]. Резких отличий между I и II вариантами в могильнике Чаплин нет, поэтому при корреляции их удобнее обозначить как вариант I—II (рис. 51, 73). Различия между II и III вариантами еще более условны, поэтому они обозначены как вариант II—III (рис. 51, 74).

Подковообразные фибулы разделены на три типа путем статистического исследования их диаметра: большие ($d > 9$ см), средние ($d 6-9$ см), маленькие ($d < 6$ см) (рис. 51, 61-63). Типология копий принята по Р. и М. Волангевич (рис. 51, 41-42) [577]. Ножи разделены на четыре типа: с горбатой спинкой короткие (рис. 51, 45) и удлинненных пропорций (рис. 51, 44), серповидные (рис. 51, 47). Железный нож с бронзовой рукоятью и кольцом на

⁴ Уже после написания этой части работы С. П. Пачкова любезно предоставила в наше распоряжение таблицу разбивки фибул, опущенную в статье [238] по техническим причинам. Резких расхождений с ее определениями нет, за исключением фибул из погребений 44а и 117, отнесенных нами к варианту I/II, а С. П. Пачковой — к варианту III. По фибулам Воронино и Корчеватого расхождения более существенны.

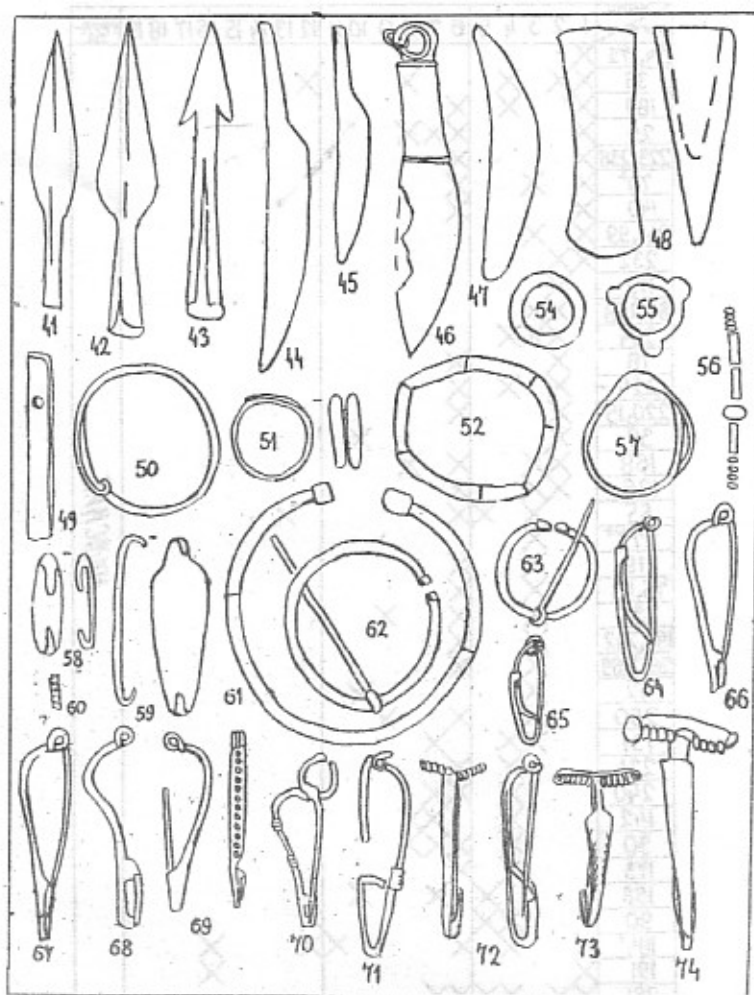

Рис. 51. Хронологические индикаторы могильника Чаплин.

ней (рис. 51, 46) выделен в особый тип. В корреляционных таблицах учтены также точила, топоры-кельты, поясные крючки двух типов, кольца четырех типов и наборы бус (рис. 51, 49-60).

Прежде чем исследовать хронологию могильника, необходимо разделить погребения на женские и мужские. Это проделано путем изучения встречаемости категорий инвентаря и некоторых признаков погребального обряда (рис. 52—54), причем признаки

возраст пола	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	группа	
134,272																					
36	X	X		X	X			X					X								
189	X			X	X			X													
29	X			X	X			X													
223,236	X			X	X			X													
70*	X			X	X			X													
140	X			X	X			X													
244,99	X			X	X			X													
232	X			X	X			X													
113	X			X	X			X													
84,258	X			X	X			X													
204	X			X	X			X													
18	X			X	X			X													
224	X			X	X			X													
220,15	X			X	X			X													
39	X			X	X			X													
168	X			X	X			X													
136	X			X	X			X													
55	X			X	X			X													
277*	X			X	X			X													
119	X			X	X			X													
75,171	X			X	X			X													
13	X			X	X			X													
194,242	X			X	X			X													
265,269	X			X	X			X													
42	X			X	X			X													
250	X			X	X			X													
131	X			X	X			X													
234	X			X	X			X													
240	X			X	X			X													
142	X			X	X			X													
30	X			X	X			X													
173	X			X	X			X													
158	X			X	X			X													
90	X			X	X			X													
184*	X			X	X			X													
191	X			X	X			X													
261	X			X	X			X													
152	X			X	X			X													
125	X			X	X			X													

МУЖСКИЕ

Рис. 52. Половозрастные группы погребений могильника Чаплин.

Признаки обряда: 1 — концы топоров в погребении; 2 — ограда; 3 — шестовидная фибула; 4 — нож; 5 — топор; 6 — узда, вилы; 7 — проволочная затесская фибула; 8 — горшок; 9 — кости черепа; 10 — круглая яма; 11 — яма ориентирована не по линии СЗ-ЮВ; 12 — пропито; 13 — миниатюрные сосуды; 14 — браслеты; 15 — кость; 16 — бусы (кроме бисера); 17 — фибула с треугольной пяткой; 18 — две вилы; 19 — пест, зернотерка; звездочками помечены детские погребения (по определению Т. С. Кондукторовой).

ПРЯМЛ. ПОГР.	ПРЯМЛ. ПОГР.																			ГРУППА
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
129																				
117 ⁺																				
120																				
137																				
34																				
229																				
164																				
79;262																				
133																				
162																				
157																				
12																				
254 ⁺																				
147																				
121 ⁺																				
107																				
188																				
278 ⁺																				
274 ⁺																				
266 ⁺																				
106 ⁺																				
44a																				
109																				
103																				
105 ⁺																				
76																				
45																				
16																				
201																				
217																				
210																				
199 ⁺																				
132																				
255																				
72																				
193																				
86 ⁺																				
59																				
56																				
47																				

ЖЕНСКИЕ

Рис. 53. Похороненные группы погребений могильника Чаплин (продолжение).

№ 1-5 оказались мужскими, 12-19 — женскими, а 6-11 — характерными для обеих групп погребений. Мужские погребения характеризуются наличием копий, дротиков, топоров-кельтов, ножей, топил, кусочков кремня — огнив и подковообразных фибул; женские — наличием пронизей, миниатюрных сосудов, брас-

группы погреб.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	группа	
37						X	X									X					
23						X	X									X					
260+						X	X						X								
192+						X	X														
181						X	X		X										X		
94						X	X			X											
14						X	X		X											X	
115						X	X					X					X				
211						X	X					X									
97+						X	X									X					
219						X	X		X							X					
126+						X	X													X	
122						X	X		X										X		
89						X	X												X		
25						X	X		X										X		
253+						X	X					X					X			X	
246+						X	X												X		
241						X	X												X		
8						X	X												X		
150						X	X					X									
212						X	X					X							X		
174						X	X			X											
215						X	X			X											
145+						X	X									X					
124						X	X			X											
216+						X	X			X											
43						X	X			X											
17						X	X			X											
31						X	X			X											
27						X	X			X											
245						X	X			X											
4						X	X			X											
85+						X	X			X											
127						X	X			X											
6						X	X			X											

ЖЕНСКИЕ

Рис. 54. Половозрастные группы погребений могильника Чаплин (скончание).
 летов, колец, бус (без учета бисера), фибул с треугольным щитком, нескольких фибул в одном погребении. Интересно отметить, что погребения, определенные Т. С. Кондукторовой по остаткам сожжений как детские, в большинстве своем (22 из 26) оказались включенными в группу женских (рис. 52—54), что, возможно, свидетельствует о том, что маленьких детей независимо от пола хоронили по обряду матери.

Деление погребений на женские и мужские по содержанию категорий инвентаря достаточно условно: здесь необходимо учи-

тывать как нечеткость перехода от одной группы погребений к другой, вызванной отсутствием жесткой связанности признаков друг с другом, характерной, по-видимому, для эпохи варварства в целом [ср. 39, с. 58-71], так и отсутствие независимых критериев проверки. Вместе с тем только с помощью этого деления мы можем исследовать хронологию женских и мужских погребений раздельно, путем коррелирования типов вещей в погребениях каждой группы.

Для могильника Чаплин выделено четыре фазы мужских и пять фаз женских погребений (рис. 55—56). Из 74 типов вещей, учтенных в корреляциях, лишь 16 встречены и в мужских, и в женских погребениях, что сводит на нет возможность синхронизации фаз друг с другом по этим типам. Поэтому приходится соотносить с европейской хронологией периодизацию мужских и женских погребений по отдельности и лишь после этого синхронизировать их друг с другом.

Фазы могильника Чаплин можно синхронизировать и со ступенями латена (рис. 1), и с фазами позднего предримского времени (рис. 16). На обоих путях перед нами встает ряд труднопреодолимых препятствий. Первое состоит в том, что некоторые фибулы (например, В-Костшевский), бытуют в зарубинецкой культуре значительно дольше, чем в других латенизированных. Это, по-видимому, происходит вследствие нарушения связей с последними где-то на ступени С₂, на позднем ее отрезке, т. е. около середины II в. до н. э. (отсутствие фибул варианта С, малочисленность D/E-Костшевский), продолжавшемся вплоть до ступени D₁ (отсутствие фибул вариантов F, K, I, L, малочисленность G/H, J и наухаймских [125, с. 115-116]). Именно на период нарушения связей падает время бытования фибул варианта В и, по-видимому, их местных дериватов — фибул средне-латенской конструкции с пластинчатой спинкой.

Второе препятствие состоит в том, что в могильнике Чаплин практически отсутствует целый ряд категорий вещей, таких, как поясные крючки, умбоны щитов, разнообразные типы ножей и бритв, путем корреляции которых Р. Хахман выделял фазы могильников позднего предримского времени. И, наконец, не совсем ясна как типология фибул с треугольным щитком [228, с. 10-12], так и абсолютная и относительная хронология I, II и III вариантов. Эти фибулы редко встречаются с проволочными (что, кстати, может быть объяснено их принадлежностью к разным костюмам — женскому и мужскому). Эволюционная типохронологическая схема их развития (от фибул с коротким узким щитком, покрывающим часть ножки, к фибулам с длинным широким щитком, покрывающим всю ножку [120, с. 74-

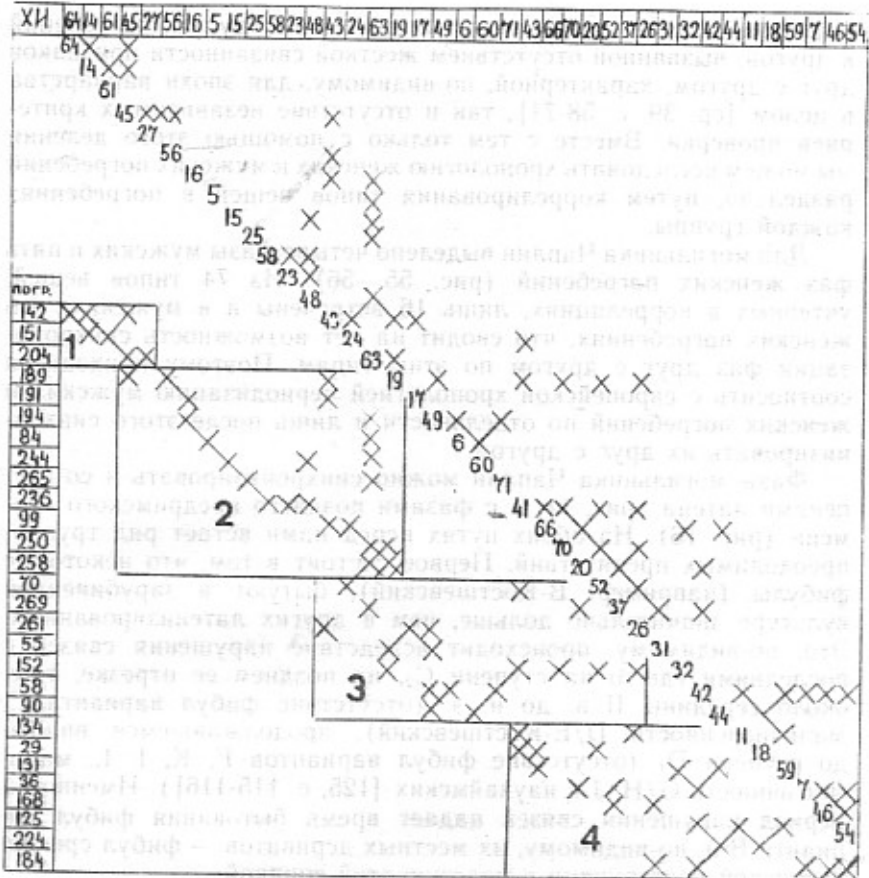

Рис. 55. Корреляции хронологических индикаторов и хронология мужских погребений могильника Чаплин (номера XII соответствуют номерам на рис. 48-51).

76: 238, с. 21, рис. 1]), по-видимому, верна лишь в тенденции. Во всяком случае, судя по встречаемости их между собой и с проволочными фибулами, все фибулы с треугольным щитком, за исключением несомненно поздних IV и V вариантов, появляются в одно и то же время — в один и тот же период относительной хронологии, хотя основное время бытования (максимум находок) каждого варианта несколько различно: раньше всего выходят из употребления фибулы I варианта, позже всего — III [8, с. 15-16, табл. 1; 228, с. 54-55, табл. 3].

Подытоживая, можно сказать, что в могильнике Чаплин, как впрочем, и во всей зарубищенской культуре, из типов вещей

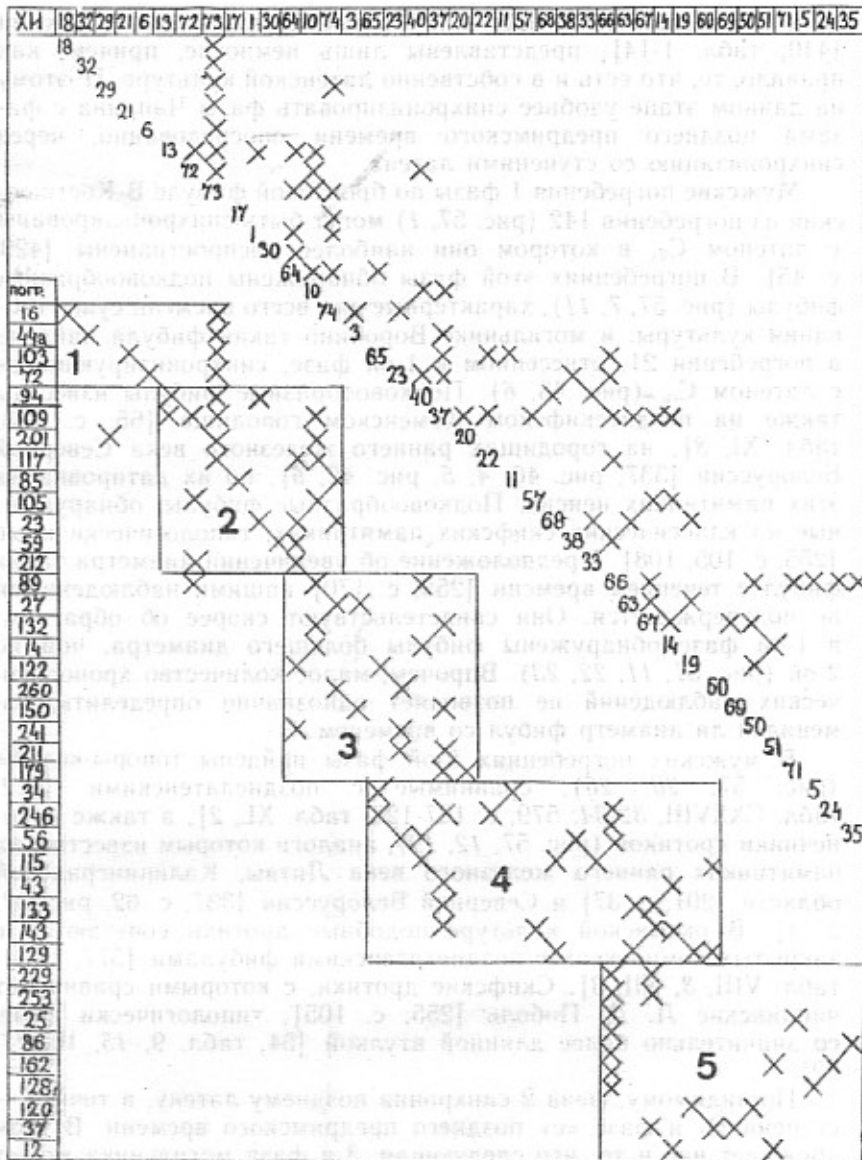

Рис. 56. Корреляция хронологических индикаторов и хронология женских расчесов могильника Чапели (номера XII соответствуют номерам на рис. 48 - 51).

позднего предримского времени, которые коррелировал Р. Хахман [440, табл. 1-14], представлены лишь немногие, причем, как правило, те, что есть и в собственно латенской культуре. Поэтому на данном этапе удобнее синхронизировать фазы Чаплина с фазами позднего предримского времени опосредованно, через синхронизацию со ступенями латена.

Мужские погребения I фазы по бронзовой фибуле В-Костшевский из погребения 142 (рис. 57, 1) могут быть синхронизированы с латеном C₂, в котором они наиболее распространены [429, с. 45]. В погребениях этой фазы обнаружены подковообразные фибулы (рис. 57, 7, 11), характерные для всего времени существования культуры: в могильнике Воронино такая фибула найдена в погребении 21, отнесенном к 1-ой фазе, синхронизирующейся с латеном C_{1b} (рис. 43, 6). Подковообразные фибулы известны также на позднескифском Каменском городище [65, с. 108, табл. XI, 8], на городищах раннего железного века Северной Белоруссии [337, рис. 40, 4, 5, рис. 42, 6], но их датировка на этих памятниках неясна. Подковообразные фибулы, обнаруженные на классических скифских памятниках, типологически иные [255, с. 105, 108]. Предположение об увеличении диаметра таких фибул с течением времени [255, с. 170] нашими наблюдениями не подтверждается. Они свидетельствуют скорее об обратном: в 1-ой фазе обнаружены фибулы большего диаметра, чем во 2-ой (рис. 57, 11, 22, 23). Впрочем, малое количество хронологических наблюдений не позволяет однозначно определить, изменялся ли диаметр фибул со временем.

В мужских погребениях 2-ой фазы найдены топоры-кельты (рис. 57, 20, 26), сравнимые с позднелатенскими [422, табл. CXXVIII, 32-34; 579, с. 127-128, табл. XL, 2], а также наконечники дротиков (рис. 57, 12, 19), аналоги которым известны на памятниках раннего железного века Литвы, Калининградской области [201, с. 37] и Северной Белоруссии [337, с. 62, рис. 37, 2, 4]. В оксывской культуре подобные дротики сочетаются в закрытых комплексах с позднелатенскими фибулами [577, с. 31, табл. VIII, 3, XII, 3]. Скифские дротики, с которыми сравнивают чаплинские Л. Д. Поболь [255, с. 105], типологически иные, со значительно более длинной втулкой [54, табл. 9, 15, 10, 11, 22].

По-видимому, фаза 2 синхронна позднему латену, а точнее — ступени D₁ и фазе «с» позднего предримского времени. В этом убеждает нас и то, что следующая, 3-я фаза могильника может быть синхронизирована с концом ступени D₁ и степенью D₂, т. е. с фазой «d» позднего предримского времени. В пользу этого свидетельствует находка щипцовой фибулы (рис. 57, 41) —

деривата изделия ступени A_1 римского времени, синхронной латену D_2 [365, рис. 3, 30], и подвязной (рис. 57, 44), аналогичная которой в женском погребении № 25 сочетается с фибулой ступени D_2 (рис. 58, 66, 67) [126, рис. 2, 16, 19, с. 9]. Наконечники копий фазы 3 находят аналоги в оксывской культуре [126, с. 15]. Так, наконечник из погребения 70 (рис. 57, 28) близок типу Ib («ланцетовидным»), которые в закрытых комплексах сочетаются с фибулами ступеней D_1 и D_2 [577, с. 25-26, табл. III, 12].

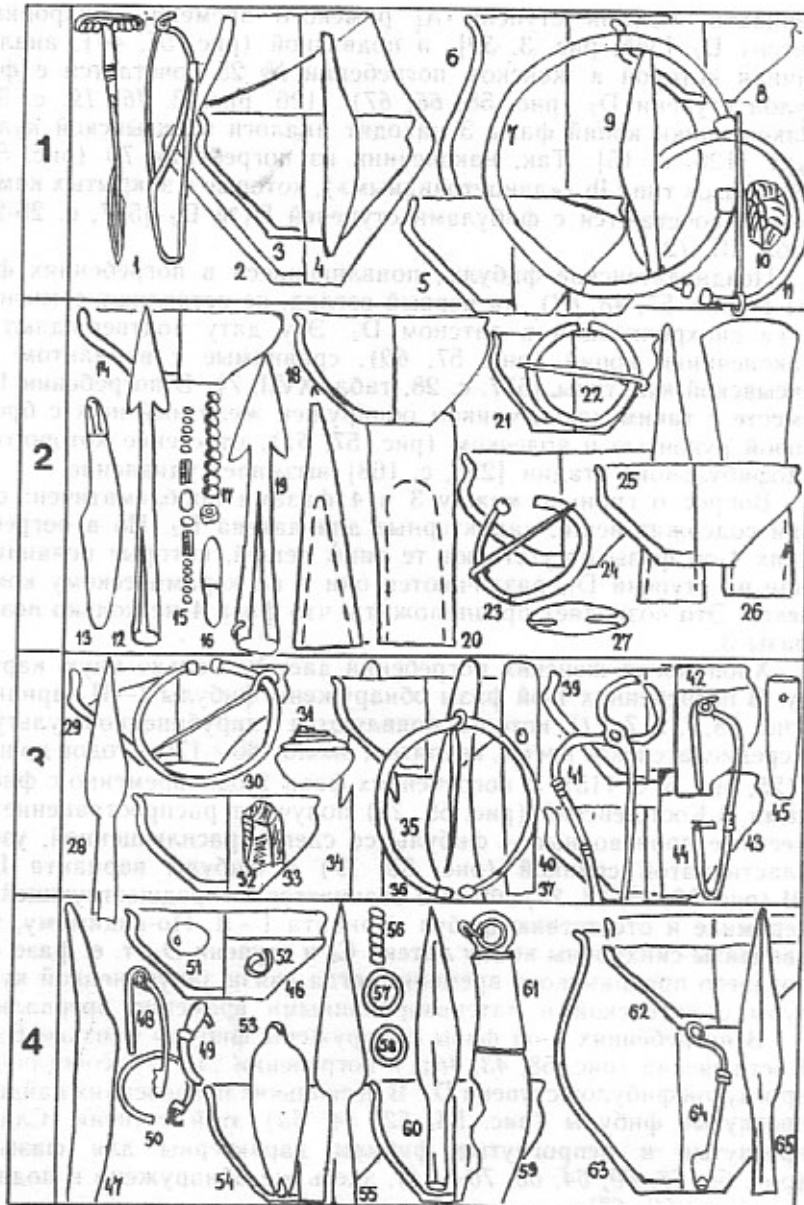
Позднелатенские фибулы, появляющиеся в погребениях фазы 4 (рис. 57, 48, 64), на первый взгляд, не оставляют сомнений в ее синхронизации с латеном D_2 . Эту дату подтверждают и наконечники копий (рис. 57, 60), сравнимые с вариантом IIс оксывской культуры [577, с. 28, табл. XVII, 7]. В погребении 184 вместе с таким наконечником обнаружен железный нож с бронзовой рукоятью и колечком (рис. 57, 61), отнесение которого к «дофибульной» стадии [255, с. 168] вызывает удивление.

Вопрос о границе между 3 и 4 фазами проблематичен: обе они содержат вещи, характерные для латена D_2 . Но в погребениях 4-ой фазы отсутствуют те типы вещей, которые появились еще на ступени D_1 , различаются они и по керамическому комплексу. Это позволяет предположить, что фаза 4 несколько позже фазы 3.

Хронология женских погребений дает несколько иную картину. В погребениях 1-ой фазы обнаружены фибулы I—II варианта (рис. 58, 1, 2, 7, 11), которые появляются в зарубинецкой культуре в среднелатенское время, вероятно, около 180—170-х годов до н. э. [125, рис. 5, с. 115]. В погребениях фазы 2 одновременно с фибулами В-Костшевский (рис. 58, 22) получают распространение их местные производные — фибулы со слегка расплющенной, узкопластинчатой спинкой (рис. 58, 19) и фибулы варианта II—III (рис. 58, 15, 27, 28). Фаза 3 отличается от предшествующей по керамике и отсутствию фибул варианта I—II. По-видимому, эти две фазы синхронны концу латена C_2 и ступени D_1 , т. е. фазе «с» позднего предримского времени, когда связи зарубинецкой культуры с латенской и латенизированными временно прервались.

В погребениях 4-ой фазы обнаружены фибулы близкие D/E-Костшевский (рис. 58, 43, 46), в погребении 246 — в сочетании с прогнутой фибулой ступени D_2 . В нескольких погребениях найдены прогнутые фибулы (рис. 58, 52, 54, 55) этой ступени. Слабопрогнутые и непрогнутые фибулы характерны для фазы 5 (рис. 58, 58, 60, 64, 66, 70—71), здесь же обнаружена и подвязная (рис. 58, 67).

Таким образом, 1-ая фаза женских погребений и 1-ая фаза мужских могут быть синхронизированы с латеном С₂ и фазой «b» позднего предримского времени, а если учесть малое количество погребений этой фазы — скорее с поздними отрезками указанных ступеней относительной хронологии, т. е. со 150—120-ми годами до н. э. 2-я и 3-я фазы женских погребений и 2-ая фаза мужских синхронизируются с латеном D₁ и фазой «c» позднего предримского времени, т. е. со 120—60-ми годами до н. э., а 4-ая фаза женских и 3-я фаза мужских — с латеном D₂ и фазой «d» позднего предримского времени, т. е. с 60—20-ми годами до н. э. (абсолютные даты периодов см.: рис. 1, 16).

Сложнее обстоит дело с 4-ой фазой мужских и 5-ой женских погребений. На первый взгляд, их следовало бы синхронизировать с латеном D₂ и фазой «e». Но при внимательном рассмотрении оказывается, что самые поздние фибулы Чаплина, происходящие из погребений этих фаз, — слабопрогнутые и непрогнутые (рис. 57, 48, 64, 58, 60, 64-66, 70-71), в то время как поздние фибулы ступени D₂ и фазы «e» позднего предримского времени — сильнопрогнутые [405, с. 206-207; 429, табл. IX, 13, 15, 30, 31], которые в Чаплине соответствуют 4-ой фазе женских погребений (рис. 58, 54, 55). Слабопрогнутые фибулы, близкие чаплинским, характерны для римского времени ступени A₂ [365, рис. 3, 35, 36]: они достаточно широко известны на Рейне и Дунае [440, рис. 44, 5, 7; 540, табл. 74, 2246, 97, 3396, 98, 348], в то время как происхождение сильнопрогнутых фибул связывается в основном с пшеворской и оксывской культурами [405, с. 208]. Слабопрогнутая фибула с отверстиями на спинке из погребения 229 в Чаплине (рис. 58, 65) может быть сопоставлена с раннеримской Альмгрен-19 [365, рис. 3, 6]. Все это убеждает нас в том, что последние фазы женских и мужских погребений синхронны уже не латену D₂, а времени доживания латенских традиций в культурах позднего предримского времени (фаза «f») в условиях распространения влияния провинциально-римской культуры, охватывавшего период с 15 г. до н. э. до 20—40 гг. н. э. (рис. 16), механизм которого остается пока неясным ввиду слабой исследованности.

Таким образом, могильник Чаплин был заложен во II в. до н. э., скорее ближе к его середине, о чем свидетельствует малое количество погребений 1-ой фазы и отсутствие расчлененных фибул с треугольным щитком. Наиболее активно он использовался

Рис. 57. Хронология мужских погребений могильника Чаплин.

1-1	п. 142, 57	п. 151, 8-11	п. 201, 12-16	п. 189, 17-19	п. 191, 20-22	п. 211, 23-24	п. 191,
25-27	п. 206, 28-30	п. 70, 31-37	п. 261, 38-41	п. 152, 42-45	п. 58; 46-49	п. 131, 50-55	
			п. 125, 56-61	п. 184, 62-65	п. 29.		

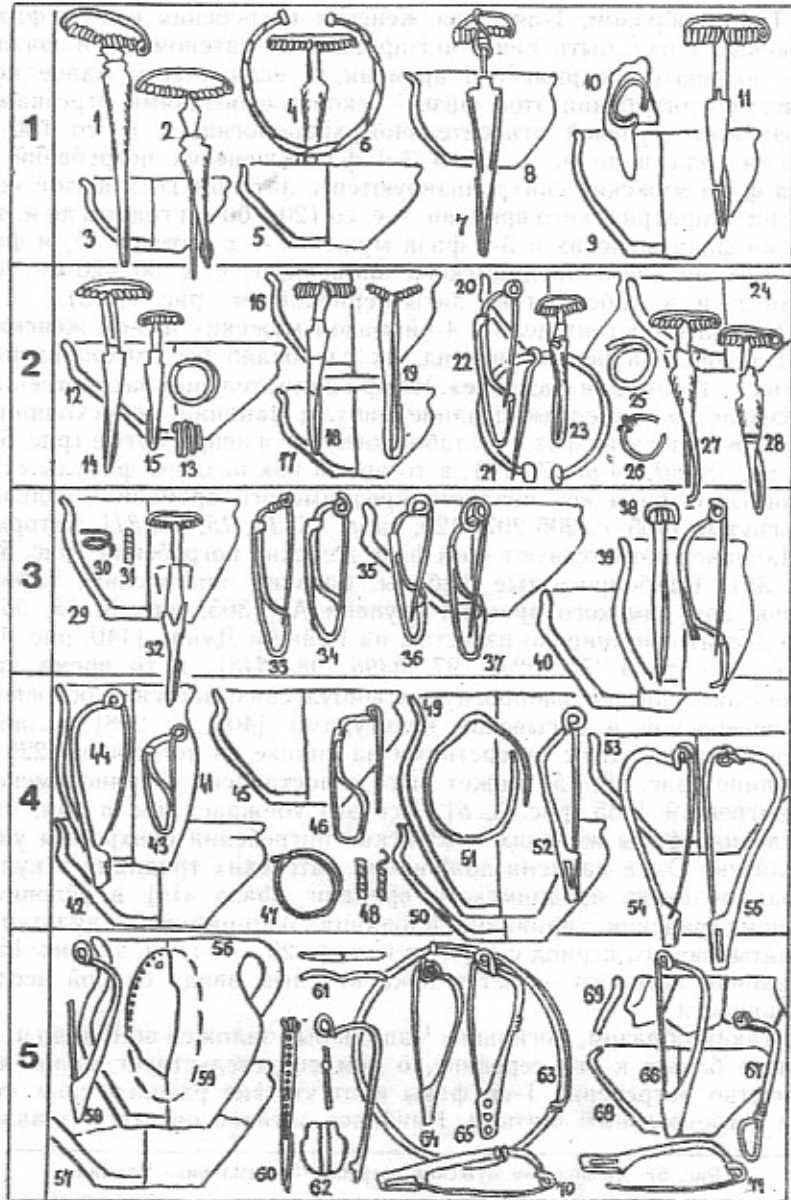

Рис. 58. Хронология женских погребений могильника Чаплин.

1-3 — п. 16, 4-6 — п. 44а, 7-8 — п. 103, 9-11 — п. 72, 12-15 — п. 201, 16-19 — п. 109, 20-23 — п. 117, 24-28 — п. 85, 29-32 — п. 27, 33-34 — п. 122, 35-37 — п. 241, 38-40 — п. 89, 41-44 — п. 246, 45-46 — п. 34, 47-52 — п. 143, 53-55 — п. 129, 56-60 — п. 37, 61-65 — п. 229, 66-69 — п. 25, 70-71 — п. 253.

в позднелатенское время, в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э., когда было совершено 90 % всех датированных погребений. Не противоречат распространению этой датировки на весь верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры материалы поселений, а также могильника Горошков: изделий, которые могут быть синхронизированы с латеном C₂, здесь обнаружено исчезающе малое количество, большинство находок синхронизируется с позднелатенским временем [225, с. 14-15].

Рассмотрение горизонтальной стратиграфии могильника (рис. 59) лишь отчасти подтверждает картину его хронологического развития от центра к краям, предложенную Л. Д. Поболем [255, рис. 70] и поддержанную А. М. Обломским [225, с. 11]. Самые ранние погребения очерчивают практически всю территорию, использовавшуюся позднее, но вследствие их малочисленности создается впечатление, что более поздние погребения как бы расширяют ее. На самом деле может быть выделена лишь одна окраина могильника, освоенная позже других — юго-западная, в районе раскопа «и» (рис. 59).

По вопросу о происхождении верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры можно отметить следующее. Если исходить из определения поздней даты поморской культуры по латенским фибулам ступени B₁ [582, рис. 13, VIII], закончившейся около 330-х годов до н. э. (рис. 1), и немногим более поздней датировки конца милоградской культуры по импортам ступени B_{2a} — 280-ми годами до н. э. [89], то между этими культурами и ранними комплексами Чаплина образуется лакуна длительностью около столетия. Это не позволяет согласиться с тем, что памятники верхнеднепровского варианта формировались на поморско-милоградской основе [227]. Сходство ранней чаплинской керамики с позднепоморской ничуть не выше, чем с синхронной восточноясторфской, причем существование ясторфской культуры в последних веках до н. э., в отличие от поморской, не вызывает сомнений [88]. Впрочем, в данном случае выбор аналогий не столь уж важен: массовое использование могильника Чаплин начинается в то время, когда зарубинецкая культура уже сложилась. Во всяком случае, материалы женских погребений мало чем отличаются от женских погребений других вариантов культуры, за исключением отсутствия в Чаплине бронзовых фибул с треугольным щитком и фибул IV варианта, что, возможно, свидетельствует о нарушении связей с остальной территорией культуры в период их появления, т. е. где-то на ступени D₁ [125, с. 116, рис. 5].

Практически все отличия могильника Чаплин и верхнеднепровского варианта культуры от других заключаются в особенностях

мужских погребений — погребений воинов, в которых полностью отсутствует юго-западный, балканский компонент культуры и очень ощутимы позднескифский, оксывский и ясторфский компоненты.

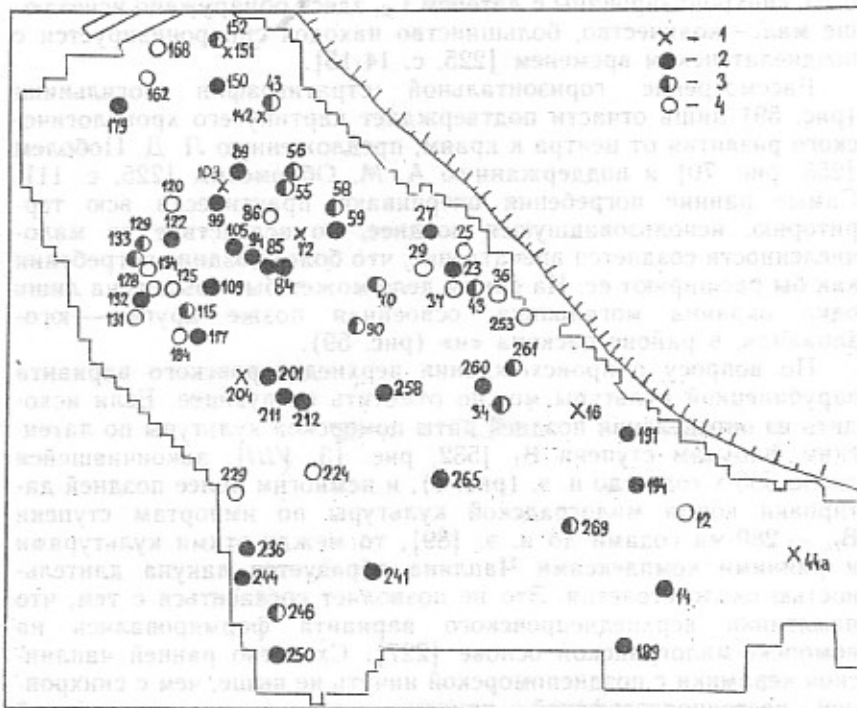

Рис. 59. Горизонтальная стратиграфия могильника Чанайев.

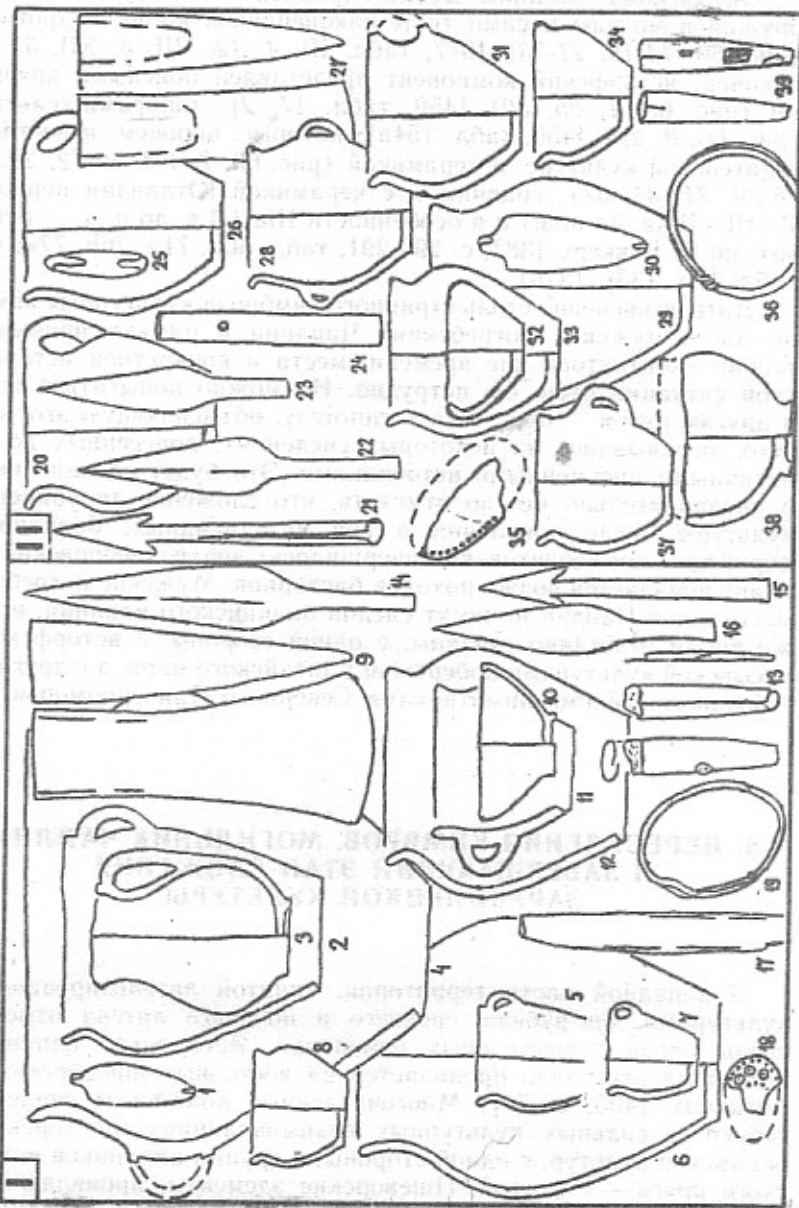
К проявлению позднескифского компонента могут быть отнесены точила (рис. 60, 17, 24), нагубник (рис. 60, 18, 35), «игольник» (рис. 60, 13, 39) и, с меньшей степенью вероятности, подковообразные фибулы, браслеты со скользящим замком, сосуды на кольцевых поддонах и миски с загнутым внутрь краем (рис. 60, 10, 19, 32, 36, 38). Аналоги этим вещам происходят из Неаполя Скифского, из могил, датированных фибулами неапольского варианта и среднелатенской конструкции [310, табл. IX, 8, XXII, 3, 7, XXV, 2-5, 9, XXXVII, 37-39].

Оксывскому влиянию можно приписать обычай помещения оружия в могилы и сами типы наконечников копий и дротиков (рис. 60, 14-16, 21-23) [577, табл. III, 4, 12, VII, 3, XII, 3]. И, наконец, ясторфский компонент представлен поясными крючками (рис. 60, 1, 25, 30) [459, табл. 17, 2], топорами-кельтами (рис. 60, 9, 27) [450, табл. 154a], которые, впрочем, известны и в датской культуре, и керамикой (рис. 60, 2, 4-8, 10-12, 20, 26, 28-29, 31, 34, 37), сравнимой с керамикой Ютландии периодов II (III—II вв. до н. э.) и в особенности IIIa (II в. до н. э. — рубеж эр), по К. Беккеру [383, с. 290-291, табл. 60d, 71a, 76h, 77k; 450, табл. 18h, 133j, 137h].

Дать объяснение столь странного симбиоза культурных компонентов в мужских погребениях Чаплина в рамках привычной теории «контактов» вне времени, места и конкретной исторической ситуации было бы нетрудно. Но можно попытаться пойти и другим путем — предложить гипотезу, объясняющую этот симбиоз, основываясь на некоторых сведениях, донесенных до нас античными письменными источниками. Это будет сделано ниже, а предварительно можно отметить, что сложение зарубинецкой культуры после появления в ней юго-западных, балкано-иллирийских компонентов не завершилось: верхнеднепровский вариант появляется позже походов бастарнов. Мужские погребения могильника Чаплин не несут следов балкайского влияния, и в то же время отчетливо связаны, с одной стороны, с ясторфской и оксывской культурами побережья Балтийского моря, а с другой — с позднескифскими памятниками Северного Причерноморья.

5. ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КИМВРОВ, МОГИЛЬНИК ЧАПЛИН И ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП СЛОЖЕНИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В западной части территории, занятой латенизированными культурами, на рубеже среднего и позднего латена отмечены следы очень существенных изменений. Ясторфское влияние в это время отчетливо проявляется на восточных пшеворских памятниках [405, с. 74]. Многочисленные комплексы свидетельствуют о сильных культурных взаимовлияниях пшеворской и оксывской культур, с одной стороны, и группы памятников ясторфского круга — с другой. Пшеворские элементы, проявляющиеся в орнаментации, способе изготовления и формах керамики,

с. 71, 73, рис. 3, 5; 63, с. 14-15, табл. IV, 13; 325, с. 126-127, рис. 41, 5]. В то же время на восточных латенских памятниках обнаружены некоторые вещи позднескифского происхождения, например точка [584, рис. 4].

Если процессы, происходившие на рубеже среднего и позднего латена в ясторфской и пшеворской культурах объясняются переселениями вандалов [496; 529] и кимбров [506], то с объяснением процессов, наблюдаемых в зарубинецкой культуре и соседних с нею областях в это же время, никакие конкретные сведения, никакие конкретные названия племен до сих пор не связывались. Видимо, настала пора это сделать.

В сохранившемся в «Жизнеописаниях» Плутарха фрагменте «Истории» Посидония Апамейского, охватывавшей 145—82 гг. до н. э. [157, т. I, ч. 2, с. 487-488; 278, с. 39-40], упоминаются кельтоскифы и кимбры на берегах Меотиды. При внимательном прочтении этот фрагмент распадается на две части, судя по всему, смешанных механически. Первую часть мы отметим цифрой (1), вторую — (2). Текст до звездочки принадлежит Плутарху.

Итак: «(1) Кимбры ни с кем не вступали в сношения, а та страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что это за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство предполагало, что они принадлежат к германским племенам, живущим около Северного Океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также то, что кимбрами германцы называют разбойников*. Но некоторые утверждают, будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение, и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему материку. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя — кельтоскифы. (2) Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводимые неким Лигдамидом беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию, (1) а что самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего Моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чащи высоких деревьев, простирающихся до самого Геркинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие

склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи — равной длины и делят год на две части» [252, Марий, XI].

Если пласт сведений (1) содержит более или менее реальные данные о кимврах и кельтоскифах, то (2) пересказывает фантастическую версию о родстве киммерийцев и кимвров. Именно второй пласт сведений и послужил, вероятно, причиной того, что М. И. Ростовцев в свое время посчитал кельтоскифов и кельтиберов созданием фантазии Посидония [278, с. 39-40]. Реальность существования кельтиберов сейчас уже не вызывает сомнений [209, с. 292-309]. В то же время данные о кельтоскифах и кимврах на берегах Меотиды до сих пор кажутся фантастическими. Вместе с тем если отнести отождествление киммерийцев и кимвров за счет бытовавшей в античное время традиции удревления описываемых народов и учесть, что Посидоний в передаче Страбона пытался смягчить это явно режущее слух отождествление с помощью «народной этимологии»⁵, то в сообщении Посидония можно попытаться отыскать зерно истины.

Если «кельтоскифский» пласт сведений Посидония отнести к промежутку между 145 г. до н. э., которым начиналась его «История» в 52 книгах, и 190-ми годами до н. э., когда кимвры действуют уже далеко на западе, то окажется, что Посидоний мог получить сведения о кельтоскифах от Помпея приблизительно через полвека после описываемых событий. Страбон сообщает: «Посидоний был другом Помпея, совершившего поход против иверов и албанцев до морей, находящихся по обе стороны их, то есть Каспийского и Колхидского» [307, XI, 1, 6]. А поход этот состоялся в 66—65 гг. до н. э. и был направлен против союзников Митридата Евпатора [129, XXXVI, 50—XXXVII, 5], следовательно, непосредственно затрагивал и скифов, поддерживавших понтийских царей вплоть до 63 г. до н. э. Скифы тоже были врагами Рима, а своих врагов Помпей должен был знать хорошо.

Почему же Посидоний отождествил кимвров и кельтоскифов? Ведь после 120-х годов до н. э. кимвры уже хорошо были известны римлянам, и ни один источник не называет их ни кельтами, ни скифами. Самое интересное — то, что Посидоний не отождествляет кимвров с германцами, как это делают более поздние источники, в частности, Плутарх в предисловии к отрывку из Посидония. Здесь можно предложить следующее

⁵ «Посидоний... делает удачное предположение о том, что кимвры, как разбойничье и кочевое племя, совершали походы даже по области Меотиды: от них-то⁶ и Боспор получил название «Киммерийского», как бы «Кимврского», так как греки называли кимвров киммерийцами» [307, VII, 2, 2].

объяснение. Термин «германцы» был использован уже самим Посидонием, но не в собирательном значении, а по отношению к племени, живущему на левом берегу Рейна. Собирательным этот термин стал лишь после восстания Спартака, а окончательное его значение — как общего названия группы северных варваров утвердилось лишь во времена Тацита [429, с. 18]. В то же время доказано, что существовала обширная группа племен «между кельтами и германцами» [441], сочетающая в себе черты как одних, так и других варваров. Судя по всему, к таким «промежуточным» племенам следует отнести и кимвров Посидония, как и предшествующих им бастарнов, которых античные источники называли то кельтами, то германцами, а то и вовсе фракийцами [567, с. 14]. Связь кимвров с кельтами в таком случае становится понятной. Сложнее объяснить связь кимвров со скифами.

Географическое расположение Кельтики, в которой живут кимвры, описанное Посидонием, согласуется с реальностью второй половины II — начала I в. до н. э. только в том случае, если под «Кельтикой» понимать не только территорию, занятую собственно кельтами, но и территорию племен, подвергшихся сильному кельтскому влиянию, т. е. носителей латенизированных культур позднего предримского времени — ясторфской, оксывской, пшеворской, поянешти-лукашевской и зарубинецкой, которая действительно тянется от «Внешнего моря» в сторону Меотиды. Но где же могло происходить смешение «кельтов» со скифами? Если в могильнике Чаплин позднескифские элементы прослеживаются достаточно отчетливо, то этого нельзя сказать о зарубинецких могильниках Полесья и Среднего Поднепровья. Относить кельто-скифское «смешение» за счет постоянного, непосредственного контакта носителей зарубинецкой и позднескифской культур вряд ли правомерно еще и потому, что все время существования зарубинецкой культуры от поздних скифов ее отделяют сарматы [294, рис. 28].

Здесь следует обратить внимание еще на одно сообщение Страбона, относящееся к рубежу II—I вв. до н. э.: «Бастарны смешаны с фракийцами, правда, больше живущими по ту сторону Истра, и с теми, что живут по эту сторону. С ними смешались кельтские племена — бойи, скордиски и тавриски» [307, VII, 3, 2]. Это сообщение может быть поставлено в один ряд с сообщением о смешении кельтов и скифов у Меотиды. По сути дела, оба автора свидетельствуют об одном процессе, происходившем в Северном Причерноморье, но в разных его частях: Страбон — в западной, Посидоний — в восточной. Реальность существования «кельтоскифов» Посидония, таким образом, сказывается более чем вероятной. Может быть, и их, а не только насмешков-

галатов изображают боспорские тиракотовые статуэтки воинов с овальными щитами [265; 314]?

Если позднескифские элементы в Чаплине считать обратной связью кельто-скифского смешения на восточной оконечности Кельтики Посидония, то путь кимвров, ставших впоследствии «кельтоскифами», из Ютландии к берегам Меотиды, который маркируется кругом аналогов вещам из мужских погребений Чаплина, вряд ли прошел мимо Верхнего Поднепровья. Значение этого последнего северо-западного импульса в сложении зарубинецкой культуры трудно переоценить.

На первый взгляд, логично было бы предположить, что мужские погребения Чаплина появились не столько благодаря передвижениям собственно кимвров, сколько вследствие передвижений их восточных соседей. Отчасти это действительно так, поскольку в чаплинских погребениях фиксируются и оксывские черты, но в то же время никаких пшеворских черт не наблюдается, а ведь носители этой культуры тоже были восточными соседями кимвров. Кроме того, в Чаплине есть вещи собственно северо-ютландского происхождения, да и письменные источники никаких восточных соседей кимвров в окрестностях Меотиды не упоминают.

Итак, на основании проведенного нами исследования можно наметить три этапа сложения зарубинецкой культуры. Первый из них (225—190-е гг. до н. э.) синхронен времени сложения других латенизированных культур: в это время совершаются единичные погребения на Полесье и в Среднем Поднепровье. Второй этап (180—170 гг. до н. э.) связан с балканскими походами бастарнов, после которых в Среднем Поднепровье и Полесье появляются многочисленные вещи юго-западного происхождения и резко возрастает количество памятников. На третьем этапе (150—120-е гг. до н. э.) складывается верхнеднепровский вариант культуры, мужские погребения которого существенно отличаются от погребений двух других вариантов. Появление этого варианта, завершающее сложение зарубинецкой культуры в ее классическом виде, как нам представляется, связано с передвижениями кимвров-кельтоскифов в окрестностях Меотиды, о которых сообщает Посидоний.

У ГЛАВА

Зарубинецкая культура и Северное Причерноморье

Роль латенского влияния в сложении зарубинецкой культуры трудно переоценить. Как мы попытались показать выше, немаловажными оказываются и ясторфские импульсы. Но предлагаемая нами версия сложения зарубинецкой культуры вступает в противоречие с мнением Е. В. Максимова, полагающего, что «связи зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья с античным миром, представленным Ольвией и ее широкой периферией, были более конкретными и результативными, чем с далекой латенской культурой» [175, с. 48]. Для того чтобы выяснить, действительно ли это так, следует обратиться к анализу археологических источников, которые могут иметь отношение к таким связям, — к поздним латенским импортам зоны античных городов Причерноморья и находкам так называемой зарубинецкой керамики на позднескифских памятниках. Кельтские элементы в культуре Причерноморья интересны и сами по себе, так как могут пролить свет на ряд непонятных и кажущихся сомнительными сообщений письменных источников, в том числе и о кельтоскифах.

1. ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНИХ ЛАТЕНСКИХ ИМПОРТОВ ЗОНЫ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (II—I вв. до н. э.)

Проблема хронологии поздних латенских импортов в Причерноморье в целом еще не ставилась. Латенские древности этого периода привлекались лишь выборочно, в основном для

иллюстрации угрозы Ольвии со стороны галатов и скиров [186—188: 293] или контактов с зарубинецкой культурой. С выходом работ В. Зирры по хронологии латенских находок на Западном Понте [586] и Х. Поленца, собравшего немногочисленные кельтские вещи, обнаруженные в Малой Азии [523], появилась возможность «замкнуть кольцо» исследования хронологии поздних латенских импортов вокруг Черного моря и попытаться выяснить, в каких исторических условиях происходило их попадание в припонтийские области.

Нами собраны находки из 89 пунктов (рис. 62, Прилож. IV). Их число могло бы быть значительно увеличено за счет латенских импортов и дериватов латенских изделий, происходящих из зарубинецких и поянешти-лукашевских комплексов, но мы включили в сводку лишь те из них, которые обнаружены и в других регионах Причерноморья («латенские» ситюлы, фибулы с восьмерками на спинке и графитированную керамику).

Часть поздних латенских импортов, обнаруженных в Северном Причерноморье, трудно отделима от поздних экземпляров ранней группы, особенно в Гетике. Это прежде всего лигнитовый браслет, обнаруженный на поселении Горошева, относящийся к ступеням B_2-C_{1a} , а судя по всему набору вещей поселения — к C_{1a} (рис. 61, 31) [336, с. 245]. К ступени C_1 скорее всего относится и керамический комплекс кельтского жилища в Бовшеве [143—144], находящий аналоги в керамике Финчинеле этого периода [407, рис. 3, 2, 6, 1, 7, 2]. Вряд ли позднее фрагмент браслета из полых полушарий, обнаруженный в Городиште (рис. 61, 30) [390, рис. 4, 28]. Несомненно ранней является находка фрагментированной фибулы А-Кэстшевский близ Дербента (рис. 61, 10) [390, рис. 4, 24].

Серию ранних находок продолжают фибулы с проволочными восьмерковидными петлями («восьмерками») на спинке. Они двух вариантов. Первый — длинные проволочные бронзовые фибулы с одной или несколькими крупными восьмерками (рис. 61, 6, 29), по-видимому, происходящие от более ранних, для которых характерна еще и фальшивая пружинка на конце ножки [389, табл. III, 5; 517, рис. 4, 14]. Наиболее близкие причерноморским экземпляры отнесены К. Пешелем к группе B_1 [517, с. 22, рис. 8], а датируются они латеном C_1 [390, рис. 4, 27; 584, с. 58-59, рис. 28; 585, рис. 23, 61]. Фибулы второго варианта — короткие, как правило, с двумя восьмерками и обвитой проволокой спинкой (рис. 61, 11, 32). В Зимнице такая фибула обнаружена в погребении 68 вместе с фибулой с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой на конце ножки [371, рис. 1, 3, 4] ступени B_2/C_1 [517, рис. 5, 18, с. 10-14], а в могильнике Воронино —

с фибулой В-Костшевский ступени С₂ [151, табл. 40, 15], что и определяет хронологические рамки подобных фибул.

Перечисленные выше категории находок могут быть отнесены за счет сохраняющихся контактов Геттики с кельтским населением Подунавья, с одной стороны, и за счет контактов с носителями латенизированных культур, складывающихся в это время (поянешти-лукашевской и зарубинецкой), — с другой. В более позднее время многие кельтские находки связаны именно с памятниками латенизированных культур, хотя изредка они встречаются на гето-дакийских памятниках и в подъемном материале. Это находки стеклянных среднелатенских браслетов (Прилож. IV, № 11), графитированной керамики ступеней С₂ и D (Прилож. IV, № 12, 20-21, 23-24, 54) и крашеной позднелатенской (Прилож. IV, № 13).

Если ранние категории импортов уверенно связываются, прямо или опосредованно, с Подунавьем, то более поздние происходят и из других регионов латенской культуры. Происхождение ряда типов вещей, например фибул В-Костшевский (рис. 61, 13, 18, 28, 34) ступени С₂ [429, с. 44], определить трудно, так как они характерны для всего круга латенской и латенизированных культур.

Происхождение копьевидных фибул (рис. 61, 22, 35, 36) вслед за К. В. Каспаровой [120—122] ряд исследователей связывает с Балканами [104, с. 68; 238], что нам представляется единственно возможным: фибулы с треугольным щитком на спинке, происходящие из Северного Причерноморья, за исключением обнаруженной на поселении Лукашевка-II (рис. 61, 35), существенно отличаются от зарубинецких по пропорциям щитка (рис. 61, 22, 36), которые гораздо ближе пропорциям собственно копьевидных фибул Подунавья. Отличает от зарубинецких фибулы Причерноморья и материал, из которого они изготовлены, — это исключительно бронза и драгоценные металлы. В Неаполе Скифском каменная гробница, в которой обнаружена копьевидная серебряная фибула, частично перекрыта погребением в ящике XI с фибулой неапольского варианта, датированном краснолаковым флаконом конца II — начала I в. до н. э. [8, с. 22]. Поэтому вряд ли будет верно связывать попадание копьевидных фибул в Северное Причерноморье со временем походов бастарнов на Балканы в 180—170-е гг. до н. э., хотя и есть сведения о рабах-бастарнах, появившихся в греческих городах после этих событий [64, № 88-89]. Комплексы, в которых найдены копьевидные фибулы в Причерноморье, — более поздние, чем ранние погребения зарубинецкой культуры с фибулами с треугольным щитком, и явно не принадлежат рабам. По-видимому, в конце II — начале

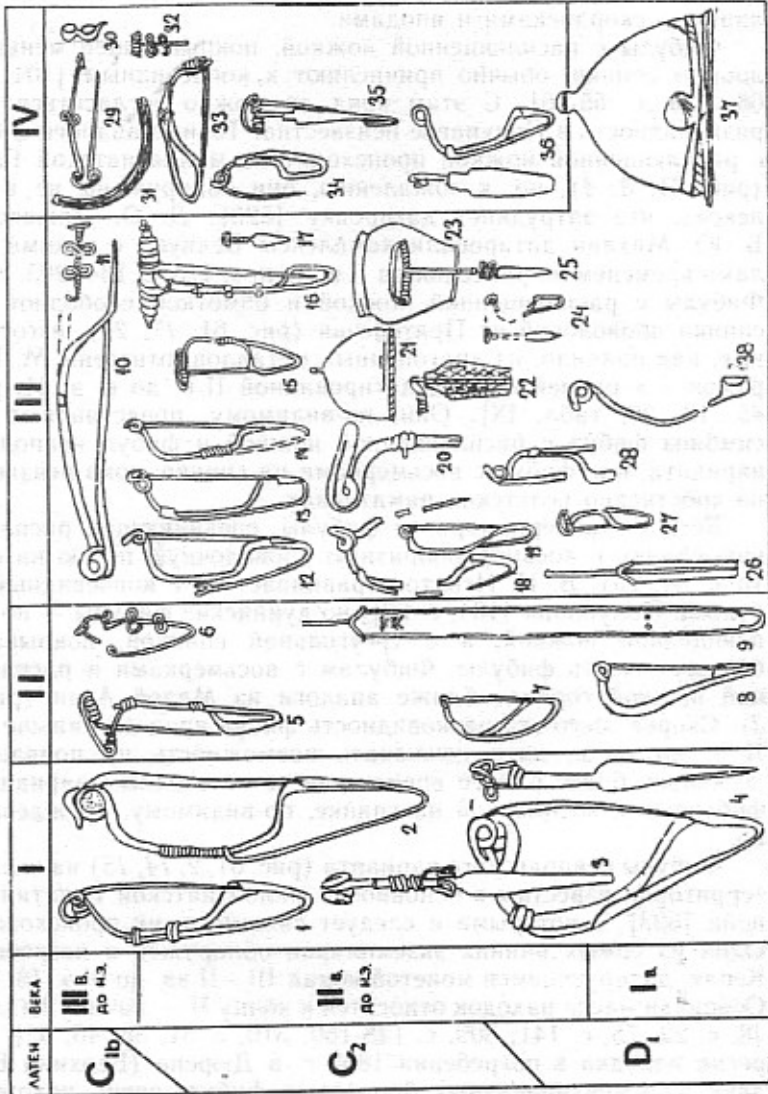
I в. до н. э. существовали какие-то непосредственные связи германцев, поздних скифов и соседних с ними сармат (а именно в их погребениях обнаружены копьевидные фибулы) с племенами Иллирии — скордисками и яподами.

Фибулы с расплющенной ножкой, покрывающей меньше половины спинки, обычно причисляют к копьевидным [104, с. 67-68; 228, с. 55-56]. С этим вряд ли можно согласиться: такая разновидность в Подунавье неизвестна. Точные аналоги фибулам с расплющенной ножкой происходят из малоазиатской Галатии (рис. 61, 3, 4), но, к сожалению, они обнаружены не в комплексах, что затрудняет датировку [523]. Д. О. Дашевская и Б. Ю. Михлин датировали комплексы Беляуса с такими фибулами временем на раннее конца II в. до н. э. [75, с. 134; 203, с. 202]. Фибулы с расплющенной ножкой и обмоткой свободной части спинки проволокой из Притеречья (рис. 61, 17, 24), изготовленные, как правило, из драгоценных металлов, отнесены М. П. Абрамовой к ранней группе, датированной II в. до н. э. [1, рис. 4, 45, 13, 20, табл. IX]. Они, по-видимому, представляют собой симбиоз фибул с расплющенной ножкой и фибул неапольского варианта, или фибул с восьмерками на спинке, пока неизвестный на собственно кельтских памятниках.

Есть в Причерноморье и фибулы, соединяющие расплющенную спинку и восьмеркообразную проволочную петлю на спинке (рис. 61, 25). В. Н. Игнатов сравнивает их с копьевидными фибулами Подунавья [104, с. 68], но дунайские фибулы — не с расплющенной ножкой, а с треугольной спинкой, покрывающей большую часть фибулы. Фибулам с восьмерками и расплющенной ножкой гораздо ближе аналоги из Малой Азии (рис. 61, 3). Скорее всего эта разновидность фибул вряд ли раньше конца II в. до н. э., хотя исключать возможность их появления в несколько более раннее время, вместе с исходным вариантом — фибулами с восьмеркой на спинке, по-видимому, преждевременно.

Фибулы неапольского варианта (рис. 61, 2, 14, 15) на кельтской территории известны в основном в малоазиатской Галатии и Синопсе [523], с которыми и следует связывать их происхождение. Один из самых ранних экземпляров обнаружен в погребении в Кепсах, датирующемся монетой конца III—II вв. до н. э. [8, с. 22]. Основная масса находок относится к концу II — началу I в. до н. э. [8, с. 22; 75, с. 141; 309, с. 148-150; 310, с. 31, 35, 46, 52]. Интересна находка в погребении 1865 г. в Дюрене (Верхний Баден) двух фрагментированных бронзовых фибул, очень похожих на фибулы неапольского варианта. Комплекс отнесен Х. Поленцом к ступени C₂ [524, рис. 4, 7-8, табл. I, с. 58-65].

«Псевдоримелатенские» фибулы с неприкрепленными к спинке концами ножек (рис. 61, 19, 27) в большом количестве обнаружены в Ольвии и Белгусе. По комплексам они датируются концом II — началом I в. до н. э. [203, с. 196; 330, с. 78] и могут быть сравнены с фибулами, у которых ножка прикреплялась к спинке с помощью хомутиков (рис. 61, 1, 5), и с неапольскими фибулами, у которых спинка обмотана заходящим концом ножки. Оба способа крепления могли быть выполнены с помощью не металлических, а каких-либо других материалов, не сохранившихся в земле, например из кожи.

Золотая армавирская фибула с тройными выступами-шишечками на спинке (рис. 61, 16) датирована А. К. Амброзом II— I вв. до н. э. О. Д. Дашевская и Б. Ю. Михлин отметили, что, если судить по дате зеркала, происходящего из одного с фибулой комплекса, она может оказаться и несколько древнее [75, с. 132]. Мы склонны считать ее одновременной другим среднелатенским фибулам, изготовленным из драгоценных металлов, найденным в Восточном Причерноморье. Близкие украшения спинки фибул шишечками характерны и для собственно латенских изделий [422, рис. 30; 519, рис. 5, 24].

С достаточной степенью уверенности к латену C₂ можно отнести находки «латенских ситул», близких Эггерс-20 (рис. 61, 23) [420, табл. 8, 20], одна из которых в Синотенах обнаружена в комплексе с фибулой В-Костшевский [286]. Пронхождение таких ситул может быть связано с Иллирией, где их находки достаточно многочисленны [388], и, соответственно, с балканскими походами бастарнов.

Датировка шлемов типа Монтефортино, изображения которых известны на пергамских фризах Малой Азии [525, рис. 89], обнаруженных в Северном Причерноморье, вряд ли выходит за пределы II — начала I в. до н. э. [268; 290; 345; 526, с. 85-86]. Возможно, их появление здесь связано с войнами Митридата Евпатора: известно, что римский полководец Серторий, союзник понтийского царя, перевооружал армию по римскому образ-

Рис. 61. Хронология поздних латенских импортных зонтичных городов Причерноморья.

I — Малая Азия (по X. Ноллену), II — Западный Понт (по В. Зиррет), III — Северное Причерноморье, IV — Гетика. 1 — Приене, 2 — Кайзеры, 3-4 — Малая Азия, неясн. местность, 5, 7-8 — Тома, 6 — Месебрион, 9 — Каллатис, 10 — Дербент, 11 — Волхонцы, 12-14 — Керкишида, 15 — Петровское, 16 — Армавир, 17 — Нижний Джуглат, и. 114, 18 — Бабино, 19 — Ольвия, 20 — Белгус, мон. 172, 21 — Большой Токулак, 22 — Неаполь Скифский, каменные гробницы, 23 — Марьявка, 24 — Нижний Джуглат, и. 37, 25 — Холерскан, к. II, и. 8, 26 — Неаполь Скифский, шпик II, 27-28 — Белгус, склеп 90, 29 — Петешчи — Мушца, 30 — Городинце, 31 — Горюшца, 32, 34 — Змишца, 35 — Лукашевка II, 36 — Обшица, 37 — Веселый, 38 — Тапане.

цу [252. Серторий, XIII]. Наиболее поздними являются племена из Весселого, Маринтала и Чегема (рис. 61—37) [291, с. 65, 69].

I в. до н. э., точнее — первой его половиной, могут быть датированы несколько находок позднелатенских фибул (рис. 61, 8, 38) и мечей из Невроля Скифского (рис. 61, 26) и Каллатиса (рис. 61, 9, 26) [531].

Таким образом, поздние латенские импорты зоны античных городов Причерноморья (рис. 62) датируются в основном II — первой половиной I в. до н. э. По происхождению они связаны с Подунавьем и Малой Азией, и лишь три типа сопоставимы с зарубинецкими (рис. 63, 3-5). Часть ранних импортов, обнаруженных в Гетике, возможно, имеет отношение к галатам декрета Протогена [451, № 32], если считать их бастарнами [168]. Если же считать галатов кельтским племенем, эти импорты с ними вряд ли связаны, а декрет, по-видимому, следует датировать более ранним временем, чем конец III — начало II в. до н. э. [364].

Одновременное распространение однотипных латенских импортов в некоторых античных городах и в среде причерноморских варваров может быть объяснено сведениями о политической истории Причерноморья, сохранившихся в письменных источниках, свидетельствующих о том, что стержнем политической истории второй половины II — первой половины I в. до н. э. была объединительная деятельность понтийских царей носившая ярко выраженную антиримскую направленность [90].

В 240—230-е годы до н. э. Аттал I Пергамский, нанеся ряд поражений малоазийским галатам, отрезал их от морского побережья [412, № 269, 273—279]. Лишь около 180-х годов до н. э. они вновь получили возможность участвовать в серьезных политических событиях: в войне с Вифинией, Каппадокией и Пергамом Фарнак I Понтийский обращается к союзу с галатами [262, XXV, 2, 12; 367, XII, 3, 11]. Результатом этой войны стал захват Фарнаком Синопы и превращение ее в столицу Понтийского царства в 179 г. до н. э., равно как и конец изоляции галатов во внутренних областях Малой Азии. По договору с Херсонесом [451, № 402], заключенному при посредничестве Рима, Фарнак закрепил за собой Синопу, Карасунту и Тий. Западно-понтийские города в этой войне поддерживали Фарнака [30, с. 148-149]. В договоре упомянут и другой союзник Понта — сарматский царь Гатаал [112, с. 48]. Распространение ранней группы позднелатенских импортов практически полностью совпадает со списком союзников Фар-

пака I и может быть связано с включением в их число малоазийских галитов.

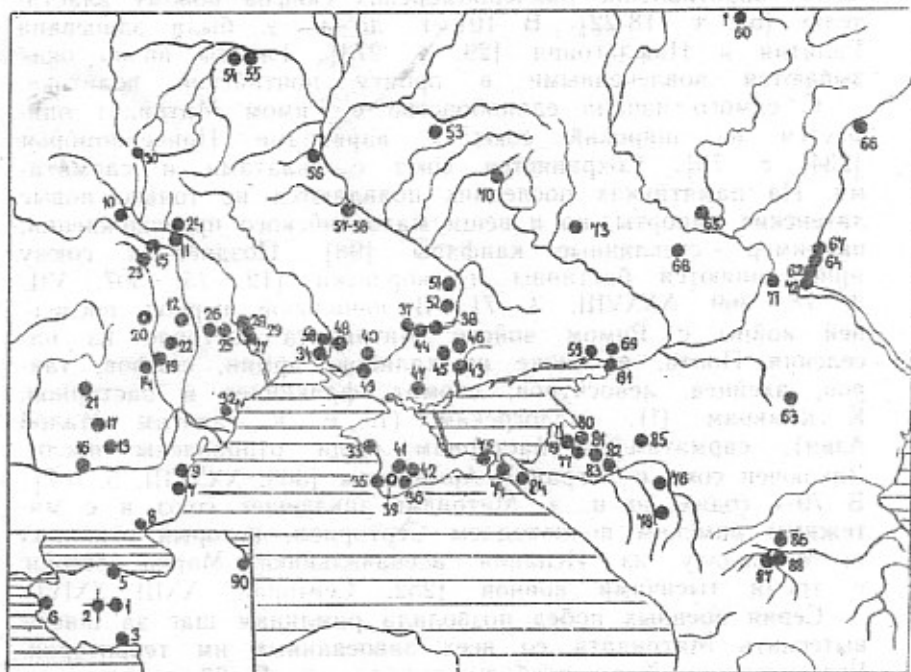

Рис. 62. Карта поздних лакеонских импортов зоны античных городов Причерноморья (номера памятников соответствуют номерам в Прилож. IV).

После смерти Фарнака римлянам удалось довольно быстро разрушить созданную им систему союзов. Но объективные предпосылки для ее воссоздания продолжали существовать, так как стремление небольших государств Причерноморья создать некий противовес римской политике, несомненно, нарастало с течением времени. В 116 г. до н. э. к власти в Понтийском царстве пришел Митридат VI, прозванный впоследствии Великим, и в совершенно иной политической обстановке, при огромном усилении римлян на востоке, он предпринял блестящую попытку превращения Черного моря во внутреннее море Понтийской державы. В зависимость от Митридата после походов Днофанта по-

падают Ольвия и Херсонес [307, VII, 4, 3; 451, № 352], царь Перисад передает ему власть на Боспоре [208]. Подавление восстания Савмака, по-видимому, окончательно сломило сопротивление причерноморских скифов новому властителю [53, с. 18-22]. В 101 г. до н. э. была завоевана Галатия и Пафлагония [29, с. 273]. Галаты вновь оказываются вовлеченными в орбиту понтийской политики.

С самого начала единоборства с Римом Митридат опирается на широкий союз с варварами Причерноморья [234, с. 79]. Сохраняется союз с галатами и сарматами. На памятниках последних появляются не только новые латенские импорты, но и вещи малоазиатского происхождения, например — стеклянные канфары. [98]. Позднее к союзу присоединяются бастарны и скордиски [12, 15; 307, VII, 3, 18; 369, XXXVIII, 3, 7]. В начальной период последней войны с Римом войско Митридата состояло из населения Понта, а также из халибов, армян, скифов, тавров, ахейцев, левоскуров, сармат, фракийцев и бастарнов. К кимврам (!), галлогрекам (т. е. к галатам Малой Азии), сарматам и бастарнам были отправлены послы. Заключен союз с Тиграном Армянским [369, XXXVIII, 5, 6-7]. В 70-х годах до н. э. Митридат заключает союз и с мятежным римским полководцем Серторием, который отправил к Митридату из Испании военачальника Марка Марка с тремя тысячами воинов [252, Серторий, XXIII XXIV].

Серия военных побед позволила римлянам шаг за шагом вытеснить Митридата со всех завоеванных им территорий. Его союзники были разбиты поодиночке. В 63 г. до н. э. Митридат VI Евпатор покончил с собой. Из всей его огромной державы до конца с ним остались лишь галаты-телохранители [230, VI, 5, 7]. В том же году римляне реорганизуют Галатию. Понт постепенно становится внутренним морем Рима. То, что не удалось Фарнаку и Митридату, оказалось под силу римлянам.¹

И вновь мы обнаруживаем совпадение распространения латенских и понтийских [34—35; 62; 98; 353] импортов племенам и территориям, поддерживавшим антиримские настроения и действия понтийского царя. Только участие галатов, скордисков, сармат, бастарнов, западнопонтийских городов (о роли последних см. [342]), поздних скифов, Ольвии, Херсонеса в

¹ Подробный анализ описываемых событий можно найти в монографии Е. А. Молева [209].

Понтийском союзе могло послужить причиной одновременного появления однотипных латенских импортов в Причерноморье. В пользу этого свидетельствует и то, что в погребениях Неаполя Скифского латенские и малоазиатские импорты обнаружены зачастую в одних комплексах [259, с. 154; 261, с. 109]. Появление фибул неапольского варианта на позднескифских и других памятниках может быть отнесено за счет прямых или опосредованных контактов с малоазиатскими галатами, а появление копьевидных — за счет участия скордисков в Понтийском союзе. По-видимому, обязаны галатам своим происхождением и различные модификации фибул с расплющенной ножкой (рис. 63).

В заключение отметим, что из поздних латенских импортов Северного Причерноморья ни один тип не может быть связан по происхождению исключительно с зарубинецкой культурой. Сходство вещей этой культуры и исследуемых импортов исчерпывается типологической близостью зарубинецких фибул с треугольным щитком и копьевидных, а также распространением некоторых интеррегиональных типов вещей — например, фибул В-Костшевский.

2. НАХОДКИ «ЗРУБИНЕЦКОЙ» КЕРАМИКИ НА ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

На многих позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья обнаружена керамика явно не местного происхождения [50, с. 138-140, рис. 65; 52, рис. 6, 1; 64, с. 98-99; 82, с. 88; 87, с. 58; 260, с. 139, рис. 12, 4; 270, с. 17, 27, 61, 62; 308; 351, с. 80, табл. XX, 6, и др.]. Большинство исследователей считают эту керамику зарубинецкой [65, с. 99; 308; 175, с. 71-72, и др.], а ее попадание в Нижнее Поднепровье объясняют контактами зарубинецкого и позднескифского населения или даже тем, что «часть населения Среднего Поднепровья переселилась на Нижний Днепр и постоянно здесь проживала» [175, с. 72]. Значительно меньше распространено мнение о гетской принадлежности этой керамики [50, с. 232; 51].

В то же время многим её типам достаточно давно находят аналоги в пойнешти-лукашевских комплексах [247; 260, с. 139, 208]. Рассмотрим в качестве примера керамику из Золото-балковского и Николаевского могильников, приведенную

Е. В. Максимовым вслед за Э. А. Симоновичем в качестве «зарубинецкой» [175, с. 72, 74, табл. XV; 308].

Миска из погребения 51 Николаевского могильника (рис. 64, 1) датируется фибулой бойев [308, с. 76] и аналогична миске из погребения 2 могильника Долиняны, датированного по всему набору вещей первой половиной I в. до н. э. [296, рис. 2, 3, с. 195, 205], а также миске с поселения Кукорены (рис. 64, 12), поздняя дата которого определяется второй половиной I в. до н. э. по позднелатенской прогнутой фибуле [557, рис. 31, 2]. Миска из погребения 133 Николаевского могильника (рис. 64, 2) также схожа с одной из мисок поселения Кукорены (рис. 64, 13). Высокие кружки с ручками из погребений 64 в Золотой Балке и 100, 115 в Николаевском могильнике (рис. 64, 3, 4) аналогичны фрагментированной кружке, обнаруженной на поселении Горошева (рис. 64, 14), поздняя дата которого определена С. П. Пачковой первой половиной I в. до н. э. [236, с. 50]. Миска на кольцевом поддоне из Золотой Балки (рис. 64, 5) аналогична миске, обнаруженной на поселении Кукорены (рис. 64, 15), а миска из погребения 170 Николаевского могильника (рис. 64, 6) — миске из погребения 13 в Лукашевке (рис. 64, 16). Миниатюрная миска на кольцевом поддоне (рис. 64, 7) схожа с миниатюрными гетскими сосудами. Интересна находка такого сосуда на поселении губинской группы ясторфской культуры Любошице (рис. 64, 17). Миниатюрные груболепные мисочки Николаевского могильника (рис. 64, 8-10) близки сосудам из погребений 59, 75, 90 Неполя Скифского (рис. 64, 18-20), где нет никакой «зарубинецкой» керамики.

Таким образом, практически все типы «зарубинецкой» керамики Нижнего Поднепровья находят соответствия и в поянешти-лукашевской культурной группе, в комплексах I в. до н. э. Известны и некоторые другие общие для позднескифской культуры и поянешти-лукашевских памятников типы вещей, например: наконечники ремней [260, рис. 10, 8; 566, рис. 161]. Исследуемая керамика типологически близка поянешти-лукашевской не в меньшей степени, чем зарубинецкой, и правильнее будет называть ее «латенизированной». Поскольку в сложении памятников типа Поянешти-Лукашевка и зарубинецкой культуры немало важную роль сыграли бастарны, скорее всего именно с ними следует связывать появление латенизированной керамики в Нижнем Поднепровье. Во II—I вв. до н. э., по данным письменных источников, носители латенизированных культур могли участвовать в событиях, происходивших в Нижнем Поднепровье, в пяти случаях, если не считать появления галатов и скиров в окрестностях Ольвии, которое относится к более раннему вре-

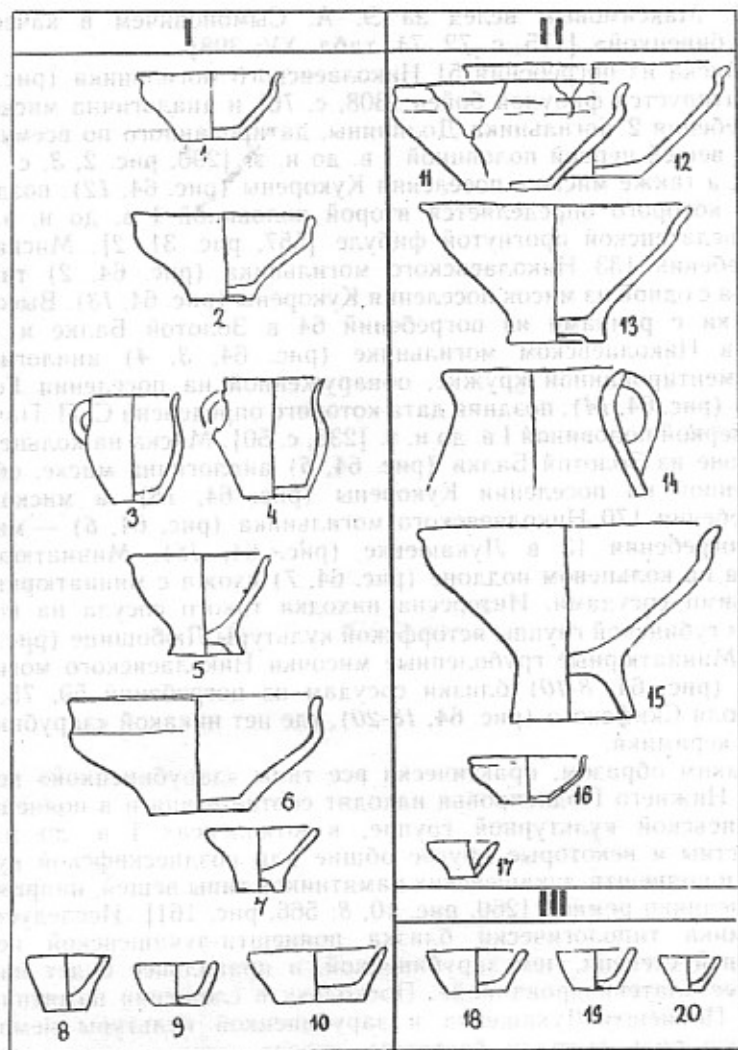

Рис. 64. Пошехонско-лукашеские аналоги «зарубинецкой» керамики, обнаруженной в погребениях позднескифских могильников Николаевка и Золотая Балка.

I — керамика из Николаевки и Золотой Балки, II — пошехонско-лукашеская керамика, III — керамика из Пещерно-Скифского I Николаевка, и 31, 2 — Николаевка, и 133, 3 — Николаевка, и 115, 4 — Золотая Балка, и 64, 5, 7 — Золотая Балка, 6 — Николаевка, и 170, 8 — Николаевка, и 81, 9 — Николаевка, и 117, 10 — Николаевка, и 127, 11 — Дольники, и 2, 12, 13, 15 — Кукорени, 14 — Горосева, 16 — Дусливца, и 13, 17 — Любощице, 18 — Пещерно-Скифский, мог. 75, 19 — Пещерно-Скифский, мог. 90, 20 — Пещерно-Скифский, мог. 59, и 2.

мени². Соответственно могут быть предложены и пять вариантов интерпретации появления здесь латенизированной керамики.

Первый вариант связан с балканскими походами бастарнов (180—170-е годы до н. э.), второй — с упоминанием кельтоскифов в окрестностях Меотиды Посидонием (140—120-е годы до н. э.), третий — с участием бастарнов в системе понтийских союзов Митридата Евнатора (80—60-е годы до н. э.), четвертый — с «гетским погромом» середины I в. до н. э., пятый — с союзом бастарнов и сармат на рубеже эр.

Поскольку материалы позднескифских городищ, поздняя дата которых не выходит за пределы середины I в. до н. э., не расчленены хронологически, а зарубинецких могильников и поселений или хотя бы отдельных погребений и жилищ в Нижнем Поднепровье не обнаружено, гипотеза о переселении сюда части носителей зарубинецкой культуры [175, с. 72] в любой из указанных выше хронологических периодов не может быть подтверждена на основе имеющихся в нашем распоряжении археологических источников.

Третий и четвертый периоды почти совпадают со временем разрушения городищ. Поэтому выяснить, к какому из них относится тот или иной комплекс, вряд ли когда-нибудь удастся, если только их не будет разделять слой пожара. Насколько нам известно, большая часть латенизированной керамики обнаружена в условиях, исключающих возможность ее попадания в культурный слой после разрушения городищ. Следовательно, наиболее приемлемое объяснение появления здесь этой керамики заключается в участии бастарнов в войнах с Римом на стороне Митридата в составе его разноплеменных отрядов.

В то же время ряд косвенных данных свидетельствует в пользу того, что латенизированная керамика могла быть занесена в Поднепровье и во время гетской экспансии. Так, часть ее обнаружена на тех же памятниках, что и гетская [200, с. 231—232]. Кроме того, известно, что геты и бастарны в 60-е годы до н. э. совместно действовали на стороне Митридата против Рима [129, XXVIII, 10], и предположения об участии части бастарнов в «гетском погроме» на востоке [200, с. 231—232; 247; 352] выглядят достаточно правдоподобно. В таком случае объяснимым становится и отсутствие латенизированной керамики на позднескифских памятниках Крыма, не затронутых гетской экспансией.

² Какие комплексы с латенизированной керамикой «II и даже III вв. до н. э.» имеет в виду Е. В. Максимов, не приводящий ни одного конкретного названия [175, с. 70], нам неизвестно. Поэтому нет и возможности связывать ее находки со столь ранними событиями.

Все эти четыре варианта объяснения появления "зарубинецкой" керамики в Нижнем Поднепровье могут иметь отношение только к находкам, сделанным на городищах, так как могильники типа Золотой Балки относятся к более позднему времени. Пятый вариант интерпретации, касающийся исключительно могильников, состоит в следующем.

Между поздними датами городищ (середина I в. до н. э.) и ранними датами могильников (I в. н. э.) Н. Е. Берлизовым отмечена хронологическая лагуна. Следовательно, можно сомневаться в том, что могильники, как и городища, оставлены поздними скифами, тем более что их погребальный обряд имеет большую степень сходства с обрядом сарматских могильников Причеречья. Вполне логичным выглядит предположение Н. Е. Берлизова о том, что могильники типа Золотой Балки оставлены сарматами [26а, с. 8]. Если это верно, то в латенизированной керамике, найденной в степных погребениях I в. н. э., можно видеть еще одно отражение известного союза бастарнов с сарматами [354].

Итак, становится ясно, что поздние латенские импорты и находки так называемой "зарубинецкой" керамики в Причерноморье, хотя и позволят при дальнейшей разработке их хронологии изучать некоторые неисследованные раньше аспекты истории взаимоотношений античных центров и варваров, не имеют никакого отношения к сложению зарубинецкой культуры, так как или типологически отличны от зарубинецких, или датируются достаточно поздним временем, или имеют более широкий круг аналогов. Мнение Е. В. Максимова о большем значении связей с Нижним Поднепровьем и широкой периферией Ольвии по сравнению со связями с латенским и латенизированным миром [175, с. 48] оказывается аргументированным только типологическими параллелями между зарубинецкими мисками и античными киликами [175, с. 48-51], которые нам не представляются сколько-нибудь убедительными, особенно если учесть, что периферия Ольвии меньше всего насыщена латенскими импортами, а сравнимых с зарубинецкими изделий, за исключением ситулы из Марьевки [454], здесь попросту нет. Роль эллинистического влияния в сложении и развитии зарубинецкой культуры Е. В. Максимовым чрезмерно преувеличена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный хронологический анализ среза секвенций археологических культур III—II вв. до н. э. (рис. 65) убедительно показал отсутствие местных корней зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка: между ранними комплексами латенизированных культур и поздними комплексами местных культур предшествующего времени лежат лакуны длительностью около столетия. Если же считать их несущественными и полагаться на относительное типологическое сходство зарубинецких материалов с материалами поморской, милоградской, скифской культур и поянешти-лукашевских — с гетскими, то мы вынуждены будем предположить, что однотипные по структуре и близкие по вещевому комплексу культуры на Верхнем Одере и Эльбе оказываются германскими, на Висле — балтскими, на Днестре — балтскими или славянскими, в Поднестровье — гетскими, причем все эти культуры будут выводиться из разных и совершенно несхожих между собой культур предшествующего времени. Более того, из трех вариантов зарубинецкой культуры один окажется происходящим из поморской, другой — из милоградской, третий — из скифской культур. При допущении местного происхождения латенизированных культур создается впечатление, что кельтское влияние буквально за считанные годы полностью изменило внешний облик и сnivelировало различия на огромной территории от Одера и Эльбы до Вислы, Днестра и Днестра. Но исследование восточной экспансии кельтов и связанного с ней распространения ранних латенских импортов к востоку от Карпат полностью опровергает возможность такого хода событий.

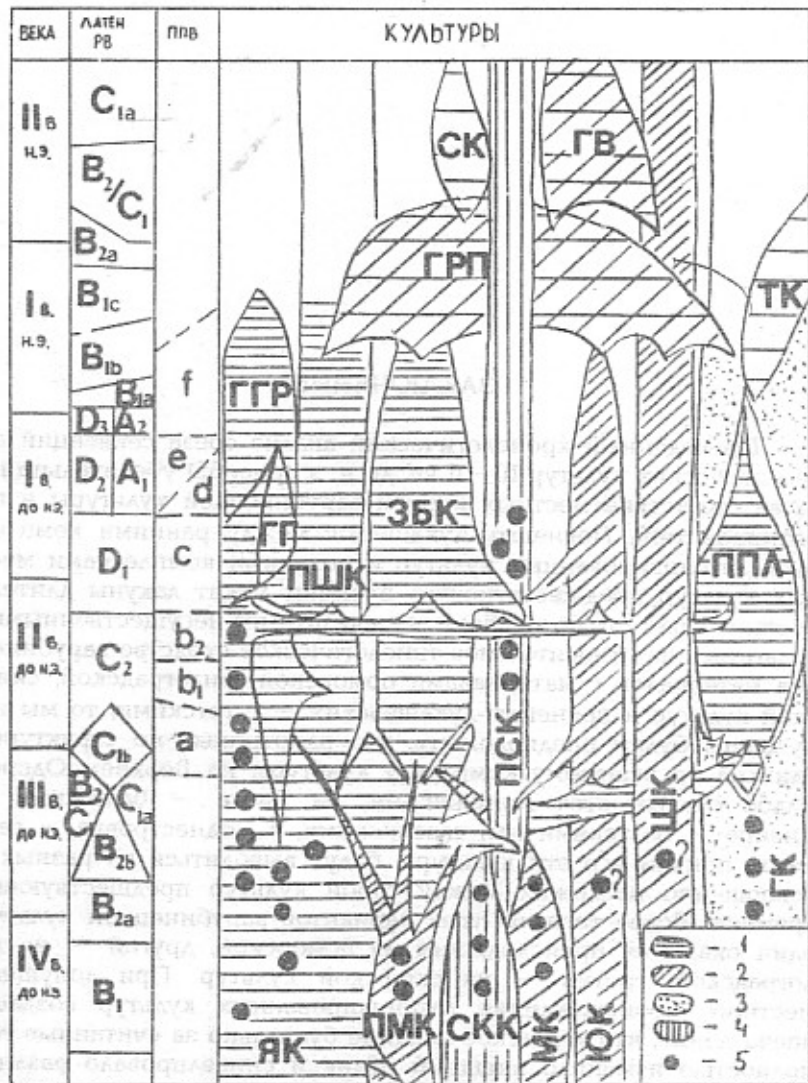

Рис. 65. Горизонтальный срез секций латенизированных культур.

1 — культуры германского круга, 2 — культуры балтского круга, 3 — гето-дакийские культуры, 4 — скифские культуры, 5 — латенские импорт. ГВ — памятники типа Гринс-Вонн, ГГР — гудиская группа, ГРП — горизонт Гросс-Ромштедт, ТК — тетская культура, ГРП — сармат Ледж-Ранж-Гонел, МК — милоградская культура, ПМК — поморская культура, ПШК — позднее ардальское время, ППЛ — памятники типа Поневежи-Лукашево, ПСК — позднескифская культура, ПШК — пшеволякская культура, РВ — римское время, СК — памятники типа Сивальники, СКК — скифские культуры, ТК — памятники типа Колокозино, ШК — культура штрихованной керамики, ЮК — южнорусская культура, ЯК — исторфская культура.

В IV — начале III в. до н. э. кельтское влияние затронуло поморскую, гетскую скифскую, милоградскую культуры и юго-восточную ясторфскую периферию (рис. 65—66). Но для начала процесса латенизации, по-видимому, необходимо было не просто наличие определенных каналов, проводивших кельтское влияние, а что-то большее, сближающее некельтские культуры с латенской. Во всяком случае, никакой структурной перестройки местных культур под влиянием латенской не происходит. Следовательно, латенизированные культуры были привнесены в Повисленье, Поднепровье и Поднепровье извне и в уже практически сложившемся виде.

В поисках "исходного пункта" процесса латенизации мы пришли к выводу, что именно проникновение латенских импортов на юго-восточную окраину ясторфской культуры в III в. до н. э. и создало предпосылки для широкого распространения латенского влияния в некельтской среде, одним из первых результатов которого стало сложение латенизированной губинской группы и расположенных севернее очагов латенизации, например — памятников типа могильника Каммер на Средней Эльбе и надодерской группы ясторфской культуры (рис. 65, 67). Таким образом, не случайно происхождение оксывской, пшеворской культур и поянешти-лукашевской культурной группы все чаще и все более аргументированно связывается с периферией ясторфской культуры. Первые шаги в сопоставлении ранних поянешти-лукашевских и зарубинецких материалов с ясторфскими уже предприняты Д.А. Мачинским, М.Бабешем и К.В.Каспаровой, правда, при сохранении тезиса о позднепоморской основе зарубинецкой культуры в целом.

Судя по исследованиям последних лет, процесс латенизации оказывается связан не столько с постепенным распространением кельтского влияния на соседние территории, сколько с активными передвижениями населения на всей восточной и юго-восточной периферии ясторфской культуры, пограничной с Кельтской. В достаточно короткий временной промежуток, синхронный латену С_{1b}, т. е. 225—190 гг. до н. э., эти передвижения археологически проявляются в сложении цикла латенизированных культур в фазе "а" позднего пр. римского времени (рис. 66) и фиксируются письменными источниками, отмечающими в это время появление в Северном Причерноморье скиров, вместе с галатами угрожавших Ольвии [451, № 32], и бастарнов, около 230-х годов до н. э. упоминаемых Помпеем Трогом [324, 28], на рубеже III—II вв. до н. э. воевавших с гетским вождем Оролом [369, XXXII, 3, 16]. Именно 220—190-ми гг. до н. э., а не 180—170-ми — временем участия бастарнов в балканских походах

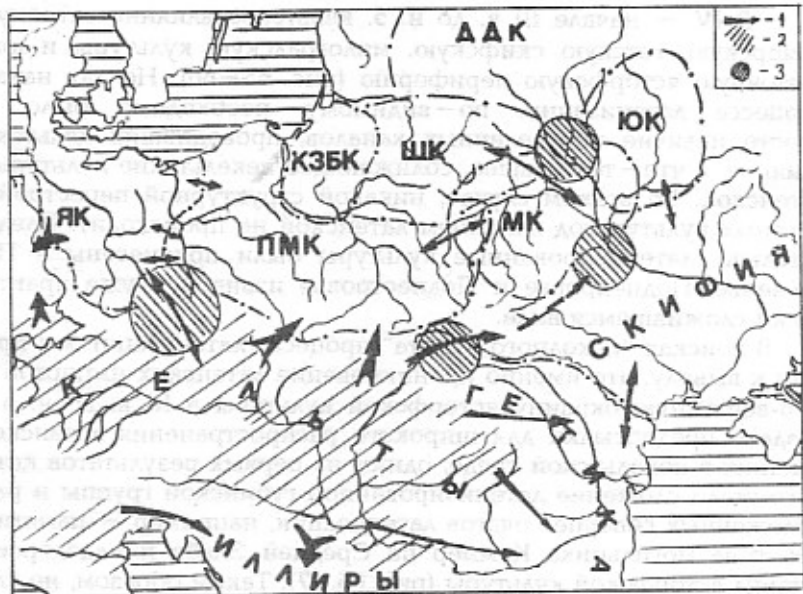

Рис. 66. Взаимовлияния археологических культур IV — начала III в. до н. э.
 1-направления культурных влияний, 2-территории, занятые кельтами, 3-смешанные культурные группы. ДДК — днепро-двинская культура, КЗБК — культура западнобалтийских курганов, МК — милоградская культура, ПМК — номорская культура, ШК — культура штрихованной керамики, ЮК — юхновская культура, ЯК — ясторфская культура

[164, LX, 57, 2–5; 262, XXIX, 9, 12], следует датировать начало широкого распространения процесса латенизации. Объяснение его причин, с одной стороны, может заключаться в оттоке кельтов из Северной Италии под натиском римлян и из Фракии и Трансильвании под давлением даков, т. е. в начале периода среднеевропейской консолидации. С другой — в демографическом “взрыве” в ясторфском культурном круге, причины которого пока неясны. По более поздним аналогиям (переселения кимбров, готов, викингов), которые все так или иначе связаны с побережьем Балтики, можно предположить, что несколько урожайных годов подряд резко понижали здесь детскую смертность. В результате через определенное количество лет возрастало избыточное население, сила и энергия которого и находили применение в переселениях, мало чем отличавшихся по сути от грабительских походов.

Племена, двинувшиеся с окраинных территорий ясторфской культуры, прошли через земли, занятые кельтами в Южной Польше и, возможно, Карпатской котловине, что должно было

еще более усилить и ускорить процесс латенизации, механизм которого в таком случае раскрывается через перемешивание групп носителей разных культур в процессе миграций. Этот вывод подтверждается и тем, что различия между латенизированными культурами и их вариантами не могут быть сведены только к различным их субстратам. Например, полесский и верхнеднепровский варианты зарубинецкой культуры расположены на территории, занятой прежде милоградской культурой, но существенно отличаются друг от друга, причем полесский ближе среднеднепровскому, а не верхнеднепровскому. То же можно сказать и об оксывской и пшеворской культурах, которые расположены на территории, прежде занятой поморскими памятниками. По-видимому, различия латенизированных культур и групп во многом обуславливались не столько разным субстратом, сколько разной пропорцией смешения культурных компонентов разных ясторфских групп друг с другом и с неясторфскими. Под последними подразумеваются прежде всего кельтские и, с меньшей степенью уверенности — поморские и гетские. Чисто гипотетически могут быть предложены в этом смешении также и милоградские и скифские элементы. Исследование соотношения всех этих элементов в ранних комплексах латенизированных культур, пока еще только начинающееся, в будущем позволит существенно уточнить и дополнить предлагаемую схему сложения зарубинецкой культуры.

Как уже отмечалось, все латенизированные культуры появились одновременно, в одном периоде относительной хронологии — в фазе "а" позднего предримского времени, синхронной латену С_{1b}, т. е. в 225 — 190-х гг. до н. э. Вместе с тем можно наметить и некоторую хронологическую градацию появления этих культур, основанную на количестве ранних комплексов. Конечно, такая градация весьма относительна, поскольку не учитывает неравномерности исследованности разных территорий, но все же позволяет делать некоторые предварительные выводы.

В ясторфской культуре комплексов с фибулами с шариками на спинке и А-Костшевский, диагностирующих фазу "а", больше всего — порядка сотни [460]. В могильнике Любошице губинской группы — семь (рис. 21, 2, 22, 1, 2), около десяти — в пшеворской культуре (рис. 26), пять — в могильнике Поянешти (рис. 30, 1), около того — в оксывской культуре (рис. 33), и всего один или два, если учесть фибулу с восьмерками на спинке из Пирогова, которая может относиться и к фазе "b", — в зарубинецкой культуре [151, табл. 22, 20]. Постепенное уменьшение ранних комплексов нельзя отнести только за счет территориального удаления от "исходного пункта" процесса латенизации, поскольку

в губинской группе и в могильнике Поянешти обнаружено сопоставимое их количество (рис. 28). Следовательно, сложение зарубинецкой культуры произошло несколько позже остальных латенизированных [125, с. 115], но в том же периоде относительной хронологии.

В результате передвижений латенизированного населения новые по структуре культуры заняли области, на которых в предшествующее время существовали поморская, милоградская, гетская и скифская культуры (рис. 65 и 67). Столь быстрое распространение новых культур, по нашему мнению, обуславливается двумя причинами. Первая заключается в том, что в момент переселения постоянного оседлого населения в этих областях не было: во всяком случае, обнаружить какие-либо комплексы местных культур второй половины III в. до н. э. удастся в единичных случаях, и, как правило, их культурная и хронологическая интерпретация спорна. Вторая причина заключается в появлении тех условий, которые отсутствовали до последней трети III в. до н. э., а именно — огромной зоны археологической непрерывности, дугой тягущейся вокруг центральноевропейских кельтских областей и через них замыкающейся в кольцо. По всем направлениям внутри кольца, и в особенности по его окраинам, и происходили активные переселения латенизированного населения (рис. 67).

Конечно, «непрерывность» в данном случае не означает плавного перехода от одной культуры к другой, что было характерно для так называемых балтских культур лесной зоны Восточной Европы (показателен здесь бассейн Березины, где границу между памятниками милоградской культуры и культуры штрихованной керамики провести практически невозможно [85; 89]). В среде латенской и латенизированных культур границы более четкие, и археологическая непрерывность выражается скорее в существовании переходных, смешанных групп — подмокельской и губинской, тынецкой и Крагхеде, черничинской, а также в распространении многих интеррегиональных типов вещей, в особенности украшений и оружия.

Несомненно, входила в кольцо археологической непрерывности и зарубинецкая культура, о чем свидетельствует не только сходство фибул, но и сходство погребального обряда [127], а также многочисленные формы керамики, сравнимые с ясторфскими (рис. 60, 69—70). В материалах ясторфской культуры Северной Ютландии находят аналоги и типично зарубинецкие способы орнаментации керамики налепами с пальцевыми вдавлениями и защипами по венчику (рис. 71, 10) [383, табл. 59d, 63d, с. j. 75a, b]. Во всяком случае, для фазы «а» позднего

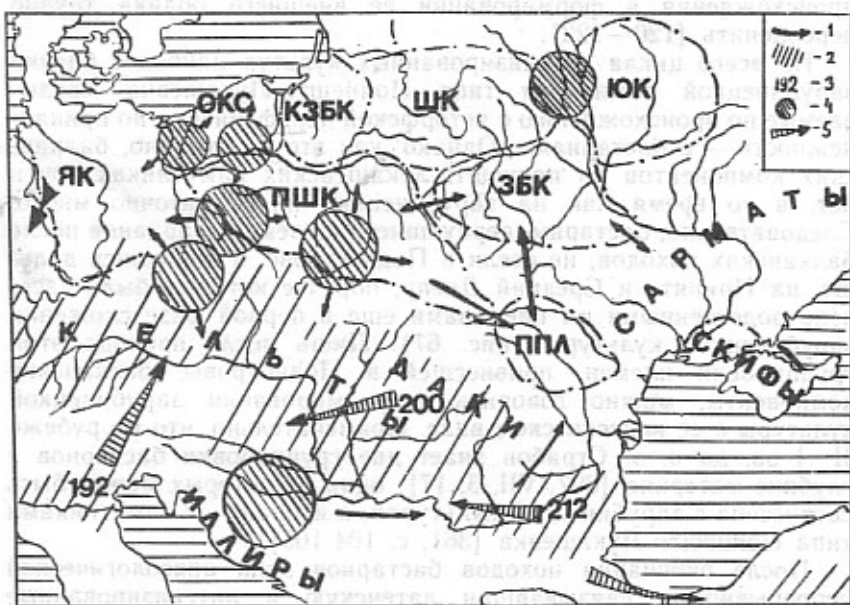

Рис. 67. Культурные взаимодействия конца III — начала II в. до н. э.

1 — направления культурных влияний, 2 — территории, занимаемые кельтами, 3 — зоны оставления кельтами Фракии, Трансильвании и Северной Италии, 4 — зоны смешанных культурных групп, 5 — направления кельтских переселений. ОКС — оксидовская культура, КЗБК — культура «князьбаг» — тийских курганов.

предримского времени (I этап сложения культуры) ее связь с другими латенизированными несомненна. Этот этап, охватывающий период от первого упоминания бастарнов до начала их участия в III Македонской войне, который условно можно назвать «добалканский», вполне вписывается в общеевропейскую культурную ситуацию 220—190-х годов до н. э. (рис. 67).

Впрочем, было бы неправильно связывать происхождение зарубинецкой культуры только с ясторфской периферией, поскольку процесс ее сложения осложнен юго-западными, балканскими элементами. Оставление кельтами Фракии и Трансильвании под давлением даков нарушило целостность зоны археологической непрерывности. Но балканские походы бастарнов, проходившие из Задунавья через Фракию до земель дарданов в Иллирии [164, LX, 57-58], где бастарны действовали в союзе со скордискскими, на какое-то время эту непрерывность восстановили. Именно с балканскими походами связывается второй этап сложения зарубинецкой культуры. Значение вещей юго-западного

происхождения в формировании ее внешнего облика трудно определить [120—122].

Из всего цикла латенизированных культур наиболее близки зарубинецкой памятники типа Поянешти-Лукашевка, связываемые по происхождению с ясторфской периферией, а по принадлежности — с бастарнами. Однако, как это ни странно, балканских компонентов на поянешти-лукашевских памятниках почти нет, в то время как на зарубинецких их достаточно много. Следовательно, бастарны, вернувшиеся из земель дарданов после балканских походов, не осели в Поднестровье, а двинулись дальше, на Припять и Средний Днепр, поречье которых было заселено родственными им племенами еще в первой фазе сложения зарубинецкой культуры (рис. 67). Лишь после прихода этой группировки племен, привнесшей в Подъепровье балканские компоненты, можно говорить о формировании зарубинецкой культуры в ее классическом виде. Примечательно, что на рубеже II—I вв. до н. э. Страбон знает две группировки бастарнов в глубине материка [307, VII, 3, 17], одна из которых может быть соотнесена с зарубинецкой культурой, а вторая — с памятниками типа Поянешти-Лукашевка [361, с. 104-105]¹.

После окончания походов бастарнов зона археологической непрерывности, связывавшая латенскую и латенизированные культуры в единое целое, была отчасти нарушена. Наступил период культурной, и, вероятно, этнической консолидации, затронувшей и собственно кельтский мир, где складываются в это время новые локальные группы, например, памятники типа Падеа-Панагурийской Колонии [580, с. 65-138], и латенизированные культуры, где этот процесс происходил в разных условиях и привел к разным результатам. Так, для памятников типа Поянешти-Лукашевка характерно было сохранение тесных связей с латенской культурой и ясторфской периферией; пшеворская и оксывская культуры сохраняли контакты с ясторфской [574; 576]. Зарубинецкая культура, которая оказалась расположенной дальше других от центров латенского мира,

¹ Мы не станем останавливаться на критике соотнесения венедов и зарубинецкой культуры: она достаточно подробно проделана Д. А. Мачинским [189, с. 94 сл.] и до сих пор не встретила аргументированных возражений, напротив, была усилена М. Б. Шукшиным [358; 361, с. 110] и Г. С. Лебедевым [159, с. 47-48]. Венеды располагались к востоку от Вислы. Локализация этого этнонима, впервые упоминающегося в связи с событиями, гораздо более поздними, чем сложение цикла латенизированных культур и первые упоминания о бастарнах [251, 96-97; 311, 46], скорее всего соответствует «балтскому» кругу культур лесной зоны Восточной Европы, связанных между собой зоной археологической непрерывности.

на некоторое время потеряла контакты с родственными культурами: об этом свидетельствует отсутствие в ней целого ряда типов вещей, характерных для фазы «с» позднего предримского времени [125, с. 116].

В конце II — начале I в. до н. э. происходит ряд событий, воссоздающих в несколько ином виде археологическую непрерывность латенской и латенизированных культур, существовавшую в конце III — начале II в. до н. э. (рис. 65 и 68). На юге, в Причерноморье, — это объединительная деятельность Митридата Евпатора, собравшего под своей эгидой бастарнов Поднепровья, галатов Малой Азии, скордисков Подунавья наряду со скифами, сарматами и другими племенами [12, 15; 368, XXXVIII, 3, 7]. На севере — переселения кимвров, взбудоражившие и в значительной степени заново перемешавшие население латенизированных культур и, судя по сообщениям Посидония Апамейского [252, Марий, XI; 307, 1, 2, 27] и мужским погребениям в Чаплине, затронувшие юго-восточную оконечность Кельтики, т. е. территорию зарубинецкой культуры и припонтийские области. Именно с переселениями кимвров скорее всего связан третий этап сложения культуры, выразившийся в появлении памятников верхнеднепровского варианта. Через кимвров-кельтоскифов, в которых можно видеть одну из составляющих частей системы союзов Митридата Евпатора, кольцо археологической непрерывности могло замыкаться на бастарнов Поднепровья² и скордисков Подунавья, также входивших в эти союзы.

Походы кимвров знаменовали «обрушивание» латенизированного населения на кельтский «котел», породивший процесс латенизации. Кимвры, на время воссоздав зону археологической непрерывности, связывающую латенизированные культуры друг с другом, одновременно разрушили ее центры и структуру, пройдя стремительным маршем по всей Кельтике с огнем и мечом. Именно переселениями кимвров М. Б. Шуклин объясняет исчезновение кельтских погребений на рубеже среднего и позднего латена и окончательное сложение горизонта оппидумов [544]. Римская экспансия на западе и деятельность Бурбисты на востоке в середине I в. до н. э. довершили разрушение зоны археологической непрерывности.

Как только перестала существовать самостоятельная кельтская культура, способная оказывать сильнейшее культурное влияние

² Вопрос о том, входили ли в систему союзов бастарны Поднепровья, т. е. носители зарубинецкой культуры, остается открытым. В пользу такого предположения могут свидетельствовать лишь отдельные находки, например, нагубник из Чаплина (рис. 58, 59), но это погребение, видимо, позднее интересующих нас событий.

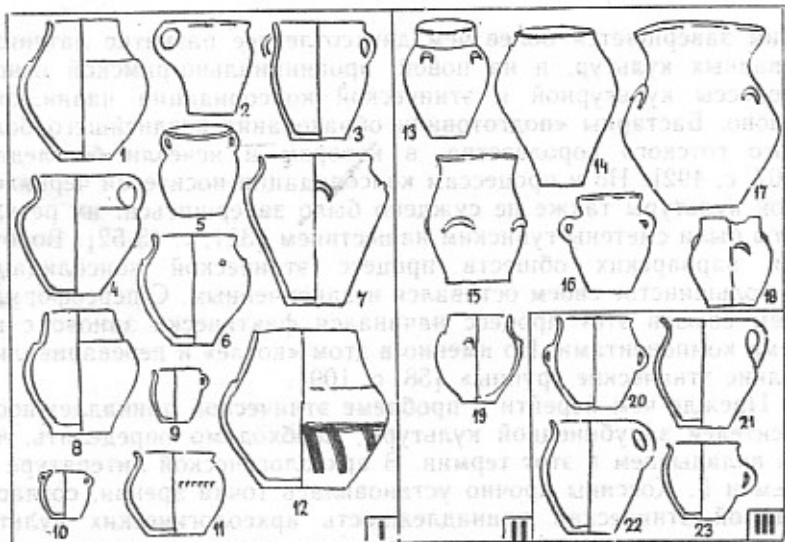

Рис. 69. Некоторые типы керамики ясторфского облика, обнаруженные на зарубищенских памятниках 11-12 (полесский вариант, 13-19 — среднеднепровский вариант, 20-23 — верхнеднепровский вариант).

1-2 — Отвержица, п. 46, 3 — Велесичи I, п. 19, 4 — Отвержица, п. 11, 5 — Отвержица, п. 10, 6 — Отвержица, п. 21, 7 — Велесичи I, п. 31, 8 — Отвержица, п. 17, 9 — Ворошино, п. 37, 10 — Ворошино, п. 37, 11 — Ворошино, п. 31, 12 — Велесичи I, п. 115, 13 — Пирогов, п. 29, 14 — Корсваток, п. 51, 15 — Вишневка, 16 — Пирогов, п. 27, 17 — Зарубишча, 18 — Корсваток, п. 28, 19 — Делин Гора, п. 21, 20 — Чаплин, п. 117, 21 — Чаплин, п. 37, 22 — Чаплин, п. 235, 23 — Чаплин, п. 111.

на окружающие ее варварские группировки, и нарушилась всеобщая взаимосвязь латенской и латенизированных культур, одна за другой стали исчезать и уцелевшие составляющие Кельтики. На одних территориях происходит постепенная трансформация латенизированных культур в культуры римского времени (пшеворская и оксывская культуры), на других, более близких римским провинциям, исчезают латенизированные ясторфские группы и появляются романизированные горизонты (горизонт Гросс-Ромштедт), что связано, по-видимому, с перемещениями населения, в частности с действиями свевов Ариовиستا [405, с. 230-231]. На тех территориях, где переход к римскому времени был осложнен давлением гетов (пояншти-лукашевская культурная группа) и сармат, появившихся в 16 г. до н. э. на Дунае [354] (зарубищенская культура), происходит дискретное изменение занимаемой территории, «структуры поселенчества» и соответствующей ей экологической ниши, а также «перемешивание» населения культур. Здесь возникают памятники типа Колоколино и горизонт Лютеж-Рахны (рис. 65) [154—155; 360; 361, с. 109].

Этим завершается более чем двухсотлетнее развитие латенизированных культур, и на новой, провинциально-римской основе процессы культурной и этнической консолидации начинаются заново. Бастарны «подготовили образование позднейшего большого готского королевства, в котором и исчезли бесследно» [367, с. 492]. Но и процессам консолидации носителей черняховской культуры также не суждено было завершиться: их результаты были сметены гуннским нашествием [321, с. 43-52]. Вообще для варварских обществ процесс этнической консолидации «в большинстве своем оставался незаконченным. С переоформлением союзов этот процесс начинался фактически заново с новыми компонентами. Но именно в этом «котле» и переваривались мелкие этнические группы» [58, с. 109].

Прежде чем перейти к проблеме этнической принадлежности носителей зарубинецкой культуры, необходимо определить, что мы вкладываем в этот термин. В археологической литературе со времен Г. Коссины прочно установилась точка зрения, согласно которой этническая принадлежность археологических культур должна определяться ретроспективным методом, позволяющим связать древние и современные этносы. Мы полностью согласны с В. А. Булкиным в том, что «ретроспективное прослеживание истоков культуры при слабо выраженных внешних очертаниях промежуточных звеньев приводит к произволу в выборе направления последующих, то есть более ранних генетических связей» [38, с. 64]. Археологические культуры, как правило, гетерогенны по происхождению, что рождает благодатную почву для «ничем не стесненного жонглирования вырванными из контекста историческими, археологическими и лингвистическими фактами» [190, с. 11] и для влияния на исторические исследования внеисторических, геополитических факторов.

Ретроспективному методу приходится предпочесть так называемый «метод экземплярного подхода», состоящий в данном случае в сопоставлении культур не с тем или иным существующим до нашего времени этносом, а с группами племен, упоминаемыми в синхронных письменных источниках [419; 421]. В рамках экземплярного подхода решение вопроса об этнической принадлежности зарубинецкой культуры должно основываться на свидетельствах письменных источников о бастарнах и в меньшей степени — о кимврах. Часть древних авторов считает бастарнов кельтами, другая — германцами, третья — гетами, четвертая — смешанным населением. Современные исследователи не менее разноречивы [239, с. 74-77]. Здесь становится необходимым обращение к характеристике ясторфских памятников, с которыми связывается происхождение бастарнов и кимвров.

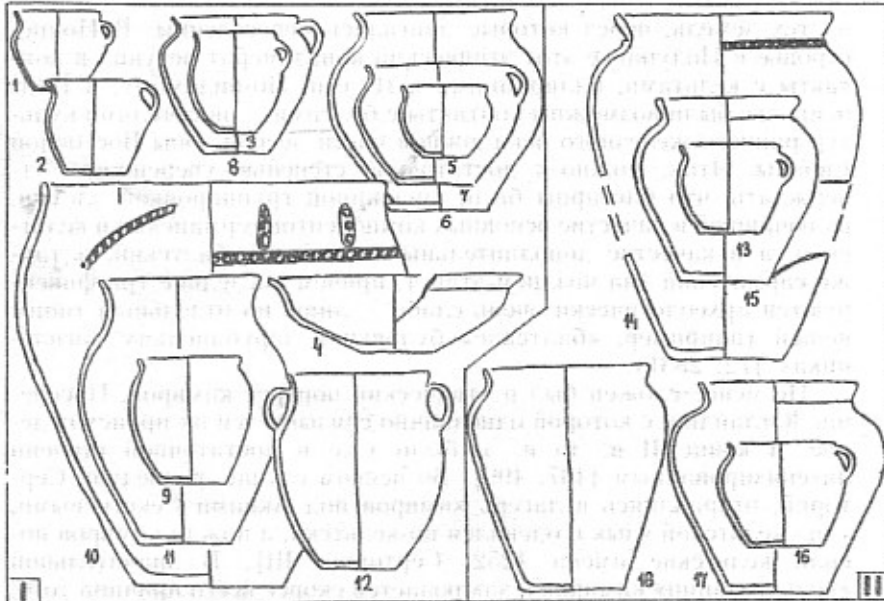

Рис. 70. Некоторые формы ясторфской керамики Ютландии (по К. Беккеру), близкие зарубинецким. I — период II, II — период IIIа.

1, 4 — Реген, яма 1, 2 — Остерлем, жилище III, 3 — Гердинг, жилище 2, 6, 12 — Валеструн, 7 — Дарум, 8, 9 — Снейструн, 10 — Тренгофт, жилище А, 13 — Носберг, 14 — Норре-Фьинд, 15 — Хвндеруп, жилище I, 16 — Норре-Фьинд, жилище XVIIe, 17 — Хвндеруп, яма 3, 18 — Норре-Фьинд, жилище Ib.

Ясторфская культура традиционно считается германской. Однако латенизированные культуры обязаны своим происхождением в большей степени окраинам ясторфской культуры, впитавшим черты многих соседних культур и существенно отличающимся от центральных областей [439]. Периферийные ясторфские группы — не германские, в современном понимании. Скорее всего это переходные этнические конгломераты, в которых определенную роль играли кельтские и германские компоненты (ср. [411]). Об отсутствии четкого этнического разграничения варварских племен свидетельствует и Страбон: «Области за Рёном, обращенные на восток и лежащие за территорией кельтов, населяют германцы. Последние мало отличаются от кельтского племени» [307, VII, 1, 2].

К тому моменту когда группы этого трудноопределимого в современных этнических терминах населения, пройдя расстояние более 1000 километров, появились в Поднестровье и Поднепровье, в их составе должно было оказаться значительное число выходцев

из тех земель, через которые двигались переселенцы. В Поднепровье и Подунавье этот этнический конгломерат вступил в контакты с кельтами, иллирийцами и гетами. По-видимому, в Поднепровье были возможны контакты с балтами — посетителями культур раннего железного века южной части лесной зоны Восточной Европы. Итак, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что бастарны были смешанной группировкой племен, включавшей в качестве основных компонентов германский и кельтский, а в качестве дополнительных — гетекский, балтский, а также сарматский (на позднем этапе), причем последние три фиксируются археологически очень слабо — лишь по отдельным типам вещей (например, «балтские» булавки в зарубинецких могильниках [72; 283]).

Не менее сложен был и этнический портрет кимбров. Население Ютландии, с которой однозначно связывается их происхождение, в конце II в. до н. э. было уже в достаточной степени латенизированным [497; 499]. Во всяком случае, разведчик Серторий, отправляясь в лагерь кимбров под Аквами Секетиевыми, учил кельтский язык и одевался по-кельтски, а вожди кимбров носили кельтские имена [252, Серторий, III]. В значительной «кельтизации» кимбров заключается скорее всего причина того, что их памятники времени походов 120—100-х годов до н. э. до сих пор неизвестны: трудно обнаружить следы латенизированного населения в латенской среде [544; 92а].

Независимо от того, какой компонент мы сочтем главным в этнической характеристике бастарнов и кимбров — кельтский или германский, славянский компонент здесь полностью отсутствует. Зарубинецкая культура может быть связана с этногенезом славян лишь косвенно и в более поздний период, когда позднезарубинецкие памятники горизонта Лютеж-Рахны, а затем киевской культуры наслаиваются на южную окраину балтских культур лесной зоны Восточной Европы и включаются в новую зону археологической непрерывности, меняя под ее влиянием свой внешний облик и структуру [361, с. 111—115]. Если принять точку зрения Х. Бирнбаума о позднем выделении славян из балтославянской языковой общности [385], можно предположить, что именно это наложение и привело к началу разделения балтов и славян, завершившемуся в V в. н. э. [159; 361].

Мы очертили лишь круг проблем, связанных с процессом латенизации, намеренно заостряя внимание на хронологических моментах, на лакунах и взаимосвязях между культурами — да по-иному и трудно построить исследование, опирающееся почти исключительно на материалы могильников. Кроме того, пока нет общепринятой хронологии всей зарубинецкой культуры, с помощью которой можно соотносить зарубинецкие материалы с материалами других латенизированных культур, нет и возможности перейти к другому уровню исследований, например, к изучению роли торговли и обмена в процессе латенизации (ср. исследования С. Чемпион, Й. Мартенса, П. С. Веллса и других [392; 499; 571]) или соотношения местных и привнесенных извне латенизированных элементов на материалах поселений. Исследования процесса латенизации пока еще очень далеки от завершения, и их ход может существенно уточнить и даже изменить предложенную здесь концепцию. Автор надеется и сам продолжить в будущем разработку этой интереснейшей темы.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Каталог ранних латенских памятников и находок к востоку от Карпат (IV—III вв. до н. э.)*

Гетика

1. Глевенешти Вехе. Поселение: раннелатенская (?) фибула. Могильник: трупосожжение с железным браслетом [585, рис. 23, 49].
2. Зимница. Могильник: раннелатенская фибула и фибула с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой [372, рис. 49, 1, 2].
3. Икимены. Поселение: духцовская фибула [585, рис. 23, 42].
4. Истрия. Раннелатенская фибула [585, рис. 23, 32].
5. Кукутени. Поселение: фибула, сосуды [585, рис. 23, 33, 35, 43].
6. Негри. Клад: фрагменты железных поясов с выбитым орнаментом [580, с. 192, № 16].
7. Пояна-Текуч. Поселение: раннелатенские фибулы [585, рис. 23, 34, 36-38, 45-46].
8. Попешти. Городище: браслет из полых полушарий [580, с. 193, № 19].
9. Серета Монтеору. Поселение: раннелатенская фибула, браслет [585, рис. 23, 59, 60].
10. Тариверде. Поселение: фибула с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой [580, с. 193, № 21].
11. Томы. Фибула с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой [586, рис. 2, 1].
12. Трушешти. Раннелатенская фибула [580, с. 193, № 24].
13. Бережанка. Клад: ювелирные изделия, в том числе две гривны и браслет с тройными выступами-шишечками [43].
14. Бобуечи. Клад защитного вооружения [221].
15. Великий Глубочек. Два браслета с тройными выступами-шишечками [148, № 49].
16. Галич. Фрагмент фибулы [580, с. 194, № 35].
17. Городница. Бронзовая фибула и два стеклянных браслета [549, табл. XVII, 1, рис. 39, с. 301-303].
18. Григоровка. Городище: браслет с рубчиками, раннелатенская фибула с плоской спинкой [14, рис. 41, 2, 3; 42, с. 104-105].
19. Долиняны. Поселение: фрагмент духцовской фибулы [296, рис. 4, 2].
20. Залесье. Поселение: браслет с рубчиками [56, рис. 6, 4].
21. Иване Пусте. Поселение: браслет с рубчиками [55, рис. 2, 4].
22. Калфа. Раннелатенская фибула [336, рис. 1].

* Номера памятников соответствуют номерам на рис. 10.

23. Липовцы. Рубчатые браслеты, серебряная монета Филиппа II [547, табл. XXIX, 1, 2].
24. Луговое. Браслет с шишечками [148, № 48].
25. Парканы. Курган 153: фрагмент ножки фибулы с фальшивой пружинкой [326, табл. XXII, рис. 3].
26. Рудь. Городище: духовская фибула [167, рис. 34, 1].
27. Сахарна Малая. Городище: раннелатенская фибула [196, рис. 30, 22].
28. Ульвиков (Вильхов). Браслет с рубчиками [148, № 38].

Скифия

29. Ахтанизовский лиман. Надгробие, изображающее воина с овальным щитом [314].
30. Басовка. Городище: браслет с рубчиками [174, табл. XXIII, 16].
31. Биевцы. Раннелатенская фибула [181, с. 16].
32. Иллурат. Терракота, изображающая воина с овальным щитом [76, табл. XXVIII, 2].
33. Канев. Городище: браслет с рубчиками [332, вып. 1, табл. XI, 62, 67].
34. Красный Перекоп. Курган 23, погребение 1: браслет с рубчиками [245, табл. 44, 15].
35. Кубань. Неизвестная местность: рубчатая гривна с замком штыревого типа [532, табл. X, 8].
36. Ленино. Городище: две бронзовых раннелатенских фибулы [148, № 95].
37. Липовец. Погребение: браслет с шишечками [148, № 54].
38. Любарцы. Курган 4, погребение 1: браслет с рубчиками [245, табл. 44, 13].
39. Макаров остров. Гривна с печатевидными окончаниями [264, рис. 45, 2].
40. Мелитополь. Курган: браслет с рубчиками в погребении рабыни [245, табл. 45, 9].
41. Мельниковка. Гривна с печатевидными окончаниями [31, рис. 38].
42. Мирмекий. Терракота, изображающая воина с овальным щитом [265, рис. 1, 3].
43. Надпорожье. Неизвестная местность: фибула с ложечковидной спинкой и вторая аналогичная с обломанной ножкой [28].
44. Нимфей. Фрагменты браслетов с рубчиками, использованные вторично [66].
45. Огуз. Курган: браслет с рубчиками [245, табл. 44, 14].
46. Ольвия. Формы для отливки браслетов с рубчиками и шишечками [160; 331], несомкнутые браслеты с рубчиками, фибула [8, с. 14].
47. Орджоникдзе. Две пары бронзовых рубчатых гривн с печатевидными окончаниями [532, табл. 10, 6-7, с. 275].
48. Пантикапей. Три терракотовых статуэтки, изображающих воинов с овальными щитами, две фибулы с фальшивой пружинкой, фибула с шариком на ножке, бронзовая полая сфера с тройными выступами-шишечками и птичками [8, табл. 1, 7, 8, с. 12; 223, рис. 141; 265, с. 208, рис. 1, 1, 2, 4].
49. Пастерское. Фигурка кабана [148, № 102].
50. Пекари. Бронзовая фибула, железная шпора, браслет с шишечками, две подвески в виде фигурок птиц, бронзовая маска, проволоочная волнистая гривна [148, № 96; 332, вып. IV, табл. X, № 269].
51. Придеревка*. Раннелатенская фибула [304, л. 2, 25].
52. Прусы (Михайловка). Курган 9: браслет с тройными выступами-шишечками [243, рис. 5, 3].
53. Старинская птицефабрика. Курган 4: браслет с шишечками [245, табл. 44, 13].

* Мы не уверены в том, что удалось правильно прочесть неразборчивый почерк А. А. Спицына.

54. Тбилиси. Две гривны с печатевидными окончаниями [532, с. 276, табл. X, 9].
55. Тира. Терракота, изображающая война с овальным щитом [131].
56. Фанагория. Терракота, изображающая война с овальным щитом, в погребении II в. до н. э. [133, с. 118, табл. XXI, 3].
57. Хоминна могила. Курган: золотая фигурка кабана [206, рис. 117].
58. Частные курганы. Курган 12: браслет с рубчиками [245, табл. 44, 12].
59. Чертомлык. Курган: браслет с рубчиками [245, табл. 45, 8].

Лесная зона

60. Акатово. Городище днепродвинской культуры: браслет с рубчиками [348, рис. 22, 1].
61. Верхняя Злобина. Городище юхновской культуры: браслет с шишечками [148, № 75].
62. Горошкив. Городище милоградской культуры: два клада (1954 и 1957 гг.), содержащие браслеты с рубчиками. Фрагмент духповской фибулы, наконечник дротика [192; 193; 195, рис. 29, 33, 31, 11].
63. Демидовка. Городище днепродвинской культуры: три браслета с рубчиками [348, рис. 50, 17, 19, 26, 28].
64. Дранецьчино II. Городище днепродвинской культуры: бронзовая проволочная «волнистая» подвеска [348, рис. 51, 2].
65. Залесье. Кельтское погребение: сосуд, раннелатенская фибула, обломки браслетов [26, с. 13-17; 370, с. 164-167, рис. 1, 2].
66. Кашира. Городище дяковской культуры: два браслета с рубчиками [148, № 126].
67. Киселевский торфяник. Клад браслетов с рубчиками [97].
68. Мохов I. Городище милоградской культуры: форма для отливки браслетов с рубчиками [195, рис. 58, 8].
69. Новые Батеки. Городище днепродвинской культуры: браслет с рубчиками и браслет с тройными выступами шишечками [323, рис. 12, 27, 28, рис. 13, 6].
70. Песочный Ров. Городище юхновской культуры: браслет с шишечками [44, с. 67-68].
71. Селецкое. Городище дяковской культуры: браслет с рубчиками [140, рис. 3, 6].
72. Тушемля. Городище днепродвинской культуры: браслет с рубчиками и браслет с шишечками в нижнем слое [323, рис. 14, 4, 5].
73. Чаплин. Городище милоградской культуры: форма для отливки браслетов с рубчиками [316, рис. 14, 19].
74. Щербяковское. Городище дяковской культуры: браслет с рубчиками [272, рис. 8, 5].

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Каталог скифских памятников правобережного Среднего Поднепровья, которые могут быть датированы III в. до н. э.*

1. Мартыновка. Курган Три Брата: родосский лягушес и кувшины II в. до н. э. [229, № 721; 244, табл. 21, 18].
2. Степок. Курган [244, № 76].

* Номера памятников соответствуют номерам на рис. 12.

3. Берестяги. Курган 38: фрагментированная чашичка малоазиатского происхождения III—II вв. до н. э. [229, № 729].
4. Бобрница. Курган 31: датирован по уцелевшим бляхам IV—III вв. до н. э. [244, с. 95]. Курган 38: IV—III вв. до н. э. по вильчатому наконечнику [244, с. 95]. Курган 64: сероглиняный одноручный кувшин и красноглиняный лексиф ольвийского происхождения IV—III вв. до н. э. [229, №№ 732, 738]. Курган 96: IV—III вв. до н. э. по наконечникам стрел [244, с. 95].
5. Яблоновка. Курган 3: чернолаковый лексиф ольвийского происхождения III—II вв. до н. э. [229, № 723].
6. Беркозовка. Курган 377: датирован IV—III вв. до н. э. по наконечникам стрел [244, № 84]. Курган 383: IV—III вв. до н. э. по наконечникам стрел [244, с. 95].
7. Казаровка. Курган 24: датирован IV—III вв. до н. э. по наконечникам стрел [244, с. 96].
8. Рединский курган: датирован IV—III вв. до н. э. по набору оружия [244, с. 96].
9. Рыжановка. Курган 3: датирован по пожу и наконечникам стрел IV—III вв. до н. э. [244, с. 96].
10. Большая Яблоновка. Курган 224: красноглиняная ольвийская миска IV—III вв. до н. э. [229, № 746].
11. Гуляй-Город. Курган 326: могильник «А». Курган 330: датированы IV—III вв. до н. э. [244, с. 96].
12. Прусы (Михайловка). Курган: датирован IV—III вв. до н. э. [244, с. 96].
13. Старосельчко. Курган 266: датирован IV—III вв. до н. э. [229, № 705].
14. Теклино. Курган 366: датирован наконечниками стрел и копья IV—III вв. до н. э. [244, с. 97].
15. Максевка. Курган 461: датирован по наконечникам стрел IV—III вв. до н. э. [244, с. 93]. Курган 486: по наконечнику копья и стрел — вторая половина IV—III вв. до н. э. [244, с. 93]. Курган 489: IV—III вв. до н. э. по наконечникам копья и дротика [54, № 70].
16. Журовка. Курган 409: датировка по наконечникам стрел IV—III вв. до н. э. [244, с. 95—96]. Курган 414: IV—III вв. до н. э. по глиняной амфоре [229, № 616]. Курган 416: IV—III вв. до н. э. по наконечнику копья [244, с. 96].
17. Капитановка. Курган 488: датирован по гераклейской амфоре IV—III вв. до н. э. [229, № 588].
18. Турня. Курган 468: датирован IV—III вв. до н. э. [244, с. 96].
19. Андрусовка. Курган: по канфару, наконечникам стрел и дротика датирован IV—III вв. до н. э. [244, с. 95].

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Каталог памятников и находок поморской культуры, обнаруженных на территории западных областей Украины и Белоруссии*

1. Хмели. Селище [214, с. 44].
2. Кустичи. Селище [214, с. 44].
3. Скорбичи. Разрушенный могильник [214, с. 44].
4. Хорєво. Селище [257, № 681; 258, с. 115].
5. Тростяница I. Могильник [214, с. 44].
6. Владычица. Урновое погребение [151, с. 20].
7. Ратайчицы. Могильник [156, с. 440; 257, № 680].

* Номера памятников соответствуют номерам на рис. 13.

8. Леликово. Подъемный материал [257, № 674].
9. Дрогичин. Могильник [214, с. 44; 258, с. 100].
10. Пинск. Разрушенный могильник [257, № 646].
11. Лемешевичи П. Селище [257, № 639].
12. Вешня. Селище [257, № 629].
13. Головно I, II, III, IV. Могильники [151, с. 61 сл.].
14. Гуца. Могильник [17, с. 134; 231, с. 345].
15. Малынице. Могильник [99, с. 22].
16. Кречив. Могильник [402, с. 103].
17. Литовеж. Селище [202, с. 319].
18. Зимно. Селище [18; 148, № 37; 235, с. 35].
19. Лежница. Селище [202, с. 319].
20. Дружкополь. Урновое погребение [240, с. 78—79].
21. Ульвовок (Вильхов). Могильник [455, с. 349—350; 547, с. 102—111].
22. Белз. Кувшин [548, с. 170, рис.].
23. Деревня. Селище [241, с. 298].
24. Страды I. Подъемный материал [16, с. 297].
25. Дрогобыч. Могильник [491, рис. 17].
26. Дубляны. Могильник [549, табл. XLIV].
27. Рудно. Подъемный материал [16, с. 296].
28. Каменка Бугская. Погребение [216а, с. 202].
29. Жуличи. Погребение [216а, с. 202].
30. Крылов. Селище [145].
31. Хорев. Селище [240].
32. Белая. Могильник [17, с. 175].
33. Чернелив Русский. Могильник [59—60].
34. Звенигород. Погребение [17, с. 175; 548, с. 173].
35. Лепесовка. Погребение № 45 [313, с. 47, рис. 16].

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Каталог поздних латенских импортов зоны античных городов Причерноморья (II—I вв. до н. э.) *

Галатия и Понт

1. Кайзеры. Фибула неапольского варианта [523, рис. 1—2].
2. Малая Азия. Неизвестная местность: фибула с расплющенной ножкой [523, рис. 3, 3].
3. Мерсин. Фибула неапольского варианта [523, рис. 3, 5].
4. Приене. Фибула среднелатенской контрукции [523, рис. 3, 4].
5. Синопа. Фибула неапольского варианта [523, с. 211, № 11].
6. Пергам. Изображение шлемов типа Монтефортино на рельефах храма Афины Никсофоры [525, рис. 89].

Западный Понт и Гетика

Античные города

7. Каллатис. Позднелатенский меч [586, рис. 4, 1, с. 190].
8. Месембрия. Фибула с восьмерками на спинке [586, рис. 2, 10, с. 192].
9. Томы. Фибула ольвийского типа и две позднелатенские [586, рис. 2, 3, 9, 3, 2].

* Выражаю признательность Н.Е. Берлизову за помощь в составлении этого каталога. Номера памятников соответствуют номерам на рис. 62.

Кельтские памятники

10. Бовшев. Латенское жилище и яма [143—144].
11. Степанюк (?). Среднелатенская фибула и два стеклянных браслета [532, с. 302].

Гетские памятники

12. Бойчени. Поселение: три графитированных сосуда и фрагмент глиняной фибуры кабана [580, с. 191, № 1].
13. Букарешт—Тей. Поселение: крашенная керамика, стеклянный браслет [580, с. 192, № 4].
14. Глевенешти Вехе. Поселение: графитированные сосуды [580, с. 192, № 10].
15. Городиште. Фрагмент бронзового браслета из полых полушарий [580, с. 192, № 11].
16. Зимница. Дакийский оппидум и могильник: фибула с восьмерками на спинке и фибула В—Костшевский [371, табл. IV, 2; 372, рис. 49, 1].
17. Маташару. Поселение: бронзовая среднелатенская фибула [580, с. 192, № 15].
18. Окница. Поселение: копьевидная фибула [384, табл. 22, 8].
19. Пояна—Текуч. Дакийское городище: фрагмент меча, стеклянный браслет, крашенные сосуды [580, с. 192, № 18].
20. Пояна—Дульцешти—Роман. Графитированные сосуды [580, с. 192, № 17].
21. Цетачени—Мушцел. Поселение и могильник: фибула с восьмеркой на спинке, умбон, кольчуга [580, с. 192, № 5].

Поянешти—лукашевские памятники

22. Боросешти. Поселение: графитированная керамика [580, с. 192, № 2].
23. Ботошана. Поселение: два графитированных сосуда [580, с. 192, № 3].
24. Горошева. Поселение: лигнитовый браслет и графитированная керамика [236, с. 45, рис. 10, 6].
25. Лукашевка II. Поселение: бронзовая фигурка человека, копьевидная (заруби—нецкая ?) фибула [273; 277].
26. Сипотены. Разрушенный могильник: "латенские" ситилы [286].

Сарматские памятники

27. Глинное. Среднелатенская фибула [326, с. 16, табл. XXII, 1].
28. Дубоссары. Погребение 9: фибула О—Костшевский [68].
29. Новоникольское. Курган 1, погр. 7: фибула с восьмерками на спинке [2, с. 6, табл. 4, 7].
30. Островец. Погребение 2: фибула О—Костшевский [298].
31. Турлаки. Курган 7: фибула неапольского варианта [68].
32. Холмское. Погребение 4: фибула В—Костшевский [70, с. 8—10, рис. 2].

Поднепровье

Античные города

33. Керкинитиды. Склеп с уступчатым перекрытием: фибулы неапольского варианта, В—Костшевский, псевдораннелатенская с костом под вставку [204, рис. 8, 8—10].
34. Ольвия. Фибулы ольвийского типа [330, рис. 1, 5—10].
35. Херсонес. Фибулы ольвийского типа и неапольского варианта [8, с. 21—22].

Позднескифские памятники

36. Беляус. Могила 20, погребение 6: фибула с расплющенной ножкой [203, с. 202, рис. 5, 3]. Могила 90: фибулы В—Костшевский и ольвийского варианта [75, рис. 5, 13, 16]. Могила 117: фибула с расплющенной ножкой и подвижным приемником [75, рис. 1Б, 1]. Могила 156: фибула ольвийского типа [203, рис. 1]. Могила 168: фибула неапольского варианта [75, рис. 7, 1].
37. Гавриловское городище. Фрагмент среднелатенских фибул [206, рис. 5, 1].
38. Знаменское городище. Фрагменты среднелатенских фибул [260, рис. 37, 13].
39. Кермен Кыр. Могилиник: фибулы неапольского варианта, В—Костшевский копьевидная [47, с. 113—114, рис.].
40. Красный Маяк. Могила 44: фибула В—Костшевский [57].
41. Неаполь Скифский. Ящик II: позднелатенский меч [261, рис. 10, 12]. Ящики VII, X, XI, XIII, XXI: фибулы неапольского варианта [8, с. 22, табл. 2, 12, табл. 3, 6]. Ящик XXVII: серебряная копьевидная фибула [261, с. 158]. Каменная гробница: серебряная и бронзовая копьевидные фибулы [261, рис. 4, 6]. Курган 1949 г.: фибула неапольского варианта [8, с. 22]. Курган, погребение 3: копьевидная фибула [19, табл. X, 9]. Грунтовый могилиник. Могила 4: четыре фибулы неапольского варианта [310, табл. XV, 2, 4, 5, 23]. Могила 14: среднелатенская фибула и фибула неапольского варианта [310, табл. XV, 5, 8, 10]. Могила 54: среднелатенская фибула [310, табл. XV, 3]. Могила 75: серебряная с золотыми обоямами фибула ольвийского типа [310, табл. XV, 9].
42. Димитрово. Склеп 5: фрагменты среднелатенских фибул [48, рис. 3, 5, 9, с. 71].

Сарматские памятники

43. Аккермень I. Курган II [1952 г.]: копьевидная фибула [294, рис. 43, 7].
44. Бабино. Курган 4 (1954 г.): фибула неапольского варианта [294, с. 100, рис. 45, 6].
45. Большой Токмак. Шлем типа Монтефортино [526, табл. 79].
46. Водяное. Курган 2, погребение 1: фибула В—Костшевский [219, рис. 232].
47. Громовка. Курган: фибула В—Костшевский [294, рис. 45, 3].
48. Марьевка. Погребение: шлем типа Монтефортино, латенская ситула, два наконечника копья [289, 454].
49. Привольное II. Курган I, погребение 1: фибула В—Костшевский [294, рис. 46, 4].
50. Соколова могила. Золотая фибула J—Костшевский [134, рис. 36, 7—9, табл. 4].

Неопределенные памятники

51. Верхняя Тарасовка. Курган: меч и наконечник копья [32, рис. 1, 1—2].
52. Верхняя Хортица. Фрагмент меча [32, с. 276].
53. Волковцы. Две бронзовые фибулы с восьмерками на спинке [332, вып. III, с. 8-9, табл. 355—356, 462].

Зарубинецкие памятники

54. Велемичи I. Погребение 115: графитированная керамика [151, с. 42].
55. Воронино. Погребение 25: фибула с восьмерками на спинке [151, табл. 40, 15].
56. Пирового. Погребение 26: фибула с восьмерками на спинке [146, рис. 4, 1].
57. Стретовка. Латенская ситула [33, с. 58].
58. Субботов. Латенская ситула [222, рис. 117—119].

Днепро-волжское междуречье

Античные города

59. Танаис. Погребения 25 и 209: фибулы неапольского варианта [8, с. 22; 9, табл. 1Б, 1]. Городище: позднелатенские фибулы [9, с. 249, табл. 1, 1, 2].

60. Антиповка. Шлем типа Монтефортино [163, табл. 26, 1].
 61. Арлачин. Курган 40, погребение 10: фибула неапольского варианта [267, рис. 1, 2].
 62. Верхнее Погромное. Курган 1, погр. 14: фибула неапольского варианта [344].
 63. Веселый. Шлем типа Монтефортино [344, рис. 36, 2].
 64. Калиновка. Курган 27: среднелатенская фибула [344, рис. 41, 1].
 65. Лычково III, Курган 1, погребение 1: копьевидная фибула [136, с. 62, рис. 1, 46].
 66. Мариенталь. Курган D22: шлем типа Монтефортино [294, с. 71].
 67. Новоникольское. Фрагмент фибулы с ложечковидной спинкой (?) [344].
 68. Новопрохоровка. Шлем типа Монтефортино [294, с. 71].
 69. Новочеркасск. Шлем типа Монтефортино [268].
 70. Петровское. Курган: фибула неапольского варианта [294, рис. 37, 7].
 71. Попов. Курган 50, погребение 18: фрагмент среднелатенской фибулы [306, рис. 29, 1].
 72. Рыбный. Курган 3, погребение 12: фрагмент среднелатенской фибулы [292, рис. 1, 7].
 73. Ставки. Курган: фибула неапольского варианта [294, рис. 37, 5].

Прикубанье и Кавказ

Города Боспора

74. Кепы. Погребение: фибула неапольского варианта [8, с. 22].
 75. Пантикапей. Фибула неапольского варианта [8, табл. 3, 5].

Сарматы Прикубанья

76. Армавир. Курган 4: золотая фибула с тройными выступами — шишечками на спинке [220, рис. 95, с. 62].
 77. Бойко — Понура. Шлем кельтского происхождения [291, с. 66].
 78. Курганинск. Копьевидная фибула и кельто-илирийский шлем [110, с. 48].
 79. Малаи II. Курган 1, погребение 10: фрагментированная среднелатенская фибула [305, табл. 99, 53].
 80. Понура — Калининская оросительная система. Курган 41, погребение 5: фибула В — Костшевский [179].
 81. Пролетарская I. Курган 3, погребение 3: фибула с восьмеркой на спинке и расплющенной ножкой [338, рис. 118].
 82. Раздольная. Курган 9, погребение 1 и курган 14, погребение 1: фибулы с расплющенной ножкой и фрагментированные среднелатенские [213].
 83. Сергеевская. Шлем типа Монтефортино [294, с. 14].
 84. Таманский полуостров. Курган: фибула неапольского варианта [8, с. 22].
 85. Хоперская. Курган 11, погребение 8: фибула с расплющенной ножкой и с восьмеркой на спинке [104, рис. 3, 2].

Сарматы Притеречья

86. Нижний Джулат. Погребение 37: фибула с расплющенной ножкой. Погребение 96: среднелатенская фибула. Погребение 114: золотая фибула с расплющенной ножкой [1, рис. 4, 45, 12, 22, 13, 20].
 87. Ханкала. Погребение 56: бронзовая фибула с восьмеркой на спинке [242, рис. 2, 11, 21].
 88. Чегем. Погребение 4: фибула неапольского варианта. Погребение 10: шлем типа Монтефортино, фибула с восьмеркой на спинке [130, рис. 6, с. 141 — 142]. Погребение 16: фибула с восьмеркой на спинке. Погребение 64: фрагменты среднелатенской фибулы [242, с. 277].
 89. Дербент. Фибула А — Костшевский [8, с. 19, табл. 3, 1]

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова М. П.* Нижне-Джукатский могильник. Пальчик, 1972.
2. *Алдульников С. М.* Отчет о работе Слободской археологической экспедиции в 1987 г. (рукопись, Кишинев, 1988. Пгт. по [362]).
3. *Алексеев А. Ю.* К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим данным)//АСГЭ. 1981. Вып. 22.
4. *Алексеев А. Ю.* О месте Чертомлыкского кургана в хронологии скифских погребений//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
5. *Алексеев А. Ю.* Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э.//АСГЭ. 1987. Вып. 28.
6. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1-12.
7. *Амброз А. К.* Фибулы зарубиенской культуры//МИА. 1959. № 70.
8. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
9. *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок Танаиса//МИА. 1969. № 154.
10. *Амброз А. К.* Бирские могильники и проблемы хронологии Приуралья в IV—VIII вв.//Средневековые древности Евразийских степей/Отв. ред. С. А. Плетнева, М., 1980.
11. *Амирханов А. М.* До питання про посудини типу керноса//Археологія. 1984. № 46.
12. *Аппиан.* Митридатова війна/Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева//ВДИ. 1946. № 4.
13. *Аппиан.* Сирийские дела/Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева//Там же.
14. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.//КСИМК. 1955. Вып. 59.
15. *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология//Проблемы всеобщей истории/Отв. ред. Ю. М. Санрыкин. М., 1967.
16. *Артюх В. С., Мацкевич Л. Г. и др.* Работы на территории Львова и Львовской области//АО. 1975. М., 1976.
17. *Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині доби бронзи та раннього заліза/* Под ред. В. В. Ахлиха. Киев, 1982.
18. *Аудіх В. В.* Зимнієське городище. Киев, 1972.
19. *Бабенчиков В. П.* Некрополь Цезаполя Скифского/История и археология древнего Крыма/Под ред. П. Н. Шувалова. Киев, 1957.
20. *Бадальниц Ю. С.* Боспор и Родос в III—II вв. до н. э. (торговые связи по данным амфорных клейм): Автореф. канд. дис. М., 1970.

21. *Бадальянц Ю. С.* Дополнительные и «курсивные» клейма на амфорах эллинистического Родоса//ВДИ. 1973, № 4.
22. *Бадальянц Ю. С.* Хронологические соответствия имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса//СА. 1976, № 4.
23. *Бадальянц Ю. С.* Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах//СА. 1980, № 2.
24. *Бажан И. А., Еременко В. Е.* Некоторые аспекты изучения хронологии железного века по методу П. Рейнке//Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. (По материалам I Тихоновских чтений)/Под ред. М. Б. Щукина, О. А. Гей. СПб., 1992.
25. *Барцани Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
26. *Белзневский Ф.* Поля погребальных урн эпохи La Tène в Радомышском уезде Киевской губ.//АЛЮР. 1904, № 1—2.
- 26а. *Берлизов И. Е.* Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. канд. дис. Л., 1990.
27. *Бидзиль В.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971.
28. *Бидзиль В. И., Щукин М. Б.* Латенская культура Закарпатской Украины//Археология СССР. Ранние славяне и их соседи. М. (в печати).
29. *Бикерман Э.* Хронология Древнего мира. М., 1975.
30. *Блаватская Т. Д.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э.//Причерноморье в античную эпоху. 1952. Вып. 3.
31. *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1907—1908 гг.//ИАК. 1910. Вып. 35.
32. *Бодянский А. В.* Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье//СА. 1962, № 1.
33. *Брайчевский М., Бидзиль В.* Проблема кельтов в северо-восточном Прикарпатье//ААС. 1966, Т. 8, fasc. 1—2.
34. *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.//Античный город/Отв. ред. А. И. Болтунова. М., 1963.
35. *Брашинский И. Б.* К истории экономических связей Восточного Причерноморья в античную эпоху (по нумизматическим данным)//Сообщения АН Груз. ССР. Сер. обществ. наук. 1967. Вып. XLVII, № 3.
36. *Будатович С. А.* Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лизимаха в северо-западном Причерноморье//Исследования по античной археологии юго-запада УССР/Отв. ред. П. О. Карышковский. Киев, 1980.
37. *Будатович С. А.* К вопросу о золотых статерах лисимаховского типа, чеканенных в Тире//МАН. 1979.
38. *Будкин В. А.* Преемственность археологических культур и этнический процесс//Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока/Под ред. Р. Ф. Итса. Пермь, 1982.
39. *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (по материалам скифских могильников IV—III вв. до н. э.). Киев, 1985.
40. *Вакуленко Л. В., Пачкова С. П.* О культурной принадлежности поселения позднелатенского времени у с. Сокол//Славяне и Русь/Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1979.
41. *Василевич В. И.* Что считать естественной классификацией//Философские проблемы современной биологии. М.; Л., 1966.
42. *Виноградский Ю. С., Левыук Д. И.* Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах//КСИАУ. 1959, Вып. 9.
43. *Винокур С.* Бережанський скарб//Слов'яно-руські старожитності/Отв. ред. В. И. Бидзиль. Киев, 1969.
44. *Воеводский М. И.* Городища Верхней Десны//КСИИМК. 1949, Вып. XXIV.
45. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках небельдинской культуры//СА. 1979, № 1.
46. *Всеобщая история архитектуры.* Т. II, ч. 1. М., 1949.

47. *Высотская Т. Н.* Поздне斯基фские погребения в кургане близ с. Кермен-Кыр// АНУ. 1967. Вып. 2.
48. *Высотская Т. Н., Махнеева О. А.* Новые поздне斯基фские могильники в Центральном Крыму//Население и культура Крыма в первые века н. э./Под ред. А. В. Гудковой. Киев, 1983.
49. *Вязьмитина М. И.* Поселение у с. Золотая Балка//Археология. 1957. Т. XI.
50. *Вязьмитина М. И.* Золотая Балка. Киев, 1962.
51. *Вязьмитина М. И.* Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра//МИА. 1969. № 150.
52. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
53. *Гайдукевич В. Ф.* О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э.// Античное общество/Под ред. Т. В. Блаватской. М., 1967.
54. *Галаника Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)//САИ. 1977. Вып. Д1-33.
55. *Ганіна О. Д.* Поселения скифського часу в с. Іване Пусте//Археологія. 1965. Т. XIX.
56. *Ганіна О. Д.* Поселения ранньоскифської доби поблизу с. Залісся//Археологія. 1984. № 47.
57. *Гей О. А.* Отчет о полевых работах в с. Красный Маяк Херсонской обл. в 1986 году. М., 1987. (рукопись).
58. *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
59. *Герета И. П.* Раскопки могильника в Чернеливе-Русском//Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. научн. конфер. Киев, 1975. Часть III.
60. *Герета И. П.* Новые исследования в Чернеливе-Русском//АО. 1977. М., 1978.
61. *Голдина Р. А.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье//КСИА. 1979. Вып. 158.
62. *Голенко В. В.* Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времен Митридата VI в боспорских находках//ПС. 1964. Вып. 11.
63. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище//ИГАИМК. 1934. Вып. 85.
64. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии//ВДИ. 1939. № 3.
65. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днестре//МИА. 1954. Вып. 36.
66. *Греч Н. Л.* Отчет о раскопках в Нимфее в 1985 г. Киев, 1986. (рукопись).
67. *Греч Н. Л.* Нова пам'ятка елліністичного часу з Нимфеєю//Археологія. 1987. № 57.
68. *Гросу В. И.* Периодизация сарматских памятников Днестровско-Прутского междуречья: Канд. дис. Кишинев, 1988 (Цит. по [362]).
69. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II//Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье./Под ред. А. В. Гудковой. Киев, 1982.
70. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев, 1989.
71. *Гулыга А. В.* История как наука//Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
72. *Гусаков М. Г.* Булавки со спиральновитым навершием в зарубинецкой культуре//КСИА. 1988. Вып. 194.
73. *Даниленко В. Н.* Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья Украинской ССР//Доклады VI научной конфер. ИА АН УССР. Киев, 1953.
74. *Даниленко В. М.* Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів із Київщини в 1950 року//АП УРСР. 1956. Т. VI.
75. *Дашевская О. Д., Михалин Б. Ю.* Четыре комплекса с фибулами из Белжусского могильника//СА. 1983. № 3.
76. *Денисова В. И.* Коронпластика Боспора. Л., 1981.
77. *Денисова В. И.* Новый эпиграфический документ из Ольвии//СА. 1982. № 1.

78. Держачев В. О. Классификация керамики и относительная хронология Вихватинского могильника//Археология. 1976. № 19.
79. Диодор Сицилийский. Библиотека//Цит. по: [157]. Т. 1, ч. 2.
80. Дион Хризостом. Борисфенитская речь//Цит. по: [157]. Т. 1, ч. 2.
81. Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо//Древности эпохи великого переселения народов/Отв. ред. А. К. Амброз. М., 1982.
82. Дмитров Л. В., Зуев В. Л., Копилов Ф. Б. Любимівське городище рубежу н. е.//АП УРСР. 1961. Т. X.
83. Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII-IV вв. до н. э.//АСГЭ. 1961. Вып. 2.
84. Дюран Б., Одед П. Кластерный анализ. М., 1977.
85. Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке//СА. 1982. № 1.
86. Егорейченко А. А. Очковидные привески на территории СССР//СА. 1991. № 2.
87. Елагина Н. Г. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э.: Автореф. канд. дис. М., 1958.
88. Еременко В. Е. Поморская культура, кельты в Южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конфер. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988.
89. Еременко В. Е. Археологическая карта милоградской культуры//Славяне: этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Л., 1989.
90. Еременко В. Е., Берлизов Н. Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации//I Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989.
91. Еременко В. Е., Журавлев В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры//Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. По материалам I Тихановских чтений/Под ред. М. Б. Шуккина, О. А. Гей. СПб., 1992.
92. Еременко В. Е., Журавлев В. Г., Каргопольцев С. Ю., Абезгауз Г. Г. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры//Там же.
- 92а. Еременко В. Е., Шуккин М. Б. Кимбры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена//Там же.
93. Еременко В. Е., Зуев В. Ю. Михаил Иванович Ростовцев и проблема кельтоскифских культурных контактов//Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
94. Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980.
95. Залашко Г. М., Еременко В. Е. Новый зарубинецкий могильник на Полесье//СА. 1984. № 2.
96. Залашко Г. М., Еременко В. Е. Исследования в Южной Белоруссии//АО. 1983. М., 1984.
97. Залашко Г. М., Еременко В. Е. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье//Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конфер. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
98. Засецкая И. П., Марченко И. И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья (классификация и хронология)//I Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989.
99. Захарук Ю. Н. Дослідження пам'яток доби бронзи та раннього заліза на Волині в 1950 року//АН УРСР. 1956. Т. VI.
100. Захарук Ю. Н. Проблемные ситуации в археологии//СА. 1973. № 4.
101. Златковская Г. Д. Племенной союз гетов под руководством Бурбисты//ВДИ. 1955. № 2.

102. Зограф А. П. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
103. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982.
104. Игнатов В. Н. Катакомбы сарматского времени из курганов у станции Хоперская // КСИА. 1986. Вып. 186.
105. Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
106. Иордан. О происхождении и деяниях готы / Пер. с лат. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1966.
107. История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1971.
108. Каменецкий И. С. Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1978.
109. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода. М., 1975.
110. Каминский В. Н., Берлизов Н. Е. Раскопки кургана-кладбища в г. Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани / Отв. ред. А. Ф. Ачкасов. Краснодар, 1987.
111. Карышковский П. О. До питания про дату ольвийского декрета на честь Протогена // Археология. 1968. Т. XXI.
112. Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2.
113. Карышковский П. О., Клеймяк И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985.
114. Каспарова К. В. Могильник и поселение зарубицкой культуры у дер. Отвержичи // КСИА. 1967. Вып. 112.
115. Каспарова К. В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА. 1969. № 100.
116. Каспарова К. В. Зарубицкая могильник Велемичи // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
117. Каспарова К. В. Зарубицкая могильник в с. Могилыни на Ровенщині // Археология. 1973. № 10.
118. Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы хронологии зарубицкой культуры Полесья // АСГЭ. 1976. Вып. 17.
119. Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубицкой культуры Полесья // СА. 1976. № 3.
120. Каспарова К. В. О фибулах зарубицкого типа // АСГЭ. 1977. Вып. 18.
121. Каспарова К. В. Некоторые типы фибул зарубицкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1978.
122. Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубицкой культуры // СА. 1981. № 2.
123. Каспарова К. В. Хронология зарубицкой культуры Полесья (по материалам могильников): Автореф. канд. дис. Л., 1981.
124. Каспарова К. В. Хронологическое соотношение зарубицкой культуры и культур эпохи латена // Контакты и взаимодействия древних культур: Краткие тез. докл. конфер., посвященной 50-летию ОИПК Государственного Эрмитажа. Л., 1981.
125. Каспарова К. В. Зарубицкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
126. Каспарова К. В. Поздняя фаза зарубицких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев, 1986.
127. Каспарова К. В. Об одном из возможных компонентов зарубицкого погребального обряда // СА. 1988. № 1.
128. Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Шукин М. Б. [рецензия] // СА. 1976. № 4 (Рец. на кн.: Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971; 1973; 1974).

129. *Кассий, Дион*. Римская история//Цит. по: [157]. Т. 1, Ч. 3.
130. *Кеферли Б. М.* Четемский курган-кладбище сарматского времени//Археологические работы на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Вып. 2.
131. *Клейман И. Б.* Изображение война на фрагменте рельефа из Тира//Новые исследования по археологии Северного Причерноморья/Отв. ред. Т. Л. Самойлова. Киев, 1987.
132. *Книпович Т. И.* К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена//ВДИ. 1966. № 2.
133. *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Паитиканея и Фанагории. М., 1981.
134. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- 134а. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья. Киев, 1989.
135. *Колосовская Ю. К.* К вопросу об агафирсах//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1984.
136. *Костенко В. И.* Сарматские погребения Приорелья//Древности степного Поднепровья IV—I тыс. до н. э./Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск, 1983.
137. *Котигорошко В. Г.* Городище рубежа нашей эры в Закарпатье//Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: докл. докл. республ. межвузовск. конфер. молодых ученых. Киев, 1981.
138. *Котигорошко В. Г.* Погребальный обряд и этносоциальные процессы в Верхнем Поднесье III—II вв. до н. э./Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. на юго-западе УССР и в сопредельных регионах: Тез. докл. II сессии Всесоюзной школы-семинара. Львов, 1988.
139. *Кратийна В. В.* До політичної історії Ольвії середини I ст. до н. э./Археологія. 1988. № 63.
140. *Крис А. И., Черный И. Л.* Городища дьякова типа Борцево и Селецкое//КСИА. 1980. Вып. 162.
141. *Крупнов Е. М.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
142. *Крупнов Е. М.* Об историческом аспекте в изучении матеральной культуры//Ленинские плен в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма/Под ред. П. И. Засурцева. М., 1970.
143. *Крушельницька Л. І.* Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів Івано-Франківської обл. в 1961 році//МДАПВ. 1964. Вып. V.
144. *Крушельницькая Л. И.* Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье//КСИА. 1965. Вып. 105.
145. *Крушельницька Л. І.* Поселення поморської культури у Ровенській обл./Археологія. 1968. Т. XXI.
146. *Кубышева А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник//МИА. 1960. № 169.
147. *Культура и цивилизация*; Тез. докл. научн. конфер. М., 1984.
148. *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей в Восточной Европе//СА. 1959. № 1.
149. *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник//МИА. 1959. № 70.
150. *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры//СА. 1960. № 1.
151. *Кухаренко Ю. В.* Памятники раннего железного века на территории Подлесья//САИ. 1961. Вып. Д1-29.
152. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура//САИ. 1964. Вып. Д1-19.
153. *Кухаренко Ю. В.* Погребение у с. Пересынки//МИА. 1970. № 176.
154. *Кухаренко Ю. В.* О памятниках военитской культуры на Украине//Pracy i materialy Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi Ser. arch. 1978. N. 25.

155. Кухаренко Ю. В. О так называемых зарубинецких памятниках в Подольи// Проблемы советской археологии/Под ред. В. В. Кропоткина. М., 1978.
156. Кухаренко Ю. В. Разведки Полесского стряда//АО. 1978. М., 1979.
157. Латышев В. В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1-2. СПб., 1893-1906.
158. Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков//Типы в культуре/Под ред. Л. С. Клейна. Л., 1979.
159. Лебедев Г. С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры и славяне)//Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока/Под ред. Р. Ф. Итса. Пермь, 1982.
160. Лейпунська Н. О. Ливарні форми з Ольвії//Археологія. 1984. № 45.
161. Лесман Ю. М. Погребальные памятники ~~северо-запада~~ Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): Автореф. канд. дис. М., 1988.
162. Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени//ВССА.
163. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. 1965. Вып. Д1-31.
164. Ливий. Тит. Римская история от основания города/Пер. с лат. под ред. П. Адрианова. Т. 1-7. М., 1892-1899.
165. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974.
166. Лукиан. Собр. соч.: в 2-х т./Пер. с лат. под ред. и с коммент. В. Л. Богаевского. М.; Л., 1935.
167. Ляпушняк В. А., Никулице И. Т., Романовская М. А. Памятники ранней поры железного века//Археологическая карта МССР. 1974. Вып. 4.
168. Майн Э. Припонтійские кельты//Античное общество/Под ред. Т. В. Блаватской. М., 1967.
169. Макрия М. Бурбиста и кельты на среднем Дунае//Dacia. 1958. Т. II.
170. Максимов Э. В., Античний імпорт на Срединьому Придніпров'я в зарубинецький час//Археологія. 1963. Т. XV.
171. Максимов Е. В. Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье//МИА. 1969. № 160.
172. Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье//Там же.
173. Максимов Э. В. Про датування зарубинецької культури//Археологія. 1971. № 1.
174. Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.
175. Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.
176. Максимов Е. В. Место зарубинецкой культуры в этногенезе славян//Тез. докл. Междунар. Конгресса славянской археологии. М., 1985.
177. Максимов С. В. Про підоснову зарубинецької культури Середнього Подніпров'я//Археологія. 1988. № 62.
178. Маркарян Э. С. Теория культуры и ~~современная~~ наука. М., 1983.
179. Марченко И. И. Полевой отчет за 1979 г. М., 1980 (Рукопись).
180. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
181. Махно Е. В., Самойловский Н. М. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье//МИА. 1959. № 70.
182. Мачинский Д. А. Археологические памятники у с. Круглик и проблема зарубинецкой культуры//Тез. доп. Подільск. історико-краєзнавч. конфер. Хмельницький, 1965.
183. Мочинский Д. А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка//Археологія Старого и Нового света/Под ред. Н. Я. Мерперта. М., 1966.

184. *Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинцевской культуры // КСИА. 1966. Вып. 107.
185. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сармат в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
186. *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Вып. 15.
187. *Мачинский Д. А.* О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов // КСИА. 1973. Вып. 133.
188. *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // Кельты и кельтские языки / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1974.
189. *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян в I—IV вв. н. э. // АСГЭ. 1976. Вып. 47.
190. *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы фольклора и этнографии / Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1981.
191. *Мелкозин Э. Л.* Проблемы сравнительного метода в исторической науке. Ереван, 1981.
192. *Мельниковская О. Н.* Клад браслетов в дер. Горошков (Южная Белоруссия) // ВДН. 1956. № 1.
193. *Мельниковская О. Н.* Клад латенского времени из Юго-Восточной Белоруссии // Материалы по археологии БССР. 1957. Вып. 1.
194. *Мельниковская О. Н.* О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинцевской культур в Южной Белоруссии // СА. 1963. № 1.
195. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
196. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // МИА. 1958. № 64.
197. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1968. Вып. Д1-4.
198. *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами // МИА. 1969. № 150.
199. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
200. *Мелюкова А. И.* Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н. э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1984.
201. *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978.
202. *Михальчишин И. Р.* Исследования в Прикарпатье и Вольской обл. // АО. 1983. М., 1984.
203. *Михлин Б. Ю.* Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3.
204. *Михлин Б. Ю., Бирюков А. С.* Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Под ред. А. В. Гудковой. Киев, 1983.
205. *Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III в. до н. э.—III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. / Под ред. В. В. Седова. М., 1974.
206. *Мозолевский Б. М.* Скифский степ. Киев, 1983.
207. *Молев Е. А.* Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. Саратов, 1974.
208. *Молев Е. А.* Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре // Античный мир и археология. Саратов, 1974. Вып. 2.
209. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
210. *Мурлик В. Ю.* Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев, 1984.
211. *Невская В.-П.* Византизм в классическую и антиквистическую эпоху. М., 1953.

212. *Нефедова Е. С.* «Маленький клад» украинцев с Горешковского городища// Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тез. докл. IV конфер. молодых ученых НА АН СССР. М., 1988.
- 212а. *Нефедова Е. С.* К вопросу о брацелетах «латинского стиля»//Проблема хронологии эпохи Латена и римского времени/Под ред. М. Б. Щукина и О. А. Гей. СПб., 1992.
213. *Нехаев А. А.* Полевой отчет за 1979 г. М., 1980 (рукопись).
214. *Никитина В. Б.* Вновь открытые памятники поморской культуры//КСИА. 1964. Вып. 102.
215. *Нікіціна В. Б.* Помірки поморської культури на території БССР//Весті АН БССР. Сер. грам. наук. 1964. № 2.
216. *Никитина В. Б.* Поморская культура: Автореф. канд. дис. М., 1965.
- 216а. *Никитина В. Б.* Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине//СА. 1965. № 1.
217. *Никулице И. Т.* Гетя IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.
218. *Никулице И. Т.* Северные фракийцы в IV—I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
219. *ОАК.* 1902. СПб., 1904.
220. *ОАК.* 1903. СПб., 1906.
221. *ОАК.* 1908. СПб., 1912.
222. *ОАК.* 1911. Пг., 1914.
223. *ОАК.* 1913-1915. Пг., 1918.
224. *Обломский А. М.* О хронологии некоторых типов фибул зарубицкой культуры//СА. 1983. № 1.
225. *Обломский А. М.* Верхнеднепровский вариант зарубицкой культуры: Автореф. канд. дис. М., 1983.
226. *Обломский А. М.* Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубицкой культуры (по материалам Чаплинского могильника)//СА. 1985. № 1.
227. *Обломский А. М.* Проблема происхождения верхнеднепровского варианта зарубицкой культуры//Тез. докл. советской делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. М., 1985.
228. *Обломский А. М.* Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на спинке (т. н. зарубицких)//КСИА. 1986. Вып. 186.
229. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.//САИ. 1970. Вып. ДІ-27.
230. *Орозий.* История против язычников//Цит. по: [157]. Т. II. Ч. 2.
231. *Остапнюк Д. А.* Могильник в с. Гуца//АФ. 1968. М., 1969.
232. *Островецков А. С.* Ольвия и торговые пути Скифии//Древности северо-западного Причерноморья/Отв. ред. Г. Г. Мезенцева. Киев, 1981.
233. *Павсаний.* Описание Эллады//Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. Т. 1-2. М.: Л., 1938-1940.
234. *Пальцева Л. А.* Херсонес и понтийские пари//Проблемы отечественной и всеобщей истории. 1979. Вып. 5.
235. *Пастернак Я.* Коротка археологія західно-українських земель//Богословії. 1932. Т. 10. Кн. 3.
236. *Пачкова С. П.* Археологические исследования многослойного поселения у с. Горощева Тернопольской обл.//Археологические памятники Среднего Поднепровья/Под ред. А. Т. Смиленко. Киев, 1983.
237. *Пачкова С. П.* Про культурну належність могильника поблизу с. Додняни на Північній Буковині//Археологія. 1984. № 47.
238. *Пачкова С. П.* Фібули зарубицького типу//Археологія. 1988. № 62.
239. *Пачкова С. П., Романовская М. А.* Население Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н. э.//Славяне на Днестре и Дунае/Под ред. В. Л. Барана. Киев, 1983.

240. *Пелешишин М. А.* Поселения поморской культуры на Західній Волині// Археологія. 1980. № 33.
241. *Пелешишин Н. А.* Рзведки в Западном Побужье//АО. 1980. М., 1981.
242. *Петренко В. А.* Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке//СА. 1980. № 1.
243. *Петренко В. Г.* Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э.//МИА. 1961. № 96.
244. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1-4.
245. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии.//САИ. 1978. Вып. Д1V-5.
246. *Петров В. П.* Зарубинецько-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я та синхронні культури суміжних територій//Археологія. 1961. Т. XII.
247. *Петров В. П.* До питання про лінійну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н. е. — II ст. н. е.//АП УРСР. 1961. Т. X.
248. *Петров В. П.* Етногенез слов'ян. Киев, 1972.
249. *Петровська Э. О.* Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я//Археологія. 1971. № 2.
250. *Пиоро Н. С., Герцен А. Г.* Клад антонианов из с. Долинное Крымской области//НС. 1974. № 5.
251. *Плиний, Гай Секунд.* Естественная история//Цит. по: [157], Т. II, ч. 1.
252. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания//Пер. с древнегреч. под ред. и с комм. М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. М., 1963. Т. 2.
253. *Поболь Л. Д.* Древности Туровщины. Минск, 1969.
254. *Поболь Л. Д.* Новые зарубинецкие могильники на Туровщине//МИА. 1969. № 160.
255. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971.
256. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973.
257. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (Свод археологических источников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск, 1974.
258. *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983.
259. *Погребова Н. Н.* Золотые лицевые пластины из мавзолея Неаполя Скифского//История и археология древнего Крыма/Под ред. П. Н. Шульца. Киев, 1987. Вып. 2.
260. *Погребова Н. Н.* Поздние скифские городища на Нижнем Днепре//МИА. 1958. № 64.
261. *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского//МИА. 1961. № 96.
262. *Полибий.* История//Цит. по: [157], Т. II, ч. 2.
263. *Попко О. О.* Знахідки бронзових латенських короноподібних прикрас в Меньському районі Чернігівської обл.//Археологія. 1965. Т. XIX.
264. *Приходюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI—IX ст. н. е. Киев, 1980.
265. *Пругло В. И.* Позднелеллинистические боспорские терракотовые статуэтки, изображающие воинов//Культура античного мира/Отв. ред. А. И. Болтунова. М., 1966.
266. *Псевдо-Скимн.* Землеописания//Цит. по: [157], Т. I, ч. 1.
267. *Раев Б. А.* Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин//СА. 1979. № 1.
268. *Раев Б. А.* Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея//КСИА. 1988. Вып. 194.
269. *Рао С. Р.* Кластер-анализ в применении к изучению перемешивания рас в популяции людей//Классификация и кластер. М., 1980.
270. *Рагнер І. Д.* Довідник з археології України. Херсонська область. Киев, 1984.

271. *Розен-Пшеворская Я.* К вопросу кельто-скифских отношениях//СА. 1963. № 3.
272. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура/Отв. ред. Ю. А. Краснов. М., 1974.
273. *Романовская М. А.* Селище Лукашевка II//СА. 1962. № 3.
274. *Романовская М. А.* Элементы сходства и различия в культурах исторфской и Поянешти-Лукашевка//Тез. докл. I Симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964.
275. *Романовская М. А.* Население Карпато-Днестровского региона во II—I вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. М., 1968.
276. *Романовская М. А.* Об этнической принадлежности населения, оствившего памятники типа Лукашевка//МИА. 1969. № 150.
277. *Романовская М. А.* О происхождении Лукашевского идола//Древности Восточной Европы/Отв. ред. Л. А. Евтюхов. М., 1969.
278. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. М., 1925.
279. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979.
280. *Самойловский И. М.* Корчуватский могильник//Археология. 1947. Т. 1.
281. *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник//МИА. 1959. № 70.
282. *Свешников И. К.* Памятники милоградской культуры в бассейне р. Горинь//Археология. 1971. № 2.
- 282a. *Севтополис/Отв. ред. Т. Иванов.* София, 1984. Т. 1.
283. *Седов В. В.* Булавки восточных балтов//АВS. 1962. Т. V.
284. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
285. *Седов В. В.* Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979—1985 гг.//КСИА. Вып. 195.
286. *Сергеев Г. П.* Находка медных сосудов в Молдавии//Известия Молд. филиала АН СССР. Сер. обществ. наук. 1956. № 4.
287. *Сергеев Г. П.* Олонештский античный клад//ВДИ. 1966. № 2.
288. *Серзана Н. Я.* Греческая керамическая тара из скифских курганов Молдавии//Археологические исследования в Молдавии. 1984. Кишинев, 1989.
289. *Симоненко О. В.* Пизьбосифский комплекс з с. Мар'івка Миколаївської обл.//Археология. 1986. № 55.
290. *Симоненко А. В.* Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы//Памятники бронзового и железного веков Поднепровья/Под ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск, 1987.
291. *Симоненко А. В.* Импортное оружие у сарматов//Кочевники Евразийских степей и античный мир/Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1989.
292. *Скрипкин А. С.* К датировке некоторых типов сарматского оружия//СА. 1980. № 1.
293. *Смирнов К. Ф.* Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы//Античные государства и варварский мир/Отв. ред. А. Х. Магомедов. Орджоникидзе, 1981.
294. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
295. *Смирнова Г. И.* Куштановицкие курганы у с. Черный Поток в Закарпатье//АСГЭ. 1979. Вып. 20.
296. *Смирнова Г. И.* Могильник типа Поянешти-Лукашевка у с. Долинчя на Буковине//СА. 1981. № 3.
297. *Смирнова Г. И., Берилкович К. В.* Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатье//АСГЭ. 1965. Вып. 7.
298. *Смішко М. Ю.* Сарматські поховання біля с. Острівець, Станіславської обл.//МДАПВ. 1962. Вып. 4.
299. *Сова-Дмитров.* Новые латенские находки в Закарпатье//СА. 1958. Т. VI. № 1.
300. *Сокольский Н. И.* О боспорских штахт//КСИИМК. 1955. Вып. 58.

301. Сокольский Н. И. К вопросу о пашенниках на Боспоре//СА. 1958. Т. XXVIII.
302. Спицын А. А. Памятники латенской культуры в России//ИАК. 1904. Вып. 12.
303. Спицын А. А. Поля погребальных ури//СА. 1948. Т. X.
304. Спицын А. А. «Корочки»//Архив ЛОИА АН СССР, фонд А. А. Спицына, д. 312.
305. Стены европейской части СССР в скифо-сарматское время//Отв. ред. А. И. Мелюкова. М., 1989.
306. Столяр А. Д. Раскопки курганов у хут. Попова//МИА. 1958. № 62.
307. Страбон. География: В 17 кн./Пер. с древнегреч. под ред. и с комм. Г. А. Стратановского. М.: Л., 1964.
308. Сымонович Э. А. Посуда зарубицского типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы/Под ред. В. И. Козенковой. М., 1978.
309. Сымонович Э. А. Фибулы Неаполя Скифского//СА. 1963. № 4.
310. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
311. Тацит, Корнелий. Соч.: В 2 т./Пер. с лат. под ред. А. С. Бобович, Г. С. Киабе и др. Л., 1969.
312. Тимощук Б. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине//КСИИМК. 1962. Вып. 90.
313. Тиханова М. А. Разветка в бассейне верхнего течения р. Горыни//КСИА. 1962. Вып. 87.
314. Толстиков В. И. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана//ВДИ. 1976. № 1.
315. Трапиш М. М. Труды: В 2 т. Сухуми. 1969—1970.
316. Третьяков П. И. Чаплинское городище//МИА. 1959. № 70.
317. Третьяков П. И. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубицкая культура//СА. 1960. № 1.
318. Третьяков П. И. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
319. Третьяков П. И. Зарубицкая культура и поздднепровские славяне//СА. 1968. № 4.
320. Третьяков П. И. Чаплинское городище//МИА. 1969. № 160.
321. Третьяков П. И. У истоков древнерусской народности//МИА. 1970. № 179.
322. Третьяков П. И. О некоторых бронзовых изделиях раннего железного века из Верхнего Поднепровья//Studia in memoriam П. Мога. Tallinn, 1970.
323. Третьяков П. И., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
324. Трог, Помпей. Прологи//Лит. по: [369].
325. Трубишкова П. В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами//КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.
326. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951.
327. Федоров Г. Б. Лукашевский могильник//КСИИМК. 1957. Вып. 68.
328. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тыс. н. э.//МИА. 1960. № 89.
329. Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
330. Фурманська А. І. Фібули з розкопок Ольвії//Археологія. 1953. Т. VIII.
331. Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії//АП УРСР. 1958. Т. VII.
332. Ханенко В. В., Ханенко В. И. Древности Поднепровья. Киев, 1899—1902. Вып. 1—6.
333. Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Поднепровье//ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. 1-2.
334. Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культуры в доисторические времена. Киев, 1913.
335. Цехмистренко В. І. До датування гераклейських клейм//Археологія. 1972. № 5.
336. Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. А., Шукин М. Б. Две находки римского времени в Молдавии//СА. 1987. № 4.

337. *Шадыро В. И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.
338. *Шевченко Н. Ф.* Полевой отчет за 1984 г. М., 1985 (рукопись).
339. *Шелов Д. Б.* Денежная реформа Левкона II//ВДИ. 1953. № 1.
340. *Шелов Д. Б.* Чеканка монет и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э.//МИА. 1954. № 33.
341. *Шелов Д. Б.* Скифско-македонский конфликт в истории античного мира//Проблемы скифской археологии/Отв. ред. П. Д. Либеров. М., 1971.
342. *Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор//ВДИ. 1983. № 2.
- 342а. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танииса III—I веков до н. э. М., 1975.
343. *Шилик К. К.* Транспортные пути античного Северного Причерноморья//Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979.
344. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
345. *Шилов В. П.* «Кельтские» бронзовые шлемы в степях Восточной Европы//Проблемы советской археологии/Под ред. В. В. Кропоткина. М., 1978.
346. *Широкова Н. С.* Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества)//Город и государство в древних обществах/Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1982.
347. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на территории северо-восточной Эстонии. Таллинн, 1955.
348. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976.
349. *Шофман А. С.* Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского//ВДИ. 1973. № 4.
350. *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция//КСИИМК. 1949. Вып. XXVIII.
351. *Шульц П. Н.* Мавзолей Нептола Скифского. М., 1953.
352. *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (постановка проблемы)//Проблемы скифской археологии/Отв. ред. П. Д. Либеров. М., 1971.
353. *Шурган И. Г.* К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э.//КСИА. 1965. Вып. 103.
354. *Шукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой//АСГЭ. 1972. Вып. 14.
355. *Шукин М. Б.* Черняховская культура и явление кельтского ренессанса//КСИА. 1973. Вып. 133.
356. *Шукин М. Б.* Кельто-дагийские памятники рубежа н. э. и липицкая культура/Кельты и кельтские языки/Отв. ред. В. Н. Яриева. М., 1974.
357. *Шукин М. Б.* О датировках узких и датировках широких//Проблемы археологии/Отв. ред. А. Д. Столяр. Л., 1978.
358. *Шукин М. Б.* О бастарнах и венедах Плиния—Тацита и о проблеме их отождествления с археологическими культурами//Тез. докл. сов. делегации на IV Конгрессе славянской археологии. М., 1980.
359. *Шукин М. Б.* Зарубинецкая культура, янтарный путь и веныды//Контакты и взаимодействия древних культур: Краткие тез. докл. научн. конфер., посвящ. 50-летию ОИПК Государственного Эрмитажа. Л., 1981.
360. *Шукин М. Б.* Горизонт Рахны—Почеп: причины и условия образования//Культуры Восточной Европы I тысячелетия/Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев, 1986.
361. *Шукин М. Б.* О трех путях археологического поиска раннеисторических славян. Перспектива третьего пути//АСГЭ. 1987. Вып. 28.
362. *Шукин М. Б.* На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования)//Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)/Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1989.
363. *Шукин М. Б.* О галатах и дате декрета Протогена/Скифия и Боспор.

Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

364. *Шукин М. Б.* Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений)//АСГЭ. 1992. Вып. 31.
365. *Шукин М. Б., Ерменко В. Е.* Современное состояние хронологии латена и позднего предримского времени//АСГЭ. Вып. 33 (в печати).
366. *Шукин М. Б.* Фибулы типа Дезия из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже н. э.//СА. (в печати).
367. *Энгельс Ф.* К истории древних германцев//К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 16.
368. *Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н. э.*/Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1985.
369. *Юстин.* Эпитама сочинений Помпея Трога//Пер. с лат. Д. А. Деконского и М. И. Рижского//ВДИ. 1955. № 2-4; 1956. № 1.
370. *Якимович М. К.* Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомышском уезде Киевской губ.//АЛЮР. 1903. № 3-4.
371. *Alexandrescu A. D.* *Mocmintele din perioada mai tîrzie a necropolei getice de la Zimnicea, jud. Teleorman*//Crişia. Culegere de materiale şi studii: Oradea, 1972.
372. *Alexandrescu A. D.* *La necropolele Gête de Zimnicea*//Dacia. 1980. T. XXIV.
373. *Alexandrescu P.* *Le groupe de trésors Thraces du Nord des Balkans*//Dacia. 1983. T. XXVII. N. 2.
374. *Babeş M.* *Noi date privind archeologia şi istoria Bastarnilor*//SCIV. 1969. T. 20. N. 2.
375. *Babeş M.* *Dacii şi Bastarnii*//Memoria Antiquitatis. 1970. T. II.
376. *Babeş M.* *Germanische Latènezeitliche Einwanderungen im Raum östlich der Karpaten*//Actes du IIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Beograd, 1973.
377. *Babeş M.* *Moldova centrală şi de Nord în secolele II—I î. e. n. (Cultura Poieneşti-Lukaşewka)*. Rez. Tes. Doctorat. Bucureşti, 1978.
378. *Babeş M.* *Paftalele latene tîrzie din Sud-Estul Europei*//SCIVA. 1983. T. 34 N. 3.
379. *Babeş M.* *Descoperile funerare şi semnificaţii în contextul culturii geto-dacice clasice*//SCIVA. 1988. T. 39. N. 1.
380. *Babeş M., Mihăilescu-Bîrliba V.* *Germanische latènezeitliche «Feuerböcke» aus der Moldau*//BRGK. 1972. Bd. 51-52.
381. *Babeş M., Untariu I.* *Der früheste latènezeitliche Germanische Fund aus der Moldau: der Kronerhalsring von Davideni*//Dacia. 1969. T. XIII.
382. *Bader T.* *O zăbăla din a doua perioadă a epocii fierului descoperită la Ciurmeşti*//SCIVA. 1984. T. 35. N. 1.
383. *Becker C. J.* *Förromersk jernalder i Sud- og Midtjylland*//Nationalmuseets Skrifter. Större beretninger. 1961. T. VI.
384. *Berciu D.* *Buridava Dacia*//Biblioteca de arheologie. 1980. T. 40.
385. *Birnbaum H.* *O možnosti odworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej*//American contributions to the 7th International Congress of Slavists. Los Angeles, 1973. T. I.
386. *Böhm J., Jankovich J.* *Skytové na Podkarpatské Rusi*//Carpatica. 1936. C. 1.
387. *Böhme H. W.* *Germanische Gräbfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts*. München, 1974.
388. *Breščak D.* *Antično bronaste posodje Slovenije*//Situla. 1982.
389. *Bretz-Mähler D.* *Les fibules à faux ressort du Musée de Chalons-sur-Marn*//Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1959. T. 56.
390. *Bujna J.* *Spiegelung der Socialstruktur auf latènezeitlichen Grabfelder in*

- Karpatenbecken//PA 1982. R. LXXIII. C. 2.
391. *Bulkin V. A., Klejn Leo S., Lebedev G. S.* Attainments and problems of Soviet archaeology//WA. 1982. V. 13. N. 3.
392. *Champion S.* Production and exchange in Early Iron Age of Central Europe. Settlement and society aspects of West European prehistory in the 1st millenium B. C., Leicester, 1985.
393. *Chomentowska B.* Cmentarzyska kultury pomorskiej na Mazowczy//Światowit. 1970. T. XXXI.
394. *Christlein R.* Datierungsfragen der spälatènezeitlichen Brandgräber Südhaverns//Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1963. Bd. 29.
395. *Čižmař M.* Zur relativ-chronologischen Stellung der jüngsten Horisontes keltischer Gräberfelder in Mähren//AR. 1970. T. 22.
396. *Čižmař M.* Relativní chronologie keltických pohřebist na Morave//PA. 1975. R. LXVI.
397. *Clarke D. I.* Analytical archaeology. London, 1968.
398. *Collis J.* The Dacian Horison settlements and chronology//SAr. 1972. R. XX. N. 2.
399. *Collis J.* Defended sites of the Late La Tène//BAR. 1975. Suppl. Ser. N7 2.
400. *Coussin P.* Les armes gauloises figurées sur les monuments grecs, étrusques et romains//Revue archéologique. 1927. T. XXV.
401. *Crîșan I.-H.* Burebista and his time. București, 1978.
402. *CynkaŹowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961.
403. *Czopek S.* Problem kultury zarubinieckiej na Lubelszczyźnie//Problemy sludenckiego ruchu naukowego. 1981. N. 2.
404. *Dąbrowska T.* Nowe materiały z cmentarzyska ze Starej Wsi, pow. Węgrów//WA. 1973. Z. 37.
405. *Dąbrowska T.* Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa, 1988.
406. *Dąbrowska T.* Bemerkungen zur Entstehung der Przeworsk Kultur//PZ. 1988. Bd. 63. Hf. 1.
407. *Dănilă St.* Primele săpături arceologice în necropola de epocă La Tène de la Finținele//SCIVA. 1978. T. 29. N. 2.
408. *Déchelette J.* Manuel d'archéologie préhistoriques, celtique et gallo-romaine. Paris, 1914 T II.
409. *Dehn W., Frey O. H.* Southen imports and the Hallstatt and Early La Tene chronology of Central Europe//Italy before the Romans. London etc., 1979.
410. *Die Germanen.* Berlin, 1976. Bd. 2.
411. *Die Germanen.* Berlin, 1988. Bd. 1.
412. *Dittenberger W.* Orientis Graecae inscriptiones selectae. Leipzig, V. 1-2. 1903—1905.
413. *Domanski G.* Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III i w. p. n. e. Wrocław etc., 1975.
414. *Domanski G.* Stan i perspektywy badan nad grupą gubuską kultury iastorfskiej//SPB.
415. *Domaradzki M.* Présence celte en Thrace au début de l'époque hellénistique (IV—III s. av. n. e.)//Actes du II-e Congrès International de Thracologie. București, T. I. 1980.
416. *Duval A.* Place des oppidum et places-fortes dans la vie économique et sociale de la Gaule au I—er. s. av. n. e.//L'habitat a l'age du Fer in Europe temperee. Paris, 1981.
417. *Duval A., Blanchet J.-Cl.* Le deuxième âge du Fer au époque de La Tène, en Picardie//Revue archéologique de L'Oise. 1976. N. 7.
418. *Duval P.-M.* Les Celtes. Paris, 1977.
419. *Eggers H.-J.* Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte//Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft: Walle-Festschrift. Heidelberg. 1950.

420. *Eggers H.-J.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
421. *Eggers H.-J.* Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.
422. *Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.
423. *Gądzikiewicz-Woźniak M., Miskiewicz J.* Cmentarzysko kultury łużyckiej i grobów kloszowych z Nidy, pow. Kielce//MSW. 1977. T. IV.
424. *Gajewski L., Garba J.* Najdalej na południowy zachód wysunięte stanowisko kultury zarubinieckiej//WAR. 1976. T. 51. Z. 4.
425. *Giot P.-R.* Hill settlements, souterrains and the chronology of Iron Age in Britanni//The Iron Age and the Hillforts. Southampton, 1971.
426. *Glodariu I.* Dacian Trade with the Hellenistic and Roman World//BAR. Suppl. Ser. 1976. N. 8.
427. *Godłowski K.* Uwagi o niektórych zagadnieniach i interpretacji źródeł archeologicznych//Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Ser. arch. 1962. N. 8.
428. *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods//Pr. A. 1970. Z. 11.
429. *Godłowski K.* Okres lateński w Europie//Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Cz. 4. 1977.
430. *Godłowski K.* Kultura przeworska//PZP.
431. *Godłowski K.* Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław etc., 1985.
432. *Golub Z.* Veneti/Venedi — the oldest name of the Slavs//The Journal of Indo-European studies. 1975. V. 3. N. 4.
433. *Goldschätze der Thraker.* Thrakische Kultur und Kunst auf bulgarischen Boden. Wien, 1975.
434. *Górska J.* Badania archeologiczne w Puszczy Białowieskiej//AP. 1976. T. 21. Z. 1.
435. *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Délos//BCH. 1952. T. LXXVI. N. 2.
436. *Grace V.* The eponims names on Rhodian amphora stamps//Hesperia. 1953. N. 2.
437. *Gralla G.* Ekspertyza antropologiczna szczątków ciałopalnych z Luboszyce, pow. Lubsko//on: [413]
438. *Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh.* Amphora stamps from Callatis and South Dobrudja//Dacia. 1969. T. XIII.
439. *Hachmann R.* Jastorf-Funde ausserhalb der Jastorf-Kultur//Die Kunde. N. F. 1957. Bd. 8.
440. *Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit//BRGK. 1961. Bd. 41.
441. *Hachmann R., Kossack G., Kühn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.
442. *Haffner A.* Das keltisch-römische Gräberfeld von Vederath — Belgium. Mainz, 1971.
443. *Haffner A.* Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trier Landes//AK. 1974. Jg. 4. Hf. 1.
444. *Haffner A.* Zur absoluten Chronologie der Mittellatènezeit//AK. 1979. Jg. 9. Hf. 4.
445. *Hatt J.-J., Rouallet P.* La chronologie de La Tène en Champagne. Epernay, 1976.
446. *Hodson F. R.* La Tène chronology: continental and British//Bulletin of the Institut of Archaeology. 1964. N. 4.
447. *Hodson F. R.* The La Tène cemetery at Münsingen-Rain//Acta Bernensia. 1968. T. V.
448. *Hollstein E.* Mitteleuropäische Eichenchronologie//Trierer Grabungen und Forschungen. 1980. Bd. 11.

449. *Horedt K.* Zur Herkunft und Datierung des Kassels von Gundestrup// *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 1967. Jg. 14.
450. *Hvass St. Hødde.* Et vestjysk Landsbysamfund fra ældre jernalder// *Arkaeologiske Studier*. 1985. T. VII.
451. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*/ Ed. V. Latyschew. Petropoli, 1916. V. I.
452. *Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae*/ Ed. D. M. Pippidi. București, 1883. V. I.
453. *Jacobstahl P.* Early Celtic Art. Oxford, 1944.
454. *Jacounina-Ivanova L.* Une trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie Méridionale// *Eurasia septentrionalis antiqua*. 1927. T. I.
455. *Janusz B.* Sprawozdanie państwowe konserwatora zabytków przedhistorycznych okręgu Lwowskiego za rok 1923// *WAR*. 1924. T. 9. Z. 2.
456. *Joffroy R.* Le tombe de Vix (Côte-d'Or). Paris, 1954.
457. *Joffroy R.* Le trésor de Vix. Paris, 1962.
458. *Juillaumet J.-P.* La défaite des Helvetes — histoire et archeologie// *LMC*.
459. *Keiling H.* Die vorrömische Eisenzeit im Elde-Karthane Gebiet// *Beiträge zum Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg*. 1969. N. 3.
460. *Keiling H.* Ein Urnengrab mit Kugelfibel aus der jüngeren vorrömischen Eisenzeit von Schönbeck, Kr. Stralsburg// *Ausgrabungen und Funde*. 1970. T. 15.
461. *Kimig W.* Ein Kelten aus Ägypten// *Germania*. 1940. Jg. 24. Hf. 2.
462. *Klein Leo S.* Archaeological typology// *BAR*. Internat. Ser 1982. N. 153.
463. *Kokowski A.* Stan i potrzeby badań nad młodszyim okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich na Lubelszczyźnie// *SPB*.
464. *Kokowski A.* Czerniczin i Masłomęcz, gm. Hrubieszów, woj. Zamojskie// *Sprawozdania z badań terenowych Zakładu Archeologii UMCS w 1980 roku*. Lublin, 1980.
465. *Kołodziejski A.* Badania cmentarzyska w Domaniowicach, pow. Głogów, w latach 1964—1971// *Sprawozdania archeologiczne*. 1973. T. 25.
466. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur in der Spätlatènezeit// *Mannus-Bibliothek*. 1919. N. 18.
467. *Kostrzewski J.* Od mezolitu do okresu wędrówek Ludów// *Prehistoria ziem Polskich*. Kraków, 1948.
468. *Kostrzewski J.* Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach. Poznań, 1961.
469. *Kostrzewski J.* Pradzieje Pomorza. Wrocław etc., 1966.
470. *Kostrzewski J.* Über die Beziehungen zwischen der Pommerellichen Kultur und der Wenedischen Kultur der Spätlatènezeit// *I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej*. Wrocław etc., 1969.
471. *Kostrzewski J.* Über die Herkunft der Nordgruppe (Oksywiangruppe) der Wenedischen Kultur der Spätlatènezeit// *Actes du VII-e Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques*. Praha, 1971. T. 2.
472. *Krämer W.* Keltische Hohlbuckelringe von Isthmus von Korinth// *Germania*. 1961. Jg. 38.
473. *Krämer W.* Manching II. Zu den Ausgrabungen in den Jahren 1957—1961// *Germania*. 1962. Jg. 40.
474. *Kruta W.* La trésor de Duchcov: dans les collections tchécoslovaques. Ustinad-Labem, 1971.
475. *Kruta W.* Duchcov-Münsingen: nature et diffusion d'une phase laténienne// *LMC*.
476. *Kruta W.* Les Celtes. Paris, 1979.
477. *Kruta W.* Les Boiens de Cispadagne: essai de paléethnologie celtique// *EC*. 1980. N. 20.

478. *Kruta-Poppi L.* Les celtes a Marzabotto (Province de Bologne)//EC. 1975. N. 14. Fasc. 2.
479. *Kruta-Poppi L.* La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et le facies Boïen du III-e s. av. n. e.//EC. 1979. N. 19.
480. *L'art celtique en Gaule.* Marseille etc., 1984.
481. *Lehr-Spławiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
482. *Lehr-Spławiński T.* Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych//Rocznik sławistyczny. 1960. T. XXI.
483. *Liana T.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzywskim//WAR. 1970. T. 35.
484. *Liana T.* Kształtowanie się stylu B₁ w kulturze przeworskiej//PrA. 1976. Z. 22.
485. *Luka L. J.* Kultura wschodniopomorska na Pomorzu Gdańskim//Biblioteka archeologiczna. 1966. T. 19.
486. *Majnarič-Pandzič N.* Keltsko-latenska kultura u Slavonii i Srijemu//Acta Musei Cibalensis. 1970. T. 2.
487. *Makiewicz T.* W sprawie genyzy trackich i dackich ołtarzy i palenisk kultowych//PrzAr. 1977. Z. 25.
488. *Makiewicz T.* Ołtarze i «paleniska» ornamentowane z epoki żelaza w Europie//PrzAr. 1976. Z. 24.
489. *Malinowski T.* Kultura pomorska a kultura grobów podkloszowych//Zagadnienia okresu lateńskiego w Polsce. Wrocław etc., 1968.
490. *Malinowski T.* Obrządek pogrzbowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław etc., 1969.
491. *Malinowski T.* Problem genyzy popielnic twarzonych kultury pomorskiej//PKP.
492. *Marciniak J.* Znaczenie planigrafii dla badań archeologicznych//AP. 1960. T. 4.
493. *Marič Z.* Keltski elementi u mlađem Željeznom dobu Bosne i Hercegovine//GZM. 1963. Sv. 18. N. 5.
494. *Marič Z.* Japodske nekropole u doline Une//GZM. 1968. Sv. 23. N. 1.
495. *Marschalleck K.-H.* Das Laténegräberfeld bei Cammer (Kr. Zauch-Belzig)//PZ. 1927. Bd. XVII. Hf. 3-4. *
496. *Martens J.* The Wandals: myths and facts about a Germanic tribe of the first half of the 1st millenium A. D.//Archaeological approaches to cultural identity. London, 1985.
497. *Martens J.* The preroman Iron Age cemetery at Kraghede//Memoires archeologiques. Lublin (in print).
498. *Martens J.* Borremose in North Jutland: a fortified settlement of the Early Iron Age//Memoires archeologiques. Lublin (in print).
499. *Martens J.* Inter-barbaric trade around the Baltic: on existence of a trade-net beyond the Roman realm//Archaeologia Interregionalis. Warszawa (in print).
500. *Meduna J.* Das keltische Oppidum Staré Hradisko in Mähren//Germania. 1970. Jg. 48.
501. *Megaw J. V. C.* Art of the European Iron Age: a study of the elusive image. London, 1970.
502. *Megaw J. V. C.* Style and style grouping in continental Early La Tène Art//WA. 1972. T. 3. N. 3.
503. *Megaw J. V. C.* Celtic art: product of travelling craftsmen or chieftainly vassals?//LMC.
504. *Mohen J.-P.* La présence celtique dans les Sud-Ouest de L'Europe: indices archéologiques//LMC.
505. *Motykowa-Sneidrowa K.* Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen. Praha, 1963.
506. *Müller S.* Vendsysselstudier III//Aarbøgen for Nordisk Oldkyndighed og historie. 1912.

507. Müller-Beck H.-J., Ettlinger E. Die Besiedlung der Engethalbinsel in Bern auf Grund der Kenntnisstandes von Februar des Jahres 1962//BRGK 1964. Bd. 43-44.
508. Niewęglowski A. Obrządek pogrzbowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er. Wrocław etc., 1981.
509. Niewęglowski A. Elementy religii//PZP.
510. Novotný B. Das Oppidum von Bratislava//LMC.
511. Nylan E. Der Norden und mit dem thrakischer Raum//Studia Gothica. 1978.
512. Okulicz L. Kultura pomorska a kultura kurchanów zachodniobałtyckich//PKP.
513. Párducz M. Denkmäler des Sarmatenzeit Ungarns II//Archeologia Hungariquae. 1944. Bd. 28.
514. Párei O. Das Kleinaspergle//Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. 1943—1948. Bd. 17.
515. Pauli L. Untersuchungen der Späthallstrattkultur in Nordwürttemberg//HBA. 1972. Bd. 2. Hf. 1.
516. Pazda St. Ze studiów nad kulturą wschodniopomorską na Dolnym Śląsku//AP. 1970. Z. 15.
517. Peschel K. Fibeln mit Spiralfüß//ZA. 1972. Bd. 6.
518. Peschel K. Frühe Waffengräber in Gebiet der südlichen Elbgermanen//Symposium Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet. Bratislava. 1977.
519. Peschel K. Brandgräber aus der spätkeltischen Randzone in Südwestthüringen//PrA. 1978. Z. 26.
520. Petres E. F. Some remarks on anthropoid and pseudoanthropoid hitted daggers in Hungary//LMC.
521. Philip of Macedonian. London, 1982.
522. Polenz H. Mittel- und spätlatènezeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main//Studien und Forschungen. 1971. N. F. Hf. 4.
523. Polenz H. Gedanken zu einer Fibel vom Käyseri in Anatolien//Böner Jahrbucher. 1979. Bd. 178.
524. Polenz H. Münzen in latenezeitlichen Gräbern Mitteleuropas aus der Zeit zwischen 300. und 50. v. Chr. Geburt//Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1982. Jg. 47.
525. Powell T. G. E. The Celts. London, 1980.
526. Raev B. A. Roman imports in the Lower Don basin//BAR. Internat. Ser. 1986. N. 278.
527. Reinecke P. Zur Kenntnis der La Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen//Festschrift zur Feier des 50 Bestehens des Römisch-Germanische Zentralmuseums zu Mainz. Mainz, 1902.
528. Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur//Mainzer Zeitschrift. 1906. Bd. I.
529. Richthofen B., von. Zur Herkunft der Wandalen//Altschleisen. 1930. Bd. 3.
530. Rieckhoff-Pauli S. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hüfingen//Saalburg Jahrbuch. 1975. Bd. XXX.
531. Rieth A. Bemerkungen zu einem keltischen Langschwert von Neapolis auf der Krim//Germania. 1965. Jg. 43.
532. Rosen-Przeworska J. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski//Światowit. 1946 1947. T. XIX.
533. Posen-Przeworska J. Some celtic-skythian parallels//AP. 1964. T. VI.
534. Rosen-Przeworska J. Ikonografia wschodnioceltycka. Wrocław etc. 1976.
535. Russu I. I. Zoltes și Rheinoxos//Apulum. 1967. T. 6.
536. Sandars N. K. Orient and orientalism in early celtic art//Antiquity. 1971. V. 45.
537. Sandars N. K. Orient and orientalism: recent thoughts reviewed//Celtic art in ancient Europe. Five prehistoric centuries. London, 1976.

538. Sankot P. Studien zur Sozialstruktur der nordalpinen Flachgräberfelder der La Tène-Zeit in Gebiet der Schweiz//Zeitschrift der Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1980. Bd. 37.
539. Schiering W. Zeitscheltung und Herkunft der Bronzesitula von Waldalgesheim//HBA. 1975. Bd. 5. Hf. 1.
540. Schmidt-Thielber E. Das Gräberfeld von Wahlitz. Berlin, 1967.
541. Schumacher K. Siedlungs- und Kulturgeschichte der Reinlande. T. I. Die vorrömische Zeit. Mainz, 1922.
542. Settlement archaeology/Ed. K. C. Chang. Palo Alto, 1968.
543. Seyer H. Siedlungs- und archäologische Kultur der Germanen in Havel-Spree-Gebiet in des Jahrhunderten vor B. u. Z.//Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. 1982. Bd. 34.
544. Shchukin M. B. Rome and barbarians in Central and East Europe in 1st century B. C. 1st century A. D.//BAR. Internat. Ser. 1989. N. 542.
545. Shchukin M. B., Eremenko V. E. The Celts in Transcarpathian Ukraine and some problems of the La Tène chronology//AAC. 1991/(in print).
546. Stöckli W. E. Die Grob- und Importkeramik von Manching//Die Ausgrabungen in Manching. 1979. Bd. 8.
547. Sulimírski T. Kultura wysocka. Kraków, 1931.
548. Sulimírski T. Die Kisten und Glockengräberkultur in Südostpolen//Swiatowit. 1933. T. XV.
549. Sulimírski T. Skytowic na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.
550. Sulimírski T. Scythian antiquities in Central Europe//Antiquaries Journal. 1945. T. XXV. N. 1-2.
551. Sulimírski T. The Celts in Eastern Europe//To St. Piggot on the occasion of his 65th birthday. London, 1976.
552. Szabó M. Une fibule celtique à Délos// BCH. 1971. T. 95.
553. Szabo J. Késő vaskori kora császárkori leletek Tótkomlósrol//Archaeologiai értesítő, 1986. T. 113. Sz. 1.
554. Tackenberg K. Zu den Funden von Lukaszewka im Bezirk Kischinew, Moldau-Republik//Althüringen. 1963. Bd. VI.
555. Tempelmann-Mączyska M. Perlen im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz, 1985.
556. Teodor S. Bastarni pe teritoriul Moldovei//Studii și materiale istoria. 1973. T. 3.
557. Teodor S. Săpăturile de la Cucorâni//Archeologia Moldovei. 1978. T. VIII.
558. Tischler O. Über die Gliederung der La Tène Periode und über die Dekoration der Eisenwaffen in dieser Zeit//Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnographie und Urgeschichte. 1885. Jg. 16.
559. Točik A. K otázke osídlenia juhozápadného Slovenska na zlome letopočtu AR. 1959. R. XI. Č. 6.
560. Todorovič J. Klasifikacija keltskích štitova otkriveních u dolnjeji Panoniji i na Balkanskom Poluostrvu//Vestnik Voinog muzeja JNA. 1966. T. 11-12.
561. Todorovič J. Skordisci: istorija i kultura//Monumenta archaeologica, 1974. T. 2.
562. Venclová N. Otažki etnické príslušnosti podmokelské a kobylské skupiny//AR. 1973. R. 25.
563. Viollier D. Une nouvelle subdivision de l'époque La Tène//Comptes Rendus du Congrès de L'Association Française pour l'avancement des Sciences. Dijon, 1911.
564. Viollier D. Les sépultures du II-e âge du Fer sur plateau Suisse. Genève, 1916.
565. Voigt T. Latenezeitliche Halsringe mit Schälchenenden zwischen Weser und Oder//Jahresschrift der Mitteldeutschland Vorgeschichte. 1968. Bd. 52.
566. Vulpe R. Săpăturile de la Poieniști din 1949//Materiale arheologice privind

- istoria veche a RPR. 1953. T. 1.
567. *Vulpe R.* Le problème des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie//Nouvelles études d'histoire, présentées au X-me Congrès des Sciences Historiques à Rome. București, 1955.
568. *Waldhauser J.* Beitrag zum Studium der keltischen Siedlungen, Oppida und Gräberfelder in Böhmen//LMC.
569. *Waldhauser J.* Keltische Gräberfelder in Böhmen//BRGK. 1987. Bd. 68.
570. *Wätremes Ch.* The Eastern influence on celtic metalwork Unpublished Diploma paper, London, 1979.
571. *Wells P. S.* Culture contact and culture change: Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean world. Cambridge, 1980.
572. *Werner J.* Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien. München, 1979.
573. *Wolągiewicz R.* Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju//ĀP. 1970. T. XV. Ž. 1.
574. *Wolągiewicz R.* Kultura pomorska a kultura oksywska//PKP.
575. *Wolągiewicz R.* Grupa nadodrzańska//PZP.
576. *Wolągiewicz R.* Kultura jastorńska na Pomorze Zachodnim//PZP.
577. *Wolągiewicz R. a M. D.* Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu n. e.//Materiały Zachodniopomorskie. 1963. T. IX.
578. *Woźniak Z.* W kwestii pobytu Celtów na Karpatach Zachodnich//AAC. 1966. T. VIII. Fasc. 1-2.
579. *Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc., 1970.
580. *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze kultury Lateńskiej. Wrocław etc., 1974.
581. *Woźniak Z.* Kulturelle Beziehungen zwischen der Gebieten Polens und der DDR während der La Tène und der frühen römischen Kaiserzeit//Arbeits und Forschungsberichte Sachsen 1977. Bd. 22.
582. *Woźniak Z.* Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictwa zabytków pochodzenia południowego//PKP.
583. *Zahlhaas C.* Der Bronzeimer von Waldalgesheim//HBA. 1971. Bd. 1. Hf. 2.
584. *Zirra V.* Un cimitir celtic în nord-vestul României: Ciumești I. Baia-Mare, 1967.
585. *Zirra V.* Beiträge zur Kenntnis des keltischen Lateine in Rumänien//Dacia. 1971. T. XV.
586. *Zirra V.* A propos de la présence des éléments laténiens sur la rive occidentale de la Mer Noire//LMC.
587. *Zürn H.* Zur Übergang von Späthallstatt zu Latène A im südwestdeutschen Raum//Germania. 1952. Jg. 30.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	Археологические исследования на Украине
АЛЮР	Археологическая летопись юга России
АО	Археологические открытия
АП УРУР	Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	Вестник древней истории
ВССА	Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ИАК	Известия археологической комиссии
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИАУ	Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983
МДАПВ	Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НС	Нумизматика и сфрагистика
ОАК	Отчет археологической комиссии
ПС	Палестинский сборник
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
ААС	Acta archaeologica Carpathica
АBS	Acta Baltico-Slavica
AK	Archäologisches Korrespondenzblatt
AP	Archeologia Polski (Archaeologia Polona)
AR	Arsheologické Rozhledy
BAR	British Archaeological Reports
BCH	Bulletin de Correspondence Hellénique
BRGK	Bericht der römisch-germanischen Kommission
EC	Etudes Celtiques
GZM	Glasnik Zemaljskog muzeju u Sarajevu
HBA	Hamburger Beiträge zur Archäologie
LMC	Les mouvements Celtiques du V-e au I-er s. av. n. e. Paris, 1979
MSW	Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne
PA	Pamiatky archeologicke
PrA	Prace archeologiczne
PrzAr	Przegląd archeologiczny
PKP	Problemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979
PZ	Prähistorische Zeitschrift
PZP	Prahistoria ziem Polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski, Warszawa etc., 1981
Sa	Slavia Antiqua
SAr	Slovenská archeológia
SCIV	Studii și cercetari de istorie veche
SCIVA	Studii și cercetari de istorie veche și arheologie
SPB	Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich. Kraków, 1986
Wa	World Archaeology
WAr	Wiadomości archeologiczne
ZA	Zeitschrift für Archäologie

Введение	3
I глава. Период исторической экспансии кельтов и восточное пограничье латенской культуры в IV—III вв. до н. э.	9
1. Некоторые проблемы хронологического членения восточного латена (9). 2. Хронология латенских древностей Закарпатской Украины (28). 3. Хронология ранних латенских импортов к востоку от Карпат (IV—III вв. до н. э.) (37)	
II глава. Культуры лесной и лесостепной зон Восточной Европы и местная подоснова латенизированных культур (хронологический анализ)	55
1. Поздний этап милоградской культуры и зарубинецкие памятники Верхнего Поднепровья (56). 2. Среднеднепровский вариант зарубинецкой культуры и скифские древности (62). 3. Гетская культура Молдовы IV—III вв. до н. э. и памятники типа Появешти-Лукашевка (67). 4. Поморская культура, кельты в Южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур (70)	
III глава. Культурные изменения на северной и южной окраинах восточно-кельтского мира в III—начале II в. до н. э. и начало процесса латенизации	79
1. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников раннего железного века по методу П. Рейнке (79). 2. Синхронизация фаз позднего предричского времени и ступеней латена (83). 3. Юго-восточное пограничье исторической культуры и «исходный пункт» процесса латенизации (87). 4. Хронология могильников типа Появешти-Лукашевка (105)	
IV глава. Ранняя дата зарубинецких могильников и этапы сложения культуры	121
1. Еще раз о методе (123). 2. Хронология могильника Воронино подлесского варианта (132). 3. Хронология могильника Корчиновое среднеднепровского варианта (140). 4. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта (145). 5. Переселения кимбров, могильник Чаплин и завершающий этап сложения зарубинецкой культуры (165)	
V глава. Зарубинецкая культура и Северное Причерноморье	172
1. Хронология поздних латенских импортов зоны античных городов Причерноморья (II—I вв. до н. э.) (172). 2. Находки «зарубинецкой» керамики на позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья (182)	
Заключение	187
Приложение I. Каталог ранних латенских памятников и находок к востоку от Карпат (IV—III вв. до н. э.) (202). Приложение II. Каталог скифских памятников правобережного Среднего Поднепровья, которые могут быть датированы III в. до н. э. (204). Приложение III. Каталог памятников и находок поморской культуры, обнаруженных на территории западных областей Украины и Белоруссии (205). Приложение IV. Каталог поздних латенских импортов зоны античных городов Причерноморья (II—I вв. до н. э.) (206)	
Библиография	210
Список сокращений	231